

В Германии общий тираж книг Нойхаус превысил 3 000 000 экз.

Мистер Глум

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**НЕДЕ
НОЙХАУС
НЕНАВИСТНАЯ ФРАУ**

ПЕРВОЕ ДЕЛО ПИИ КИРХХОФ

ЭКСМО

Воскресным августовским утром главный комиссар полиции Хофхайма Оливер фон Боденштайн и его помощница Пия Кирххоф получили на руки сразу два самоубийства. Но лишь одно из них оказалось настоящим: у себя в саду застрелился главный прокурор Франкфурта. А вот молодая красавица Изабель Керстнер умерла не сама, хотя, казалось, все указывало на то, что она бросилась вниз со смотровой башни. По данным экспертизы, перед этим ей ввели смертельную дозу средства для усыпления лошадей. А поскольку Изабель работала в конно-спортивном комплексе, Боденштайн и Кирххоф первым делом поехали туда. Там выяснилось, что погибшую все либо боялись, либо ненавидели. Беспринципная интриганка, Изабель нажила себе множество врагов, и расправиться с ней мог кто угодно. Но никто не мог и представить, какая длинная цепочка преступлений потянется за смертью женщины, которая никого не любила...

Неле Нойхаус

Ненавистная фрау

*Моим родителям
Бернарду и Кароле Лёвенберг,
а также моему мужу Харальду
посвящаю.
Спасибо за все.*

Пия Кирххоф прислонилась к изгороди выгона. Положив руки на верхнюю жердь, она с удовольствием наблюдала за парой лошадей, которые спокойно брели по влажной траве, щипали ее, набивая полную пасть, и выискивали место, где зелень была особенно сочной.

Капли росы сверкали в лучах восходящего солнца, лоснились шкуры лошадей. Пия с улыбкой смотрела, как обе лошади, опустив головы, шаг за шагом медленно идут рядом по большому выгону с высокими деревьями, и удовлетворенно вздохнула.

Разрыв с Хеннингом, как выяснилось впоследствии, оказался только во благо. Шестнадцать лет Пия прожила во Франкфурте, в старинных домах Вестенда и Заксенхаузена, играя роль супруги доктора Хеннинга Кирххофа. И только теперь, в свои тридцать восемь, оставив шикарные городские апартаменты, она наконец полностью обрела себя. Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось купить небольшое поместье неподалеку от трассы А66 в направлении Висбадена, где она наслаждалась жизнью рядом со своими любимыми лошадьми. Кабриолет «БМВ» сменился на внедорожник. Свободное время уходило на то, чтобы привести в порядок маленькое хозяйство, очистить стойла от навоза, уложить в кипы солому и сено и подремонтировать дом.

Вот уже месяц Пия вновь работала по своей прежней профессии в уголовной полиции. То, что она получила место в организованном всего два года назад отделе К-2 дирекции уголовной полиции Хофхайма, было таким же счастливым стечением обстоятельств, как и приобретение поместья Биркенхоф в Унтерлидербахе. Собственно говоря, в этот выходной должен был дежурить ее коллега Франк Бенке, но, когда он предложил подежурить вместо него, Пия не стала отказываться. Было четверть восьмого, когда дежурная диспетчерская служба сообщила ей, что сборщик винограда из Хофхайма полчаса назад обнаружил в своем винограднике труп мужчины. Пия перенесла уборку конюшни на более позднее время, сменила старые джинсы на те, что поновее, завела внедорожник и направилась по вымощенному щебнем выезду из Биркенхофа в сторону автострады. Последний взгляд на лошадей: травы и воды достаточно, кроны деревьев вполне защищают от солнца. Затем она сконцентрировалась на первом собственном деле в своей новой работе.

Еще не было случая, чтобы Козима перед поездкой не забыла в офисе что-нибудь жизненно важное. Поэтому Оливер фон Боденштайн не особенно удивился, когда его жене в половине восьмого утра срочно потребовались накладные на фотооборудование, лежащие в сейфе в офисе фирмы. Уже приготовленный прощальный завтрак был отменен, и расставание с дочерью и собакой состоялось на скорую руку в дверях.

— Где твой брат? — спросила Козима семнадцатилетнюю дочь Розали.

Сурово вырванная из глубокого воскресного сна, с растрепанными волосами и стеклянным взглядом, зевая, она сидела на нижней ступени лестницы. К торопливому отъезду матери в какую-нибудь далекую страну и ее недельному отсутствию дочь привыкла с детства.

— Наверное, в коме где-нибудь валяется. — Девушка пожалала плечами. — Очередная шлюха послала его для разнообразия на все четыре стороны. Это его доконало.

Для Розали не было новостью, что ее старший брат часто меняет подружек, и каждое расставание, которое следовало всякий раз после четырех-шести месяцев страстной и

душераздирающей любви, уже давно перестало быть темой для дискуссий в семье Боденштайнов.

— Мы должны идти, Козима. — В дверях появился глава семейства. — Если еще что-нибудь случится, самолет улетит в Южную Америку без тебя.

— Береги себя, малышка. — Козима ласково взъерошила дочери волосы. — И не прогуливай занятия, пока меня не будет.

— Ну разумеется! — Розали закатила глаза и поднялась, чтобы обнять мать на прощание. — Ты тоже береги себя. Я здесь справлюсь.

Мать и дочь встретились взглядами, чуть принужденно улыбнулись. Они были очень похожи и действительно хорошо понимали друг друга.

Было сухое и ясное утро уходящего лета. Над Таунусом простиралось голубое безоблачное небо. Солнце растопило тонкую вуаль утреннего тумана. Все обещало теплый погожий день.

— У Лоренца любовные страдания. — Голос Козимы звучал сочувственно, но весело. — Я бы никогда этого не допустила.

Боденштайн бросил взгляд на жену. Козима была привлекательной женщиной с тонкими чертами лица, очаровательными зелеными глазами и волосами медного цвета. Она обладала страстным темпераментом и метким умом, а также отличалась широтой взглядов, хотя зачастую воспринимала мир цинично.

Даже по прошествии многих лет Оливер все еще ощущал себя счастливым человеком. Возможно, это связано с тем, что в силу профессии жены они часто и надолго расставались, а возможно, причиной тому — их практически диаметрально противоположные характеры. Так или иначе, несмотря на заботы, связанные с детьми, и напряженную работу, им удалось сохранить драгоценную искру любви, которая у других пар зачастую быстро исчезает под давлением однообразных будней.

— Я знаю его последнюю подружку? — поинтересовался Боденштайн у супруги.

— По крайней мере, должен был бы знать, — улыбнулась та. — Ее зовут Мона. Невероятная молчунья. Роза утверждает, что она немая. Я тоже не слышала от нее ни слова.

— Для того чтобы расстаться, она все же раскрыла рот.

— Или послала ему эсэмэску, — ухмыльнулась жена. — Сегодня это делается так.

Мыслями Боденштайн был совершенно в другом месте. Каждый раз, когда Козима отправлялась в одну из своих приключенческих киноэкспедиций, его охватывало отчаянное желание никогда больше ее не отпускать. Он казался себе невестой моряка, которая провожает своего жениха в гавань и смотрит ему вслед, наблюдая, как он отплывает в неизвестное будущее. Они выехали из Фишбаха в направлении Руппертсхайна. Пару лет назад в небольшом местечке Таунус Козима нашла новое помещение для своей киносъёмочной группы, так как после третьего повышения арендной платы офисы во Франкфурте стали очень дорогими. Это был импозантный комплекс зданий, охраняемый законом о защите памятников. Пару лет назад предприимчивый консорциум инвесторов выкупил бывший туберкулезный санаторий, ранее влачивший жалкое существование и постепенно разрушающийся, и преобразовал его в престижный объект под названием «Цауберберг»^[1], с частными квартирами, художественными мастерскими, врачебными кабинетами, офисами и рестораном, где арендная плата была пока еще доступной. Не в последнюю очередь по этой причине два года назад Боденштайн легко принял решение

добровольно перейти на должность руководителя вновь образованного отдела К-2 Франкфурта в округе Майн-Таунус. В ходе реорганизации гессенской полиции возник самостоятельный отдел по расследованию особо тяжких преступлений при Региональном управлении уголовной полиции в Хофхайме, и главный комиссар Оливер фон Боденштайн не жалел о том, что после двадцати лет жизни в суетливом мегаполисе перебрался в провинцию. Правда, у начальника уголовной полиции Хофхайма работы было немногим меньше, чем прежде во Франкфурте, но условия оказались значительно выгоднее.

Боденштайн свернул на свободное парковочное место у «Цауберберга».

— Мы могли бы вместе позавтракать в аэропорту, — предложил он, припарковав свой «БМВ». — До твоей регистрации у нас еще уйма времени.

— Хорошая идея, — улыбнулась Козима и вышла из автомобиля. — Я сейчас вернусь.

Боденштайн тоже вышел на улицу, прислонился к крылу автомобиля и какое-то время наслаждался великолепным видом на Рейн-Майнскую область. В этот момент зажужжал его мобильник.

— Доброе утро, шеф, — раздался голос его новой коллеги Пии Кирххоф. — Простите, что беспокою так рано.

— Нет проблем, — откликнулся он. — Я уже на ногах.

— Это хорошо, у нас будет много работы, — сказала Пия Кирххоф. — Сборщик винограда из Хофхайма сегодня утром обнаружил в своем винограднике труп мужчины. Я уже там. Похоже на суицид.

— Тогда зачем вам нужен я? — спросил Боденштайн.

— Вы знакомы с погибшим. — Пия Кирххоф понизила голос. — Это главный прокурор Йоахим Гарденбах.

— Кто? — Боденштайн выпрямился и почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки. — Вы уверены?

Главный прокурор Франкфуртской прокуратуры доктор Йоахим Гарденбах был известнейшим борцом с преступностью. Безжалостный, лишенный чувства юмора противник компромисса, с немалыми политическими амбициями, он многим внушал страх. Ни для кого не секрет, что в случае победы Христианско-демократического союза на сентябрьских выборах в Бундестаг и связанного с этим переезда нынешнего гессенского министра юстиции в Берлин Гарденбах должен был стать его преемником. Боденштайн пребывал в растерянности. Он знал главного прокурора уже более двадцати лет и во времена работы во Франкфурте постоянно имел дело с этим человеком.

— Да, я уверена, — ответила Пия Кирххоф. — Он покончил с собой, выстрелив себе в рот из охотничьего ружья.

Боденштайн увидел Козиму, быстрым шагом направляющуюся к нему через парковочную площадку. Завтрак в аэропорту, очевидно, тоже отменяется.

— Я буду через полчаса, — сообщил он своей новой коллеге. — Где мне вас найти?..

Когда Боденштайн закончил разговор, Козима с любопытством спросила:

— Что там? Что-нибудь случилось?

— Конечно. — Оливер открыл ей переднюю дверцу. — Главный прокурор Гарденбах застрелился. Наш прощальный завтрак, к сожалению, не состоится.

По дороге в Хофхайм Боденштайн молчал. Ему уже множество раз приходилось бывать на месте преступления. Он видел трупы разной степени обезображенности, во всех стадиях

разложения, но всякий раз им овладевало это странное чувство. В который раз Оливер спрашивал себя, станет ли он когда-нибудь менее восприимчивым или просто фаталистом, чтобы больше ничего не чувствовать, направляясь к месту обнаружения трупа.

Пия Кирххоф как раз беседовала с руководителем отдела по обеспечению сохранности следов, когда увидела своего шефа, пробирающегося с застывшим лицом между виноградными опорами. Как всегда, он выглядел безупречно. Рубашка в полоску, галстук, легкий льняной костюм. Ей было чрезвычайно любопытно, как им вместе будет работаться над каким-нибудь делом. До сего момента они едва обменялись десятком фраз.

— Доброе утро, — поздоровалась Пия. — Простите, что испортила вам выходной, но я подумала, будет лучше, если вы сами станете руководить расследованием.

— Доброе утро, — кивнул Боденштайн. — Все в порядке. Это действительно Гарденбах?

Пия была женщиной довольно высокой, сто семьдесят восемь сантиметров, но при разговоре с шефом ей приходилось запрокидывать голову.

— Да, — подтвердила она. — Без сомнений. От его лица, правда, почти ничего не осталось, но у него при себе был бумажник.

Боденштайн направился дальше, чтобы осмотреть страшно изуродованный зарядом дроби труп главного прокурора, уже накрытый простыней. Сотрудники отдела по обеспечению сохранности следов тоже находились здесь, исследуя сантиметр за сантиметром и производя фотосъемку.

— Вы фрау Кирххоф?

Вопрос прозвучал за ее спиной. Пия обернулась и увидела стройную рыжеволосую даму, с любопытством взирающую на нее. Пия кивнула.

— Козима фон Боденштайн. — Женщина улыбнулась и подала ей руку. Пия с удивлением протянула руку в ответ.

— Рада познакомиться, — сказала она, задаваясь вопросом, что делает фрау фон Боденштайн в это время на месте преступления.

— Я тоже, — ответила Козима фон Боденштайн. — К сожалению, мне уже пора. Мы ехали в аэропорт, когда вы позвонили. Как думаете, могу я тоже взглянуть на труп?

Пие пришлось сделать усилие, чтобы не уставиться на собеседницу с открытым ртом, как это сделал бы туповатый двенадцатилетний подросток. Жена ее шефа явно не являлась утонченным аристократическим созданием, каким ее описывали.

Козима заметила удивление Пии и весело улыбнулась.

— Я видела уже достаточно трупов, — объяснила она. — Раньше, когда я еще работала на телевидении, это было частью моей повседневной жизни. Окровавленные части тел, разбросанные по автотрассе и лежащие в кювете... Однажды я сама обнаружила голову убитого мотоциклиста после аварии наверху у Фельдберга.

Пия молчала.

— Так я, впрочем, познакомилась со своим будущим мужем, — призналась Козима фон Боденштайн. — В некотором роде у ног самоубийцы, который повесился у себя в конторе. Я была там со съемочной группой, а муж только начал работать в полиции. Это был его первый труп, и его тошнило. Я дала ему «Клинекс».

Завидев идущего навстречу шефа, Пия подавила насмешливую улыбку.

— Ну как? — спросила его жена. — Это действительно Гарденбах?

— К сожалению, да, — ответил Боденштайн и скорчил гримасу. — Ты можешь взять такси до аэропорта? Здесь серьезное дело.

Пия тактично отошла в сторону, чтобы шеф мог проститься с женой. Главный комиссар фон Боденштайн, казавшийся до сего момента столь недоступным и совершенным, тоже всего лишь человек, которого, оказывается, тошнило при виде его первого трупа. Эта слабость сделала его в глазах Пии неожиданно симпатичным.

Вдова главного прокурора Гарденбаха была не в состоянии беседовать с Боденштайном и Пией, после того как они, проявив максимум сочувствия, сообщили ей страшную новость о самоубийстве ее мужа. У них не было времени ждать, когда женщина преодолет первый шок, так как руководство приказало им выехать на новое место, где в этот прекрасный августовский день обнаружили еще один труп. Боденштайн оставил фрау Гарденбах и ее всхлипывающих детей на попечение соседки и их приятеля-врача и отправился с Пией в Таунус. Молодая парочка наткнулась на труп женщины под смотровой башней на вершине Атцельберга между Руппертсхайном и Эппенхайном. По дороге Боденштайн созвонился с директором уголовной полиции Нирхофом, своим непосредственным начальником, сообщил необходимые детали по делу Гарденбаха и попросил его провести назначенную на час дня пресс-конференцию в управлении полиции Франкфурта.

— Я могу и одна поехать в Руппертсхайн, — предложила Пия, когда Боденштайн закончил разговор. — Ведь пресс-конференция определенно важнее...

— Нет-нет, — быстро перебил ее Боденштайн. — Мы с Нирхофом согласовали распределение обязанностей в подобных ситуациях. В отличие от меня, он любит свет рампы и сделает все это с удовольствием. Тем более когда речь идет о таких видных... клиентах.

— Клиентах?

На напряженном лице Боденштайна мелькнуло подобие улыбки:

— Звучит приятнее, чем «труп». Вы так не считаете?

Спустя полчаса Боденштайн и Пия перед самым въездом в Эппенхайн увидели стоящий на обочине патрульный автомобиль. Немного проехав через лес, они выехали на просеку с башней, у подножия которой расположилась еще одна патрульная машина и кабриолет «Мерседес». Боденштайн и Пия вышли из машины.

— А, господин главный комиссар, — поприветствовал их один из присутствовавших — облаченный в униформу крупный мужчина с подбородком Михаэля Шумахера^[2] и усыпанным угрями лицом. — Вы могли бы и воздержаться от утренней экскурсии. Тут самоубийство.

— Привет, Шёнинг. — Боденштайн из собственного опыта знал о готовности многих коллег по профессии опрометчиво квалифицировать факт смерти как суицид или несчастный случай и не обращал на это внимания.

В тени высоких деревьев ощущалась прохлада. Трава была еще влажной от ночной росы.

— Доброе утро, — поприветствовал Боденштайн врача.

Стоя на коленях, тот обследовал тело и на приветствие ответил скудным кивком. Женщина лежала на спине в траве, левая рука находилась под телом, ноги согнуты в коленях. Светлые волосы веером разметались по бледному лицу. Пристальный, но уже угасший взгляд широко раскрытых глаз. Боденштайн поднял голову и посмотрел вверх, на башню. Массивное деревянное сооружение, преодолев кроны деревьев, высоко уходило в

бледно-голубое небо.

Уперев руки в бока, Пия внимательно рассматривала погибшую, лежавшую в высокой растительности.

— Суицид? — с сомнением спросила она и бросила взгляд на врача, который вновь склонился над мертвой женщиной.

— Не знаю. Ни жакета, ни сумочки, зато каблуки — сантиметров десять. Не совсем подходящая обувь для прогулки по лесу.

— Это самоубийство, — нагло настаивал Шёнинг. — Ясное дело.

— Не думаю, — возразила Пия. — Самоубийцы инстинктивно отталкиваются от поверхности, если они бросаются вниз, и приземляются достаточно далеко. А этот труп лежит почти непосредственно под башней. Она не сама бросилась.

Шёнинг поднял брови. Надменная ухмылка стала озлобленной.

— Ну как дела? — осведомился Боденштайн у врача.

— Плохо, — заявил тот. — Она мертва.

— Невероятно, — заметила холодно Пия. — И это все, что вы сумели выяснить?

Врач бросил на нее обиженный взгляд и поднялся с земли. Боденштайн отметил, что доктор едва достает его коллеге до подбородка. Гном, который, очевидно, пытался компенсировать свой неказистый рост неуместными шутками.

— Труп женского пола, примерно лет двадцати пяти, — сказал он, когда понял, что его шутка не достигла цели. — Перелом затылочной области головы, различные повреждения, вызванные падением с тридцатиметровой высоты. Ярко выражено rigor mortis^[3]. Это означает, что женщина скончалась как минимум десять часов назад, и все говорит о том...

— Трупные пятна? — перебила его Пия.

— Они исчезают при надавливании. — Гном все еще злился. — Смерть наступила не более суток назад. Полагаю, она скончалась вчера, между восемью и одиннадцатью часами вечера.

— Есть ли признаки, указывающие на причастность к делу иных лиц? — вмешался Боденштайн.

— Нет, — покачал головой гном. — Все говорит о суициде. И это не в первый раз. Люди постоянно бросаются с этой башни.

Шёнинг самодовольно хмыкнул.

Боденштайн задержал взгляд на лице погибшей и попытался представить, как она выглядела при жизни. Ее кожа была тонкой, как фарфор. Высокие скулы, изящный нос. Даже насильственная смерть не смогла испортить великолепной симметрии ее лица. Он склонился ниже. В пупке погибшей был пирсинг, а выше — татуировка в виде дельфина. Пия сидела на корточках и разглядывала туфлю на левой ноге женщины.

— Маноло Бланик^[4], — констатировала она. — У нее был эксклюзивный вкус. — Потом выпрямилась и обошла по траве вокруг тела.

— Что там? — спросил Боденштайн.

— Второй туфли нет.

— Вы позволите? — спросил один из мужчин из бюро ритуальных услуг. Представителей этой службы вызвал лейтенант полиции Шёнинг.

— Нет, — ответил Боденштайн и стал задумчиво разглядывать труп. — Куда делась туфля?

— Какая туфля? — резко спросил Шёнинг.

— На ней только одна, — заметила Пия. — Вряд ли она ходила здесь в одной туфле. А на башне ваши сотрудники ничего не нашли.

— Как она вообще сюда добралась? — добавил Боденштайн. — Десять часов назад было десять вечера, то есть довольно темно. Нет ли поблизости какого-нибудь припаркованного автомобиля, на котором она могла проехать через лес?

— Разумеется, — торжественно провозгласил Шёнинг, словно эта новость обосновывала его теорию самоубийства. — На парковке «Ам Ландсграбен» стоит кабриолет «Порше». Закрытый.

Боденштайн кивнул, затем повернулся к ожидающему полисмену:

— Все должны немедленно покинуть место происшествия. Шёнинг, распорядитесь проверить государственный номер «Порше», а вы, фрау Кирххоф, вызовите сотрудников отдела по обеспечению сохранности следов.

Шёнинг едва смог скрыть злобу. Пия взяла мобильник и вызвала бригаду, которая как раз завершила работу на месте обнаружения трупа Гарденбаха. Затем она вновь включилась в происходящее.

— Я напишу в свидетельстве о смерти, что причина смерти не установлена, — сообщил врач Боденштайну. — О'кей?

— Если вы придерживаетесь этой версии, тогда пишите, — с сарказмом ответил тот. — Или, думаете вы, женщина умерла естественной смертью?

Гном покраснел и фыркнул:

— Вы много о себе воображаете.

— Я не люблю работать с дилетантами, — резко возразил главный комиссар.

Пия едва сдержала ухмылку. Первое дело, которое она расследует, работая в провинции, явно не лишено развлекательного элемента.

Боденштайн достал из кармана пиджака две пары латексных перчаток, одну из которых протянул коллеге. Они опустились на колени рядом с трупом и начали осторожно просматривать содержимое карманов джинсов. Из заднего кармана Пия извлекла пачку денежных купюр и пару записок. Она передала деньги шефу и осторожно развернула бумажки.

— Квитанция с заправочной станции, — объявила она и подняла глаза. — Вчера в шестнадцать часов пятьдесят пять минут она была еще жива. Заправлялась на заправочной станции «Араль» на трассе А66 в направлении Висбадена. Кроме этого, купила три пачки сигарет, мороженое и «Ред Булл».

— А это ведь уже улика. — Боденштайн поднялся и сосчитал денежные купюры. — Пять тысяч евро! — удивился он. — Неплохо.

— Здесь у нас еще квитанция из химчистки в Бад-Зодене от двадцать третьего августа... — Пия проверила передние карманы. — ...и ключ от автомобиля. — Она протянула шефу ключ с эмблемой «Порше».

— Я все меньше склонен думать, что это самоубийство, — сказал старший комиссар. — Если кто-то с пятью тысячами евро в кармане заливает полный бак бензина, покупает три пачки сигарет и сдает в чистку одежду, то у него явно нет намерения покончить с собой.

— Автомобиль с государственным номером МТК-ИК 182, — объявил Шёнинг, — зарегистрирован на имя Изабель Керстнер. Проживает в Келькхайме, Фельдбергштрассе, стс двадцать восемь.

— Это она, — кивнул Боденштайн. — У нее ключ от «Порше» в кармане.

— Ну вот... — начал было Шёнинг, но Боденштайн не дал ему договорить.

— Мы сейчас едем туда, — заявил он. — Кроме того, я позвоню дежурному прокурору. На всякий случай надо сделать вскрытие трупа.

Сообщение о самоубийстве Гарденбаха стало главной новостью всех радиостанций. На пресс-конференции директор уголовной полиции Нирхоф сообщил лишь тот факт, что, по имеющейся на данный момент информации о расследовании, Гарденбах покончил с собой. Но, как и ожидал Боденштайн, средства массовой информации немедленно пустились в самые дикие спекуляции.

Дом номер сто двадцать восемь на Фельдберг-штрассе в Келькхайме оказался строгим зданием пятидесятих годов, которому пристройкой эркера и зимнего сада попытались придать некую индивидуальность. На крытой автостоянке находились только два контейнера для мусора и горный велосипед. Палисадник, окруженный живой изгородью из дикорастущей туи, выглядел заросшим. Газон давно не стригли, и на цветочных клумбах густо разросся сорняк. Возле двери в дом стояло несколько пар обуви и прислоненный к стене детский велосипед. Боденштайн и Пия вышли из машины и остановились перед деревянными воротами с облупившейся белой краской. «Доктор Михаэль Керстнер» — гласила надпись на бронзовой табличке рядом со звонком. Боденштайн вынул почту из почтового ящика. Целая пачка писем и газет «Келькхаймер Цайтунг». Это свидетельствовало о том, что как минимум накануне почту никто не забирал. Уже во второй раз за этот день ему предстояло выполнить печальную миссию: без всякого предупреждения огорошить ничего не подозревающих людей страшной новостью.

— Это надо пережить. — Оливер решительно нажал кнопку звонка. Из дома не донеслось ни единого звука. Так же, как и после второго, и после третьего звонка.

— Вы напрасно звоните, — заставил обоих обернуться чей-то голос. — Никого нет дома.

В соседнем палисаднике, аккуратном и тщательно ухоженном, стояла пожилая женщина с редкими седыми волосами и морщинистым лицом Кобольда^[5]. В ее глазах в равной степени читались любопытство и недоверие. Она протиснулась через неплотные ветви изгороди и неодобрительно покачала головой, увидев сорняки и мусор.

— Их никогда не бывает дома, этих Керстнеров, — проворчала она. — Господин доктор уезжает ранним утром, а возвращается часто за полночь. Мой муж Карл Хайнц говорил, что с такой женщиной, как *эта*, все это долго не протянется. Так и вышло, не правда ли? С тех пор как *она* с девочкой уехала, господин доктор вообще не появляется дома. Вот так. Срам какой!

— Когда уехала фрау Керстнер? — Пия без труда перешла на гессенский диалект, и Боденштайн сдержал насмешливую ухмылку.

— Точно сказать не могу. — Старуха нагнулась, чтобы выдернуть сорняк у своих ног. — *Этой* часто не бывало дома целыми днями. Господин доктор больше заботился о ребенке, чем она.

Стало очевидно, на чьей стороне симпатии соседки.

— Она голая загорала на террасе, если не занималась своей лошадью или не веселилась на какой-нибудь вечеринке. — Фрау презрительно фыркнула. — А бедный муж горбатился на нее день и ночь.

— Вы не знаете, где мы сейчас можем найти господина доктора Керстнера? — вежливо поинтересовался Боденштайн.

— В клинике. Он всегда там. Такой старательный милый мужчина этот господин доктор... — начала соседка новую тираду, которую Боденштайн быстро оборвал.

— В клинике? — удивленно переспросил он.

— Да, в ветеринарной клинике для лошадей. Наверху, в Руппертсхайне. Доктор Керстнер — ветеринар. — Похоже, женщина хотела спросить, кто такие вообще эти двое визитеров, воскресным утром наводящие справки о соседях, но Боденштайн и его коллега уже направлялись к автомобилю.

— Зачем он вам, собственно говоря, нужен? — все-таки крикнула соседка, но ответа не получила.

Боденштайн ехал через Фишбах, чтобы в третий раз за это утро оказаться в Руппертсхайне. Он думал о Козиме. К нему опять вернулось хорошо знакомое чувство одиночества, а вместе с ним и неодолимое желание, чтобы в один прекрасный день она потеряла интерес к этим утомительным приключениям. Но он скорее прикусил бы себе язык, чем попросил бы ее отказаться от киноэкспедиций, поскольку слишком хорошо знал: Козима обожает свою работу и растворяется в ней без остатка. Тем не менее ему становится все тяжелее неделями ждать ее возвращения.

— Надо было узнать адрес этой ветеринарной клиники. Придется теперь расспрашивать прохожих. — Голос Пии отвлек старшего комиссара от невеселых мыслей.

— Я знаю, где она находится.

— В самом деле? — Женщина удивленно посмотрела на шефа.

— Я вырос неподалеку от этих мест, — пояснил Оливер. — В поместье Боденштайн. Возможно, вы знаете. Оно расположено между Фишбахом и Келькхаймом.

— Да, конечно, я знаю, — подтвердила Пия, которая, правда, до этого момента не проводила параллели между исторической усадьбой и именем своего шефа.

— У нас всегда были лошади, — продолжал тот, — и доктор Ханзен из Руппертсхайна был тогда единственным ветеринаром в этой местности. Пару лет назад он погиб в результате несчастного случая, и с тех пор клиникой руководит его дочь Инка.

— Ого! — Пия с любопытством смотрела на шефа. — Уверена, раньше вы участвовали в охоте на лис.

— С чего вы взяли?

— Ну, — пожалала плечами Пия, — в ваших кругах любят охоту, разве не так?

— В каких кругах?

— Графиня такая-то приглашает герцога такого-то поохотиться на лис...

— Да, действительно так, фрау Кирххоф. — Боденштайн покачал головой, но в его голосе прорезались веселые нотки. — Что за ерунда! Что за допотопные клише!

Он сбавил скорость и сразу за въездом в Руппертсхайн свернул направо.

— Я бы никогда не подумала, что в таком захолустном городишке может быть ветеринарная клиника для лошадей, — добавила Пия.

— Почему нет? — возразил Боденштайн. — Здесь, в этой местности, достаточно лошадей, а прежде всего, достаточно их состоятельных владельцев. Конноспортивный комплекс сзади у леса принадлежит, между прочим, Ингвару Руландту.

— Ингвару Руландту? — Пия была поражена. — Знаменитому жокею? Невероятно!

На парковочной площадке ветеринарной клиники в это ранее воскресное утро стоял один-единственный автомобиль-фургон для перевозки лошадей, с опущенной погрузочной платформой. Массивные, выкрашенные зеленой краской ворота были раскрыты настежь, но во дворе клиники никого не наблюдалось. Проходя мимо, Пия прочитала на латунной табличке: «Специализированная клиника по лечению лошадей. Ветеринары: доктора медицины Инка Ханзен, Михаэль Керстнер, Георг Риттендорф».

Они вошли в большой двор, посреди которого рос могучий каштан. Слева и справа располагались боксы для лошадей с выкрашенными в зеленый цвет дверями, верхняя половина которых была открыта. У Боденштайна внезапно возникло ощущение, будто он перенесся в прошлое. Он приезжал сюда в последний раз, должно быть, лет двадцать пять тому назад, и вдруг он вспомнил даже ту лошадь, которую привел тогда в клинику доктора Ханзена. Но только двор и остался тем же самым, все остальное полностью изменилось. К старому зданию конюшни в том месте, где когда-то стоял большой сарай, пристроили современное здание с плоской крышей. Судя по указателям, там размещались регистратура, операционная, лаборатория, рентгеновский кабинет и кабинет для обследования. В этот момент из боксов вышла приземистая веснушчатая женщина с ярко-рыжей шевелюрой и лицом мопса.

— У нас сегодня нет приема, — просипела она.

— Добрый день. — Оливер сунул ей под нос полицейский жетон. — Меня зовут Боденштайн, уголовная полиция Хофхайма. Это моя коллега, фрау Кирххоф. Мы хотели бы поговорить с господином доктором Керстнером.

— Уголовная полиция? — Женщина бросила на посетителей оценивающий взгляд. — Доктор сейчас как раз в операционной. Экстренный случай. Это может затянуться надолго.

— Может, вы сообщите доктору Керстнеру о нашем визите? — вежливо, но требовательно спросил главный комиссар. — Это очень срочно.

Женщина пристально посмотрела на него, затем развернулась и направилась к двери в головной части нового здания. На указателе значилось, что здесь располагаются приемная, администрация и аптека клиники.

— Она выглядит как чудище Франкенштейна, — пробормотала Пия.

Боденштайн усмехнулся и пропустил коллегу вперед в неудобный холл четырехметровой высоты с белыми стенами и светлым плиточным полом. В середине помещения находилась полукруглая стойка регистрации, на двух компьютерных мониторах мерцали экранные заставки. На светлых стенах висели дипломы в рамках, а в середине — большое фото с изображением шестерых человек с радостными лицами. Боденштайн остановился и стал рассматривать фотографию. Он улыбнулся, увидев в центре Инку Ханзен. Двое мужчин слева и справа от нее были доктор Керстнер и доктор Риттендорф.

— Можете подождать здесь, в приемной. — Рыжеволосый мопс указал на одну из дверей. — Кофе в автомате.

— Спасибо. — Боденштайн одарил ее приветливой улыбкой, которая, правда, абсолютно не произвела нужного эффекта.

В приемной уже сидели пожилой мужчина и молодая девушка с заплаканными глазами, вскинувшаяся, едва открылась дверь. Вероятно, это были владельцы «экстренного случая».

— Хотите кофе? — спросила Пия своего шефа. Тот повернулся к стене, увешанной многочисленными фотографиями в рамках.

— С удовольствием. Черный.

Она принесла черный кофе и протянула Боденштайну. Затем тоже стала изучать фотографии с изображением прыгающих, встающих на дыбы и галопирующих лошадей, которые должны были свидетельствовать о том, насколько здоровы стали бывшие пациенты благодаря усердию ветеринаров. Фотографии дополнялись исполненными счастья и благодарности комментариями их владельцев. В этот момент дверь вновь открылась, и хозяева лошади, с которой случилось несчастье, вскочили с мест, как будто их ударило током, — правда, на сей раз не беспричинно. В дверном проеме появился мужчина, которого Боденштайн как раз видел на фото, хотя с тех пор, когда снимок был сделан, доктор Керстнер здорово изменился. Поверх джинсов и хлопчатобумажной трикотажной рубашки на нем был надет зеленый халат, запачканный брызгами крови. Похоже, тот факт, что визит полицейских помешал работе, не привел его в восторг. У Боденштайна сразу сложилось впечатление, что этот человек или болен, или переутомлен. Его худое лицо было неестественно бледным и изнуренным. Под покрасневшими глазами обозначались темные круги. Боденштайн открыл было рот, чтобы представиться, когда заплаканная девушка устремилась к доктору.

— Что с Кирой? — закричала она пронзительным голосом.

Керстнер с растерянным видом посмотрел на нее. Казалось, ему потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить, кто такая Кира.

— Она хорошо перенесла операцию, — сказал он чуть погодя. — Мы переместили ее в послеоперационную палату. По всем показаниям, она должна выздороветь.

От облегчения девушка начала рыдать, бросившись на шею пожилому мужчине.

— Господин доктор Керстнер? — Боденштайн достал из кармана полицейский жетон, представился и представил свою коллегу. — Нам бы хотелось с вами немного поговорить.

Доктор бросил мимолетный взгляд на жетон, а затем вопрошающе посмотрел на полицейских.

— Да, конечно, — кивнул он и жестом указал, чтобы полицейские следовали за ним.

Они прошли через холл и вошли в так называемую «приемную», располагавшуюся напротив. Посередине громоздился грубый деревенский стол с восемью простыми деревянными стульями. В углу помещения стояли кровать, телевизор и старый диван, на котором среди ободранных подушек лежала старая собака. Она едва подняла голову, но затем, утратив всякий интерес, вновь закрыла глаза. Керстнер обошел стол и взялся за спинку стула. Одно из двух: или он не считал нужным придерживаться излишних правил вежливости, или был просто слишком утомлен, чтобы быть вежливым. Пия обвела взглядом комнату. Она отметила, что полки забиты папками и книгами. На них стояли также фотографии в рамках и различные свидетельства, а между ними на массивной деревянной подставке — причудливый, похожий на старинный герб. Нечто подобное она уже видела в студенческих пивнушках. Две греческие буквы, переходящие в две переплетенные между собой руки. Руки пронизывал меч. Весьма устрашающая картина. Фразу под изображением она не смогла разобрать.

— Господин доктор Керстнер, — начал Боденштайн, — вы муж фрау Изабель Керстнер?

— Да, — удивленно подтвердил ветеринар и невольно поднялся. — Почему вы спрашиваете? Что-нибудь случилось?

Он так крепко вцепился в спинку стула, что ногти пальцев побелели.

— Ваша жена ездит на серебристом «Порше Бокстере»? — спросил Боденштайн.

Керстнер, не шевелясь, пристально смотрел на него непроницаемым взглядом. Мышцы на скулах напряглись.

— Почему вы этим интересуетесь? Произошла авария?

— Когда вы видели вашу жену в последний раз?

Ветеринар не отреагировал на вопрос.

— Что все-таки случилось?

— Сегодня утром был обнаружен труп молодой женщины. — Боденштайн намеренно опустил подробности: что-то в поведении Керстнера его настораживало. — В кармане ее брюк нашли автомобильный ключ, который подходит к серебристому «Порше Бокстеру». И этот «Порше» с номером МТК-ИК 182 зарегистрирован на имя вашей жены.

Лицо мужчины при словах Боденштайна побледнело еще сильнее. Он смотрел на главного комиссара как оглушенный, выражение его лица было пустым. Казалось, мужчина погрузился в транс. Отсутствие какой-либо реакции заставило Боденштайна сначала предположить, что его визави не понял услышанное.

— У женщины над пупком татуировка.

— Дельфин, — пробормотал беззвучно Керстнер. — О боже!

Он провел рукой по волосам, затем опустился на стул и положил руки перед собой на столешницу, как если бы он собрался принять участие в спиритическом сеансе.

Боденштайн и Пия обменялись быстрыми взглядами.

— Не будете ли вы так любезны поехать с нами во Франкфурт, чтобы опознать вашу жену? — спросила Пия ветеринара.

Снова повисла пауза. Керстнер словно все еще пытался понять услышанное. Затем он резко поднялся и пошел к двери. На ходу стянул с себя халат, и тот упал на пол. Доктор не обратил на это никакого внимания. Рыжеволосая помощница с лицом мопса в этот момент открыла дверь без предварительного стука.

— Миха, я... — начала она, но замолчала, едва увидела окаменевшее лицо своего начальника. У рыжеволосого мопса и доктора, похоже, были доверительные отношения.

— Я должен уехать, — сказал Керстнер. — Изабель умерла.

— Не может быть! — воскликнул мопс, и Боденштайн подумал, что она сомневается в правдивости слов доктора. Однако ее дальнейшие слова убедили его в обратном. — Но ты не можешь сейчас так просто уехать! Лошадь еще не отошла от наркоза и...

— Позвони Георгу, — резко оборвал ее Керстнер и направился к двери.

По дороге в институт судебной медицины в Заксенхаузене Керстнер не проронил ни слова. Он сидел опустошенный и безмолвный, словно погруженный в зловещую бездонную тишину. Институт судебной медицины размещался в импозантной вилле постройки начала прошлого века на Кеннеди-аллее. Еще издалека Боденштайн увидел многочисленных представителей прессы и автомобили с оборудованием для радио- и телерепортажей и массу любопытных репортеров. Останки главного прокурора Гарденбаха, очевидно, уже были доставлены.

— Езжайте к входу для клиентов, — сказала Пия и поймала удивленный и насмешливый взгляд шефа, когда он понял, на что она намекает. — Следующий поворот налево, до зеленых ворот. Там вы меня высадите.

С помощью какой-то тайной уловки Пия открыла ворота, и Боденштайн въехал на

задний двор, где были припаркованы три автомобиля и катафалк. Чуть позже они беспрепятственно вошли в здание. Керстнер безмолвно следовал за Боденштайном и Пией вниз по лестнице в подвал здания. Именно там находились помещения, где проводилось вскрытие. В центре первого помещения стояли носилки с трупом, накрытым зеленой простыней. В дверном проеме появился сотрудник института судебной медицины. На его лице расплылась радостная улыбка.

— Привет, Пия, — поздоровался он. — Давно не виделись.

Боденштайн после этого приветствия бросил на коллегу недоуменный взгляд, который она не заметила.

— Привет, Ронни, — ответила она, понизив голос. — Это молодая женщина из Таунуса?

Приехал ее муж на опознание.

Ронни приветственно кивнул Боденштайну и Керстнеру, затем покачал головой:

— Нет, это тот, из-за кого папарацци заставили ввести нас осадное положение. Пойдемте.

Он шел впереди них к другой прозекторской. Там стояли еще одни накрытые простыней носилки. Боденштайн слегка покосился на Керстнера. Даже в ярко освещенном, облицованном белой плиткой помещении лицо мужчины оставалось застывшим и не выражало никаких эмоций. Боденштайн чаще, чем ему хотелось бы, сопровождал в эти помещения близких погибших. Людей, уже и без того потрясенных смертью коллеги, друга или родственника, здесь шокировала еще и казенная атмосфера помещения, напоминавшего большую кухню. Металлические шкафы до потолка, неприветливый неоновый свет, плиточные стены и полы — смерть здесь была лишена той почтенности, которая внушает уважение живущим. Сотрудник института судебной медицины откинул зеленую простыню с лица трупа. Керстнер несколько секунд совершенно спокойно смотрел на мертвую женщину.

— Это она, — сказал он и отвернулся. — Это Изабель.

Боденштайн не подал виду, насколько своеобразной находил реакцию мужчины. Ронни хладнокровно подтянул простыню, ослабил фиксирующий тормоз носилок и придвинул труп к металлическим шкафам. Керстнер задрожал, когда дверь шкафа с щелчком открылась и в помещение ворвался поток холодного воздуха. Затем он быстрым шагом направился за Боденштайном к выходу.

Через три четверти часа Керстнер сидел на стуле перед письменным столом в кабинете главного комиссара уголовной полиции Хофхайма. Он держал чашку с кофе, который ему налила Пия. Доктор согласился, чтобы их беседа записывалась на диктофон, сообщил необходимые персональные данные и ждал с опущенной головой первого вопроса, пока Боденштайн делал поясняющие комментарии о присутствующих и о расследуемом деле.

— Извините, что мы вынуждены задать вам несколько вопросов. — Боденштайн повернулся к доктору. — Но речь идет о смерти вашей жены. Возможно, об убийстве.

— Что вообще случилось? — Взгляд Керстнера медленно перемещался в сторону лица Боденштайна. — Как она... умерла?

— Она лежала у подножия смотровой башни на вершине Атцельберг, — сказал Боденштайн. — На первый взгляд показалось, что она спрыгнула с башни, но есть подозрительные обстоятельства, которые говорят не в пользу самоубийства.

— Самоубийство? — Керстнер покачал головой. — Зачем Изабель было лишать себя жизни?

— Расскажите нам что-нибудь о вашей жене, — попросила Пия мужчину. — Она была явно моложе вас, не правда ли?

Керстнер некоторое время помедлил с ответом, его взгляд снова устремился вдаль.

— На девятнадцать лет. Она была сестрой одного из моих лучших друзей. — Мужчина поднес чашку к губам и сделал глоток кофе, при этом его рука сильно дрожала. — Я и моя тогдашняя невеста, с которой я был обручен, как раз вернулись из Америки, когда я встретил Изабель. Это было осенью тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Через три месяца мы поженились, так как Изабель была в положении.

Керстнер погрузился в воспоминания. Боденштайн и Пия ждали, когда он продолжит.

— Казалось, все шло замечательно, но вскоре после рождения нашей дочери начались проблемы.

— Какие проблемы? — спросила Пия.

— Изабель хотела жить так, как привыкла, — пояснил Керстнер. — Большая вилла, крупные траты на отдых, лошадей и шопинг. Но я более охотно инвестировал деньги в наше будущее. Инка, я имею в виду фрау доктора Ханзен, искала тогда второго совладельца для нашей ветеринарной клиники, которую она возглавила сразу после смерти отца. Я познакомился с Инкой Ханзен через моего друга Георга Риттендорфа. Мы быстро сошлись. Доктор Ханзен, как и я, училась и работала в Америке. Между нами троими возникла взаимная симпатия.

Боденштайн и Пия не торопили его с продолжением. Через некоторое время доктор вновь заговорил:

— Нам пришлось сделать дорогостоящие закупки и провести реконструкцию. Инка, правда, получила страховку за своего отца, но этого было слишком мало, чтобы осуществить все то, что мы наметили. Чтобы не очень транжирить наши средства, мы решили сэкономить на персонале. Мать Инки вела бухгалтерию, жена Георга была помощницей ветеринара, а Изабель предстояло работать в регистратуре. — Керстнер вздохнул. — Об этом лучше не вспоминать.

— Почему? — спросила Пия.

— Она не выносила Георга, — ответил Керстнер и потер усталые глаза. — Впрочем, и тот ее — тоже. Но прежде всего, она рассчитывала получить от меня большую финансовую выгоду. Однако все свои сбережения я вложил в развитие клиники и работал зачастую по пятнадцать-шестнадцать часов в день, а также в выходные. Ее это не устраивало.

Его лицо приняло страдальческое выражение.

— Я долго за нее боролся... — Керстнер смотрел перед собой. — Хотя все отчетливее понимал, насколько ей безразличен. Постоянно возникали скандалы, большей частью из-за денег. Она ушла, вернулась, опять ушла... Это был ад.

— Когда ушла ваша жена? И почему?

— Может быть, потому, что в какой-то момент я не стал ее больше удерживать. — Керстнер пожал плечами. — В конце мая она окончательно собрала свои вещи, и когда я вечером вернулся домой, ее уже не было. Она исчезла со всем своим имуществом.

— А вашу дочь она взяла с собой? — уточнила Пия.

— Сначала нет, — тихо ответил Керстнер. — Примерно две недели назад она забрала ее из детского сада, и с тех пор я больше не видел Мари.

Боденштайн наблюдал за мужчиной и пытался проанализировать то, что видел. Керстнер был ужасно подавлен, но стала ли причиной этого смерть его жены, заставившая

его прослезиться?

— Где проживала ваша жена после того, как ушла от вас?

— Этого я не знаю.

— А ваша дочь? Где она сейчас?

Керстнер поднял глаза, затем отвернулся в сторону и уставился окаменевшим взглядом на свои руки.

— Я... этого я тоже не знаю.

— Когда вы видели вашу жену в последний раз? — спросила Пия.

— Вчера, — почти прошептал Керстнер. — Она неожиданно появилась в клинике.

Пия бросила быстрый взгляд на своего шефа.

— В котором часу? — спросил Боденштайн.

— Примерно без четверти шесть, — ответил Керстнер, не поднимая глаз. — Я как раз вышел из операционной, когда она бросилась мне навстречу и сказала, что ей надо со мной поговорить.

— И что она от вас хотела?

Мужчина молча покачал головой.

— Господин доктор Керстнер, — Пия говорила мягко, но настойчиво, — нам известно, что ваша жена в половине пятого вечера заправляла свой автомобиль на бензоколонке, после этого она находилась у вас в клинике, а через пару часов скончалась. Возможно, вы были последним, кто видел ее живой. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

Керстнер по-прежнему молча смотрел перед собой, будто ничего не слышал.

— Вы поссорились? Из-за чего? Она ведь хотела от вас что-то совершенно определенное.

Молчание.

— Где вы были вчера вечером? — спросил Боденштайн. Вдруг ситуация полностью изменилась. На его глазах пребывающий в шоке вдовец превратился в человека, подозреваемого в убийстве. Имелся и мотив, даже несколько. Неудавшаяся любовь, разочарование, ревность. — Вы не должны ничего нам говорить, что могло бы вам навредить. Не хотите позвонить адвокату?

Мужчина недоверчиво поднял глаза:

— Вы ведь не хотите сказать, что это я... Изабель?..

— Вы видели ее за несколько часов до смерти, — возразил Боденштайн. — Ваша жена ушла от вас. Вы не знали, где она находится. Вероятно, вы испытывали ярость и ревность.

— Нет-нет! Это не так! — резко прервал его Керстнер. — Я не злился на нее и не испытывал ревности... больше не испытывал.

— Почему — больше?

— Потому что... — начал он, но потом замолк.

— Просто скажите нам, чего от вас хотела вчера ваша жена.

Керстнер кусал губы, опустив голову. Затем совершенно неожиданно начал рыдать. Он был в полном отчаянии и даже не пытался вытирать слезы, струившиеся по его лицу.

Неделя началась с совещания всех сотрудников отдела К-2 в семь часов утра. После пары относительно спокойных недель им предстояло расследовать сразу два дела, но дело о самоубийстве главного прокурора Гарденбаха передали в Управление уголовной полиции округа. Впрочем, Боденштайна ничуть не огорчил тот факт, что пришлось передать в вышестоящую инстанцию дело Гарденбаха, которое легко могло стать событием политического значения.

Он слушал, как его сотрудники собирали первые фрагменты дела Изабель Керстнер, которые, хотелось надеяться, через некоторое время образуют полный пазл. Франк Бенке, старший комиссар уголовной полиции, был следующим по рангу в отделе после Боденштайна. Два года назад он вместе со своим шефом перешел из полиции Франкфурта в Хофхайм. Родившийся и выросший во Франкфурте, он слегка надменно называл все, что находилось за пределами города, «глубоким тылом». Комиссару уголовной полиции Каю Остерманну было около сорока. Десять лет назад при участии в операции в составе отряда полиции особого назначения он потерял ногу, и с тех пор печальная судьба заставила его тянуть ляжку в отделе внутренней ревизии. Когда Боденштайн перебрался в Хофхайм, он сделал запрос на Остерманна и получил положительный ответ. С тех пор Кай со своим острым умом и памятью, сравнимой разве что с компьютером, стал незаменимым сотрудником К-2.

Четвертый в команде — самый старший по возрасту, — Андреас Хассе, служил комиссаром уголовной полиции многие годы. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, с каштановыми волосами мышинного оттенка. Его прическа с пробором сбоку напоминала парик. Он носил костюмы коричневого цвета и коричневые туфли на резиновой подошве. При реорганизации, проводившейся два года тому назад, он надеялся, что его назначат руководителем нового отдела, но его расчет оказался ошибочным — повышения он не получил. Боденштайн подозревал, что Хассе, в той или иной степени, сидя за своим письменным столом, просто ждал выхода на пенсию. Самой молодой сотрудницей К-2 была ассистентка Катрин Фахингер, худая бледная женщина лет двадцати пяти. Она начала работать в команде Боденштайна зимой и прекрасно справлялась со своими обязанностями.

Еще накануне во второй половине дня Остерманн навел справки через полицейскую сеть и Интернет и выяснил, что погибшая молодая женщина с точки зрения полиции не являлась безупречной личностью. Лишение прав за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, нарушение закона о наркотических средствах, езда без прав, кража в магазине, нарушение общественного порядка — многое было на совести Изабель Керстнер. Боденштайну удалось убедить дежурного прокурора, что необходимо срочное вскрытие для выяснения обстоятельств смерти молодой женщины, и Пия Кирххоф составила для прокуратуры предварительный отчет. Из досье Пии Боденштайн знал, что раньше она работала в К-2 во Франкфурте, правда, не в его отделе. Через семь лет перерыва в работе вновь вернулась в профессию, но вместо назначения во Франкфурте получила должность в Хофхайме. О ее личной жизни Боденштайн ничего не знал. Разумеется, он был рад получить в лице Кирххоф помощь для своей команды.

— Вскрытие тела Изабель Керстнер назначено на десять часов утра сегодняшнего дня, — объявил Остерманн. — Вы сами поедете, шеф?

— Нет, — покачал головой Боденштайн. — Я еще раз посету ветеринарную клинику и поговорю с сотрудниками Керстнера. Франк, займитесь этим вы.

— Обязательно я? В прошлом году я три раза участвовал в подобных мероприятиях, — запротестовал Франк Бенке.

— Если не возражаете, шеф, поеду я, — сказала Пия.

Боденштайн недоуменно поднял брови. Она хочет завоевать его расположение или оказать услугу Бенке своим явно заманчивым предложением? Как любой другой, Бенке весьма неохотно ездил на вскрытие, но присутствие сотрудника уголовной полиции и представителя прокуратуры при данной процедуре трупа было досадным правилом.

— Кай, попытайтесь восстановить биографию погибшей, — распорядился Боденштайн. — Родители, детский сад, школы, образование и так далее. Нас интересует абсолютно все. Фрау Фахингер, вы и Хассе поезжайте в Келькхайм и поговорите с соседями. Все понятно?

— Так кто едет в институт судебной медицины? — спросил Бенке.

— Фрау Кирххоф, — ответил Боденштайн, не поднимая глаз. — Узнайте в лаборатории, как продвигается исследование автомобиля. За работу, коллеги. Следующее совещание ровно в четыре часа. И к этому времени мне хотелось бы иметь первую информацию.

Все кивнули и поднялись, чтобы приступить к делу.

— Одну минуту, фрау Кирххоф, — попросил Боденштайн.

Пия остановилась. Оливер откинулся назад на своем стуле и внимательно посмотрел на нее.

— Как вы уже наверняка заметили, — сказал он, когда другие покинули помещение, — я не приемлю авторитарный стиль руководства. Но в каждом коллективе должен быть кто-то, кто определяет игру. В нашей команде это я. И я рассчитываю на то, что мои указания будут выполняться.

Пия ответила на его взгляд. Она поняла, что он имел в виду.

— Я и не думала подвергать сомнению ваши распоряжения. Но я заметила, что Бенке не особенно горел желанием. А поскольку я уже пережила в своей жизни достаточно вскрытий и для меня это не обременительно, то и предложила поехать вместо него.

Боденштайн задумчиво кивнул.

— Ну хорошо. — Он отодвинул стул, поднялся и улыбнулся. — Кажется, судебная медицина — близкая для вас сфера. Я вчера заметил, как непринужденно вы там себя вели.

— Верно, — кивнула Пия. — Я шестнадцать лет была замужем за доктором Хеннингом Кирххофом. Мы жили недалеко от института, и, поскольку он был трудоголиком, мне приходилось ходить туда, если я хотела его увидеть. Соответственно, отсюда мой опыт в области судебной медицины.

— Вы были замужем? — Боденштайн увидел подходящую возможность побольше узнать о своей новой коллеге.

— И продолжаю быть, — ответила Пия. — Но мы с мужем расстались почти год назад. Вы на меня не сердитесь?

— Да чепуха. — Боденштайн неожиданно ухмыльнулся. — Я бы с удовольствием отправил Бенке на это вскрытие. Но на этот раз парню удалось увильнуть.

Пия вошла в помещение, где должно было состояться вскрытие трупа Изабель Керстнер.

— Пия! Как я рад тебя видеть! — воскликнул профессор Томас Кронлаге, руководитель

Франкфуртского института судебной медицины, мужчина лет пятидесяти пяти, с фигурой тридцатилетнего атлета, с коротко стриженными светлыми волосами и быстрыми светлыми глазами. Раскинув руки, он улыбался во все лицо.

— Привет, Томми! — Пия тоже улыбнулась, и они обнялись. — Я тоже рада.

Бывали времена, когда Кронлаге был ей более близок, чем ее собственный муж. Он вместе с ней переживал ее напрасные усилия по спасению брака с Хеннингом Кирххофом, заместителем руководителя института судебной медицины. Кирххоф, который все еще продолжал оставаться Мужем Пии, был не простым сотрудником института, а являлся одним из немногих специалистов в области судебно-медицинской антропологии в Германии и звездой в своей мрачной профессии. Его коллеги дали ему тайную кличку Бог Мертвых, и в какой-то момент именно эти его «клиенты» привели брак Пии к краху, поскольку он не мог забыть о работе даже дома. Хеннинг как ученый пользовался огромным авторитетом, даже Пия восхищалась своим мужем и боготворила его. Но когда дошло до того, что она начала разговаривать с мебелью и картинами, ей стало понятно: брак с гением означает одиночество. Почти год назад в марте Хеннинг полетел в Австрию осматривать место, где произошел несчастный случай с участием фуникулера, не простившись с Пией. Она ушла из их общей квартиры в старинном доме на Кеннеди-аллее в Заксенхаузене. Муж это понял лишь спустя две недели.

— Как у тебя дела? — Отстранив Пию от себя, Кронлаге испытующе вглядывался в ее лицо. — Ты хорошо выглядишь. Я слышал, тебя занесло в отдел убийств.

— Да, я уже месяц работаю в К-2. — Пия улыбнулась.

В этот момент постучали в дверь, хотя она была открыта, и в комнату вошел молодой человек.

— Доброе утро, — бойко поздоровался он.

— А, господин прокурор! — радостно воскликнул Кронлаге. — Ну, тогда мы можем начинать.

Пия представилась и подала молодому человеку руку.

— Йорг Хайденфельд, прокуратура Франкфурта.

— Это ваше первое вскрытие? — осведомился Кронлаге и пристально посмотрел на прокурора поверх своих очков-«половинок».

Хайденфельд только кивнул.

— Итак, приступим. — Кронлаге дал знак ассистенту, и тот снял с трупа простыню. — Ваш первый труп, во всяком случае, молодой и свежий.

— Свежий труп? — недоверчиво переспросил Хайденфельд.

— Если вы когда-нибудь увидите труп, пролежавший четыре недели в закрытой квартире, — весело возразил Кронлаге, — то будете с тоской вспоминать сегодняшний.

— Все ясно, — пробормотал прокурор и побледнел.

Пия и Хайденфельд молча слушали, как профессор диктовал в висящий у него на шее микрофон данные внешнего осмотра трупа.

— Что бы вы сказали на первый взгляд, Флик? Когда наступила смерть? — спросил он своего ассистента.

— Трупные пятна при нажатии не исчезают. — Молодой врач надавливал пальцами, облаченными в перчатки, на участки тела трупа на спине и вокруг лопаток. — Это говорит о том, что она мертва как минимум двадцать четыре часа. Трупное окоченение хорошо выраженное. Гнилостное разложение еще не определяется. — Он шмыгнул носом. — Итак,

действительно, все произошло немногим более тридцати шести часов... Я бы сказал... гм... смерть наступила где-то в субботу вечером.

— Хорошо-хорошо. — Профессор взялся за скальпель, приставил его к правому плечу, чтобы сделать Y-образный разрез, и быстрым натренированным движением провел до грудины трупа. — Я точно такого же мнения.

От похвалы профессора молодой врач покраснел и с удвоенным усердием принялся осматривать мертвое тело.

— Такая милая девушка, — покачал головой Кронлаге. — Абсолютно здоровая, и тем не менее мертва.

Прокурор Хайденфельд слышал о мрачном юморе судебного врача, но предпочел бы улыбнуться шутке, не находясь непосредственно у секционного стола. Щелканье ребер, разъединяемых с помощью специальных ножниц, заставило его завтрак — который ввиду того, что предстояло сегодня утром, был весьма скудным — подняться вверх по пищеводу. Он бросил на Пию ищущий поддержки взгляд, но на женщину, казалось, происходящее не производило особого впечатления, и она лишь ободряюще улыбнулась коллеге.

— Сейчас мы изымаем сердце и взвешиваем его, — сообщил профессор Кронлаге непринужденным тоном, как мясник в зеленом облачении. — Затем легкое... Осторожно, Флик, не уроните.

Это уже было слишком. Пробормотав извинения, утративший бодрость прокурор устремился из зала в вестибюль.

Боденштайн припарковался на площади перед ветеринарной клиникой. Его «БМВ» был единственной слабостью, которую он себе позволил. Старшего комиссара не смущало, что его автомобиль еще в прежние времена на парковочной площадке Президиума во Франкфурте приковывал завистливые взгляды. Все то время, что он уверенно продвигался по службе в полиции, коллеги за его спиной часто поговаривали, будто работает он только от скуки, не имея на то особой необходимости. Но в течение нескольких лет Оливер уничтожил эти злые необоснованные утверждения своим высоким боевым духом и достигнутыми успехами. Средний немецкий бюргер все еще твердо уверен, что дворянская фамилия означает финансовое благополучие.

Боденштайн вышел из машины и стал рассматривать здание ветеринарной клиники. Инка Ханзен и ее компаньоны, должно быть, действительно инвестировали уйму средств в реконструкцию и расширение старой крестьянской усадьбы. Он вошел во двор.

— Оливер?

Боденштайн обернулся и увидел Инку Ханзен. Она уже сидела во внедорожнике, но, увидев давнего знакомого, вышла из машины и закрыла за собой дверь. Достаточно было одного взгляда, чтобы даже спустя двадцать лет Оливер снова вспомнил о том, что некогда в течение долгих месяцев она была предметом его страстных мечтаний. Инка на три месяца моложе его, следовательно, сейчас ей сорок четыре, но ни напряженная работа, ни минувшие годы никак не сказались на ее красоте. Натуральная блондинка с тонкими чертами лица, высокими скулами и светлыми сияющими глазами. Узкие джинсы и плотно облегающая рубашка поло подчеркивали ее женственное обаяние.

— Привет, Инка, — поздоровался Боденштайн. — Очень рад тебя видеть!

На лице женщины появилась улыбка, но в ее поведении чувствовались холодность и отдаленность. Они не обнялись — для этого недоставало прежней близости, — а только

подали друг другу руки.

— Я тоже, — ответила она чуть хрипловатым голосом, который тоже ничуть не изменился, — даже если повод для нашей встречи скорее трагический.

Они посмотрели друг на друга испытующе, но доброжелательно.

— Ты хорошо выглядишь, — констатировал Боденштайн.

— Спасибо. — Инка снова улыбнулась и смерила его взглядом с ног до головы. — Ты тоже не сильно изменился за эти годы. Бог мой, сколько времени прошло с тех пор, когда мы виделись в последний раз?

— Я думаю, в последний раз мы встречались на свадьбе Симоне и Мартина, — сказал Боденштайн. — А было это лет двадцать тому назад. Вскоре после этого ты уехала в Америку.

— Двадцать два года, — уточнила Инка. — В июле восемьдесят третьего.

— Действительно. Невероятно! Ты по-прежнему отлично выглядишь.

Инка прислонилась к крылу своего автомобиля. На пассажирском сиденье сидели два джек-рассел-терьера и внимательно следили за каждым движением своей хозяйки.

— Оливер фон Боденштайн, — произнесла она чуть язвительно, — изыскан, как в давние времена. Что тебя сюда привело? Михи сегодня нет.

— Я, собственно говоря, хотел поговорить с тобой и другим твоим коллегой. Мы только начали наше расследование и должны больше узнать об Изабель Керстнер. Ты мне можешь что-нибудь о ней рассказать?

Инка Ханзен бросила взгляд на часы.

— Изабель редко сюда приходила. Мы были не очень хорошо знакомы, — добавила она. — Она здорово отравила жизнь Михи. Тебе лучше поговорить с Георгом. Он знает Миху целую вечность.

— Замечательно, — кивнул Боденштайн. — Спасибо.

Странно. Так много лет вообще не вспоминать об Инке Ханзен, а при встрече с ней почувствовать желание задать тысячу вопросов, ответы на которые не имели бы к нему совершенно никакого отношения...

— К сожалению, мне надо ехать. — Инка открыла дверь своего автомобиля. — Была рада с тобой повидаться, Оливер. Заходи как-нибудь просто на чашку кофе, если будешь в наших краях.

За пределами приемной ветеринарной клиники командовал «рыжеволосый мопс». Сегодня девушка была облачена в зеленый халат. Именной бейдж на груди указывал, что ее зовут Сильвия Вагнер.

— Доктора Керстнера нет, — коротко сообщила она Боденштайну, не здороваясь.

— На сей раз я хотел бы поговорить с господином доктором Риттендорфом, — ответил старший комиссар.

— Он занят.

Зазвонил телефон.

— Я тоже. — Боденштайн постарался быть любезным. — Будьте так добры, скажите ему об этом.

— Одну минуту. — Сильвия ответила на телефонный звонок клиента. Затем на следующий. Быстро и профессионально она записывала данные и согласовывала время визитов. Старательная девушка.

— Вы знали Изабель Керстнер? — осведомился Боденштайн, когда она закончила телефонный разговор.

— Разумеется, — подтвердил мопс неожиданно резко. — И я терпеть ее не могла. Мне все равно, что о мертвых не следует говорить плохо. Изабель была заносчивой тупой коровой и вообще не заслуживала такого мужчину, как Миха.

— Почему?

— Миха... то есть доктор Керстнер... бился с утра до вечера, чтобы клиника процветала, — сказала она. — Он действительно хороший ветеринар.

Вновь зазвонил телефон. На этот раз Сильвия Вагнер не обратила на звонок никакого внимания.

— Изабель все это было совершенно безразлично. — Девушка помрачнела. — У нее в голове были одни развлечения: дискотеки, вечеринки, удовольствия, поездки в конюшню... Здесь она вообще ничем не занималась.

В приемную вошел темноволосый мужчина в круглых очках в роговой оправе.

— Георг, — обратилась к нему Сильвия Вагнер, — с тобой хочет поговорить уголовная полиция.

Боденштайн кивнул компаньону Керстнера.

— Здравствуйте. — Тот с любопытством взглянул на Боденштайна. — Без проблем.

Доктору Георгу Риттендорфу, как и Керстнеру, набежало примерно сорок — сорок пять лет. У него было узкое дружелюбное лицо. Как и Боденштайн, доктор был высокого роста. В его густых темных волосах пробивались первые седые прядки, а голубые глаза за толстыми линзами очков смотрели настороженно и выжидательно. Судя по всему, он обладал здоровой самоуверенностью: в нем не ощущалось нервозности, охватывающей практически любого человека, который не каждый день имеет дело с полицией.

— Давайте пройдем в кабинет, — предложил он. — Хотите кофе?

— С удовольствием. — Боденштайн проследовал за ним и сел за стол, за которым накануне Керстнер услышал новость о смерти своей жены.

Риттендорф хлопотал у кофе-машины.

— Вы знаете, что случилось с женой вашего коллеги?

— Да, — кивнул Риттендорф. — Ужасная новость. Но я не могу сказать, что очень опечален. Ни для кого не секрет, что мы с Изабель терпеть друг друга не могли.

— Вы можете предположить, что кто-то мог иметь мотив для ее убийства? — спросил Боденштайн.

— Конечно. — Риттендорф пренебрежительно фыркнул. — Я, например.

— Вот как? Почему? — Боденштайн внимательно посмотрел на высокого темноволосого мужчину и попытался понять, что тот собой представляет. Интеллектом он наделен, это не вызывает сомнения.

— Эта женщина превратила жизнь моего друга в ад. Я с трудом мог выносить ее, как и она меня.

Взгляд Боденштайна блуждал по кабинету и задержался на гербе, висящем на стене между разнообразными дипломами и фотографиями в рамках. Переплетенные между собой две буквы образовывали перекрещенные мечи.

— Студенческое сообщество? — спросил он и прищурился, чтобы разглядеть фразу на латинском языке, помещенную на гербе.

— Да, — Риттенберг обернулся, — это герб. В университете мы с Михой входили в одно

и то же студенческое сообщество. Мы поддерживаем его до сих пор, это так называемая «Команда ветеранов».

— «*Fortes fortuna adiuvat*», — прочитал Боденштайн. В свое время он учился в классической гимназии и еще не совсем утратил познания в латыни. — «Удача благоприятствует храбрым».

— Точно. — Риттендорф усмехнулся и поставил перед Боденштайном чашку с кофе. — Молоко? Сахар?

— Нет, спасибо. — Оливер благодарно кивнул и сделал глоток кофе. — Расскажите мне немного о клинике.

Доктор также сел за стол и закурил сигарету. Он поморщился, когда дым попал ему в глаза.

— Вам это действительно интересно? Может быть, вы просто зададите мне вопросы о Михе?

— Хорошо. — Старший комиссар искренне улыбнулся. — Обойдемся без окольных путей. Как давно вы знаете доктора Керстнера?

— С первого семестра в университете, — ответил Риттендорф. — Почти двадцать четыре года.

— И вы не только коллеги и деловые партнеры?

— Нет, мы друзья. Близкие друзья. — Риттендорф затянулся своим «Голуазом», и его лицо приняло чуть ироничное выражение. — И единомышленники по студенческому сообществу.

— С какого времени вы являетесь совладельцем этой клиники?

— Уже пять лет, — ответил Риттендорф.

— Вы вложили немалую сумму денег в расширение и реорганизацию клиники, — констатировал Боденштайн.

— Да. — Риттендорф чуть улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз, которые, как и прежде, смотрели настороженно. — Но это окупится.

— И из-за проблем с деньгами разрушился брак доктора Керстнера, — заметил Боденштайн.

В ясных голубых глазах ветеринара мелькнуло что-то неопределенное. Георг скривил узкий рот.

— Там нечему было разрушаться, — саркастически сказал он. — Изабель лгала с самого начала, все время обманывала Миху. И знала, что я вижу ее насквозь.

— Почему вы так думаете?

— Послушайте, — Риттендорф подался вперед, — наверное, вам лучше спросить об этом его самого.

— Но я спрашиваю вас, — дружески улыбнулся Боденштайн.

— В жизни каждого человека, который был достаточно легкомысленным, чтобы связаться с ней, Изабель оставляла свой разрушительный след, — пояснил Риттендорф. — Она была расчетлива и думала только о собственной выгоде. Летом, прежде чем вцепиться в Миху, она крутила роман с нашим близким другом. Его жена должна была вот-вот родить, но это ее не волновало. Когда он ей надоел, Изабель сообщила ему об этом, и он повесился в новом, еще не отделанном доме, который строил для своей семьи. — Риттендорф замолчал и покачал головой.

— Вы терпеть не могли Изабель, — констатировал Боденштайн.

— Это неверное слово, — холодно усмехнулся Риттендорф. — Я ее ненавижу.

В этот момент дверь открылась, и в дверном проеме появился Керстнер. Риттендорф вскочил:

— Тебе не следует сегодня работать, Миха. Мы с Инкой справимся.

Боденштайн отметил искреннюю заботу и расположение в поведении Риттендорфа.

— Нет, надо, — возразил Керстнер. — Иначе я свихнусь.

— А, это опять вы, — кивнул профессор, когда прокурор Хайденфельд с зеленым лицом вошел в прозекторскую. — Мы медленно вникаем в детали. Постепенно милое дитя выдает нам некоторые тайны.

— Вот как? — Голос Хайденфельда был усталым.

— Совсем недавно она сделала аборт, — сказал профессор. — Думаю, недели три-четыре назад. Но это не так интересно, как тот факт, что девушка умерла отнюдь не из-за падения с высоты.

— В самом деле? — удивленно спросил Хайденфельд.

— Да, она умерла до этого, — подтвердил Кронлаге. Он поднял правую руку погибшей. — Посмотрите сюда, — попросил доктор, и Хайденфельд заставил себя взглянуть только на руку, а не на выпотрошенное тело. — На суставах кистей, предплечьях и плечах имеются гематомы. С ней довольно грубо обращались. Но самое интересное — это относительно свежий укол в вену на правой руке.

Он снова опустил руку мертвой девушки.

— Я отважусь предположить, что этот укол имеет какое-то отношение к смерти женщины. Кто-то насильно сделал ей инъекцию.

— В отношении нее многократно составлялся протокол за нарушение закона о наркотических средствах, — подбросила Пия информацию для размышлений. — Не могла она сама себе что-нибудь вколоть?

— Нет, это анатомически невозможно, — возразил профессор. — Женщина была правша. Если ты, будучи правшой, сама себе делаешь укол, то вряд ли будешь это делать левой рукой в правую, не так ли? Кроме того, невозможно самому себе сделать укол под таким углом, как это было сделано в данном случае.

— А что ей ввели? — спросил прокурор. — Это можно установить?

— Мы проводим токсикологический скрининг, — ответил профессор Кронлаге. — С помощью такого экспресс-теста мы можем идентифицировать около трех тысяч различных веществ. И если мое подозрение подтвердится, мы в самое ближайшее время узнаем, не умерла ли она от яда.

— Ага, — кивнул прокурор Хайденфельд. — О'кей.

Кронлаге то и дело бормотал медицинские термины в свой микрофон и одновременно рассекал скальпелем внутреннюю поверхность правого плеча трупа.

— Такого рода неумело сделанная инъекция, — поучал он, — вызывает гематому, правда, у живого человека. У нашей погибшей имеются только кровоподтеки, так как она умерла вскоре после инъекции.

Пия довольно кивнула. Это было однозначным доказательством того, что ее теория верна. Это не самоубийство и не несчастный случай, а убийство.

Боденштайн взглянул на доктора Керстнера. Тот был лишь бледной тенью самого себя,

если сравнить с фото, висевшим на стене в приемной.

— Могу я задать вам еще пару вопросов?

— Да, конечно. — Керстнер сел на стул, на котором до этого сидел его коллега. У него был отсутствующий взгляд, и Боденштайн в какой-то момент заподозрил, что мужчина принял успокоительное средство.

— На какие деньги ваша жена приобрела «Порше»? — спросил он.

Во дворе раздался цокот копыт. Боденштайн бросил быстрый взгляд в окно. Две молодые женщины выгружали лошадь сивой масти из прицепа, пожилой мужчина водил по кругу гнедую лошадь, которая постоянно нервно приплясывала и пронзительно ржала. Керстнер, казалось, ничего этого не замечал. Возможно, для него это были просто повседневные звуки. Он достал сигарету из пачки, оставленной Риттендорфом на столе, повертел ее в пальцах, погруженный в свои мысли, и наконец зажал губами. «Этими руками, — пронеслось у Боденштайна в голове, — он выполняет сложнейшие операции. Не убил ли он ими же свою жену?»

— Я тоже впервые увидел машину в субботу, — сказал Керстнер с оттенком горечи. — Вероятно, ей дал деньги один из ее... любовников. Она всегда меня обманывала. Только я слишком долго не хотел знать правду.

— Расскажите поподробнее о вашей жене и вашем браке, — попросил Боденштайн, но опять прошла почти минута, прежде чем Керстнер ответил.

— Что здесь рассказывать? — пожал он плечами. — Изабель меня никогда не любила. Сегодня я вынужден себе признаться, хотя унижительно осознавать это, что я был не чем иным, как средством для достижения цели. Я знал ее еще маленьким ребенком. Изабель была сестрой моего друга Валентина. Когда я вновь ее увидел, вернувшись из Америки, она была уже в положении и пыталась срочно решить свои проблемы. Я оказался как нельзя кстати.

Керстнер раздавил сигарету в пепельнице и тут же закурил следующую.

— Она вышла за меня замуж из чистого расчета. Не то чтобы она меня ненавидела, я был ей просто абсолютно *безразличен*. И это причиняло мне боль.

На улице возникла суматоха: пронзительное ржание лошади, резкий стук копыт, громкие голоса, хлопанье ворот. Но Керстнер даже не моргнул. Он ни разу не поднял голову и, казалось, внутренне находился где-то далеко отсюда. Большим и указательным пальцами левой руки он потер глаза.

— Пару недель назад между нами разгорелась ссора, и Изабель заявила, что я вообще не отец нашей дочери. — Голос Керстнера дрожал. Прошло несколько секунд, прежде чем он взял себя в руки. — Это был конец. С тех пор я ее больше не видел. До последней субботы.

Боденштайн почувствовал сострадание к сидящему напротив человеку и спросил себя, как можно справиться с таким унижением. В силу своей профессии он поневоле постоянно заглядывал в глубины человеческой души. Втайне Оливер нередко с пониманием относился к преступнику, которого безнадежность ситуации толкала на отчаянный поступок. Если Керстнер убил свою жену, что представлялось Боденштайну все более реальным, то это, вероятнее всего, было сделано в состоянии аффекта. Тяжесть многолетнего страдания стала настолько невыносимой, что это должно было привести к трагедии.

— Что жена хотела от вас в субботу? — спросил он.

Керстнер на секунду закрыл глаза, потом открыл их и пожал плечами. На какое-то мгновение наступила полная тишина, которую внезапно прервало жужжание мобильного

телефона. Боденштайн недовольно взял трубку.

— Я не могу сейчас говорить, — проговорил он в телефон.

— Но это важно! — кричала Пия Кирххоф. — Нам теперь известно, отчего умерла женщина. Кронлаге обнаружил на сгибе правой руки ранку от инъекции. При экспресс-анализе крови и мочи выяснилось, что она умерла от смертельной дозы барбитурата. Точнее сказать, речь идет о пентобарбитале натрия.

Боденштайн бросил на Керстнера быстрый взгляд, но тот сидел с отрешенным видом.

— Это точно?

— Да, — подтвердила Пия. — Триаж-экспресс-тест достаточно надежен. Керстнер имеет доступ к пентобарбиталу. Это составная часть лекарственных средств, которые используются в ветеринарии для усыпления животных.

— Что насчет времени смерти? — осведомился Боденштайн.

— Доктор определил совершенно точно. Он считает, что смерть наступила в субботу вечером, между половиной восьмого и половиной девятого. Ах да, кое-что еще: незадолго до этого Изабель Керстнер сделала аборт.

— Все ясно, — лаконично ответил Боденштайн. — Увидимся позже.

Он взглянул на Керстнера. Доктор, погрузившись в раздумья, пристально смотрел перед собой на столешницу. Действительно ли все так просто? Этот человек убил свою жену, которая в течение нескольких лет лгала и изменяла ему, смертельным медикаментом, когда вновь увидел ее субботним вечером? Были факты, подтверждающие данную версию, но существовали и иные обстоятельства, свидетельствовавшие о его невиновности.

Почему Керстнер рассказывал эту компрометирующую историю? В известной степени он сам преподнес Боденштайну мотив убийства на серебряном блюдечке! Кажущиеся простыми решения вселяли в Оливера недоверие.

— Доктор Керстнер, — сказал он, — по последней информации, ваша супруга скончалась не в результате падения с башни.

— Простите? — Мужчина вскинул голову. Замешательство и непонимание в его взгляде были неподдельными, насколько мог судить Боденштайн.

— Вас удивит, если я скажу, что ваша жена умерла от смертельной инъекции в вену?

— От смертельной инъекции... — повторил Керстнер. Он покачал головой, но затем, похоже, осознал услышанное. — И теперь вы думаете, что я имею к этому какое-то отношение?

— Я вообще ничего не думаю, — деловито возразил Боденштайн, — но настало время сообщить мне, зачем ваша жена приезжала к вам и что вы делали в субботу вечером между девятнадцатью и двадцатью тремя часами. Где вы были в период времени, когда ваша жена, согласно протоколу вскрытия, умерла?

Керстнер медлил с ответом.

— Я говорил с ней совсем недолго. Потом мне позвонили. Было десять минут седьмого. Я это знаю точно, потому что посмотрел на часы в моем автомобиле. Я сразу уехал, это вам могут подтвердить мои коллеги.

— Вы уехали до того, как отбыла ваша жена?

— Да.

— О'кей, — кивнул Боденштайн. — Тогда скажите, пожалуйста, кто вам звонил и куда вы поехали? Сколько были в пути, где находились в течение вечера и кто может это подтвердить?

— В данный момент ничего не могу сказать, — сказал Керстнер. — Извините.

— Мне жаль, — Боденштайн поднялся, — но я должен просить вас поехать со мной.

— Я... арестован?

— Да. Предварительно. Я задерживаю вас по подозрению в убийстве вашей жены.

Керстнер тоже встал. Его лицо было бледным, но спокойным.

— Могу я еще раз быстро позвонить?

Боденштайн пожал плечами, что означало «вообще-то нет».

— Ради бога. Но недолго.

Доктор взял мобильный телефон и набрал номер.

— Это я, — заговорил он, не понижая голос. — Меня арестовала полиция. Они думают, это я убил Изабель... Нет-нет, все нормально. О'кей, позвони своему брату... И, пожалуйста, поезжай к своим родителям... если тебя отпустят. Я был бы спокоен, зная, что ты в безопасности... Да нет, наверняка недолго. Они выяснят, кто это был в действительности. Хорошо. Ну пока.

— С кем вы разговаривали? — спросил Боденштайн.

— С одной знакомой. — Керстнер отключил телефон и подал его Боденштайну.

— Возможно, эта знакомая могла бы чем-то помочь, чтобы снять с вас подозрение в убийстве вашей жены?

— Возможно.

— Послушайте, доктор! — Оливер обычно хорошо владел собой, но сейчас он постепенно начинал выходить из себя. — Это не веселое времяпрепровождение! Если есть кто-то, кто может обеспечить вам алиби на субботний вечер, вы должны немедленно принять меры, чтобы этого добиться!

Керстнер покачал головой.

— Я не могу, — сказал он. — Вы сами поймете почему.

— Надеюсь, — со вздохом ответил Боденштайн.

Во время следующего допроса в комиссариате Хофхайма Керстнер был нем как рыба, поэтому Боденштайн спустя полчаса отправил его во Франкфурт, где он должен был находиться в одиночной камере до принятия решения судьей по проверке законности содержания под стражей. Тем временем Бенке получил первые результаты лабораторных исследований «Порше». Почти все отпечатки пальцев в автомобиле принадлежали Изабель Керстнер, но со стороны места пассажира было обнаружено множество незнакомых отпечатков, а на обивке подголовника найден короткий темно-русый волос, который не удалось идентифицировать. Остерманн выяснил через Интернет, что Изабель Керстнер в прошлом довольно часто принимала участие в конноспортивных соревнованиях за общество «Гут Вальдхоф», штаб-квартира которого находилась в одноименном частном конноспортивном комплексе между Келькхаймом и Лидербахом.

— Что-нибудь известно о местонахождении ребенка? — спросил Боденштайн.

— Нет, — доложила Катрин Фахингер. — В детском саду девочка была в последний раз восемнадцатого августа, и в этот же день ее также в последний раз видела и няня, которая всегда сидела с ребенком. В тот вечер из детского сада ее забрала Изабель Керстнер.

— В таком случае мы должны немедленно объявить девочку в розыск, — сказал Боденштайн. — Этим займетесь вы, фрау Фахингер. Достаньте свежее фото ребенка.

— Нам необходимо получить постановление на обыск в ветеринарной клинике, —

вмешался Бенке.

Боденштайн посмотрел на него и невольно подумал об Инке Ханзен. Он не хотел создавать ей ненужных проблем.

— Какова летальная доза пентобарбитала натрия для человека? — спросил он. — Я думаю, очень небольшая. Мне представляется очень сомнительной возможность того, что мы сможем там что-то обнаружить с помощью определения состава медикамента или накладных.

Бенке пожал плечами.

— Фрау Кирххоф, — обратился Боденштайн к Пие, — поезжайте в эту конюшню в Келькхайме. Полагаю, Изабель Керстнер проводила там немало времени. Попробуйте побольше разузнать о ней.

«Гут Вальдхоф» располагался позади промышленной зоны, на краю поля между Келькхайм-Мюнстером и Лидербахом. Пия остановила свой автомобиль на безупречно вымощенной парковочной площадке и вышла из машины. Здесь было припарковано несколько автомобилей, на другой стороне аккуратно один за другим выстроились прицепы для перевозки лошадей. Пия с интересом огляделась вокруг. Она приезжала сюда однажды много лет назад, когда навещала подругу, поместившую сюда свою лошадь, но тогда все выглядело совершенно иначе. От метровой высоты сорняков, грязных дорог и куч конского навоза не осталось и следа. Кто-то, по-видимому, инвестировал сюда массу денег и сил и из обедневшей сельской усадьбы создал великолепный конноспортивный комплекс. Вокруг были разбиты ухоженные газоны с цветочными клумбами и рододендронами, также имелись большое конкурное поле с разнообразными препятствиями и манеж для соревнований. В длинной конюшне были прорезаны внешние окна, из которых лошади могли высовывать свои любопытные морды.

Пия прошла через парковочную площадку и увидела загорелого бритоголового молодого человека, двигавшего перед собой тачку с сеном. На нем были узкие джинсы и зеленая рубашка поло с надписью золотистого цвета «Гут Вальдхоф», под которой обозначились хорошо натренированные бицепсы. «Изменившийся в целом облик двора положительно сказался и на внешнем виде персонала», — весело подумала Пия.

— Добрый день, — обратилась она к парню. — Кто директор этого комплекса и где я могу его найти?

Тот смерил Пию оценивающим взглядом, не останавливая при этом тачку.

— Директор у нас Кампманн. Он наверху, в доме, — сказал он с явным иностранным акцентом. — Все понятно?

— Все понятно, — улыбнулась Пия. — Спасибо за информацию.

Жилой дом оказался все тем же незатейливым одноэтажным зданием с плоской крышей, что и раньше. Правда, было приложено немало усилий, чтобы придать лоск безликой заурядной постройке. Во двор выходил великолепный зимний сад, где между пальмами в горшках и лимонными деревьями вокруг массивного деревянного стола уютно расположились группами кожаные стулья. Дом был недавно выкрашен охрой, как и все здания комплекса. Напротив жилого здания находилась еще одна, новая секция конюшни, и у привязной штанги дремали две лошади с влажными лоснящимися шкурами. Обе наездницы, на вид лет сорока, сидели в зимнем саду с распахнутыми дверьми. Они пили шампанское из бумажных стаканчиков и ждали, когда их лошади обсохнут на горячем

августовском солнце.

Пия кивнула женщинам и прошла к дому, перед которым был припаркован серебристый «Порше Кайенн». Как раз в тот момент, когда она собиралась нажать кнопку звонка, дверь открылась. На улицу вышел мужчина с темно-русыми волосами, в джинсах и ярко-голубой рубашке с короткими рукавами. За ним шли платиновая блондинка с чересчур темным солярийным загаром и два угрюмых тинейджера в широких брюках и кроссовках. Все четверо, не здороваясь, проследовали мимо Пии к автомобилю. На вид мужчине было под пятьдесят. Судя по всему, раньше он был достаточно привлекателен, но теперь его покрасневшее лицо, выдававшее излишнюю любовь к алкоголю и обильной еде, выглядело дряблым и одутловатым. Женщине было лет на десять меньше. Весь ее внешний вид говорил о том, что она всеми силами стремилась выглядеть моложе своих лет. Зачесанные кверху волосы казались слишком светлыми, чтобы быть натуральными. На женщине были облегающие бежевые брюки и такой же узкий пуловер бирюзового цвета с немыслимо глубоким вырезом. Кроме того, она с ног до головы была увешана различными украшениями.

— Добрый день, — поздоровалась Пия. — Вы господин Кампманн?

— Да, это я, — холодно ответил мужчина и остановился.

Пия заметила пластырь над его правой бровью и довольно свежий кровоподтек под глазом.

— Моя фамилия Кирххоф. — Она достала удостоверение. — Уголовная полиция Хофхайма. У меня к вам несколько вопросов.

— Мы как раз собрались уезжать. — Кампманн посмотрел на часы, чтобы продемонстрировать, что у него нет ни времени, ни желания задерживаться дольше, чем это необходимо. — У меня сегодня выходной.

— Это не займет много времени, — заверила Пия.

— Конечно, у нас есть время, чтобы ответить на пару вопросов, — вмешалась блондинка и дружески улыбнулась, чтобы скрасить невежливое поведение своего мужа.

Пие показалось, что того это не очень устраивало, однако Кампманн с кислой миной развел руками, повернулся на каблуках и направился назад к входной двери. Он привел Пию в современно оборудованный офис и встал посередине комнаты. Его жена стояла рядом с ним.

— Итак, — Кампманн не желал прикладывать ни малейших усилий, чтобы казаться приветливым, — о чем идет речь?

— В воскресенье утром был обнаружен труп Изабель Керстнер, — сообщила Пия. — Я предполагаю, что вы были с ней знакомы.

— О господи! — воскликнули оба супруга одновременно, и на их лицах отразилось изумление.

— По последней информации, она стала жертвой насильственного преступления, — добавила Пия.

— Насильственное преступление? — недоверчиво повторила фрау Кампманн и испуганно раскрыла глаза. — Это ужасно!

Кампманн, казалось, был в некотором шоке, но когда его жена, ища поддержки, хотела взять его за руку, он сунул обе ладони в карманы джинсов.

— Нам стало известно, что фрау Керстнер держала лошадь в этой конюшне, — поведала Пия. — Стало быть, вы оба наверняка хорошо ее знали.

— Да, конечно, мы хорошо ее знали, — робко прошептала фрау Кампманн. — Она была

милой девушкой. Мы ее очень любили, правда, Роберт?

Взгляд Пии переместился на Кампманна.

— Да, это правда. — Мужчина упорно избегал встречаться с ней глазами.

На какое-то мгновение Пие показалось, что она уловила на его лице выражение отчаяния, которое, однако, быстро сменилось застывшей маской.

— Не так давно фрау Керстнер рассталась со своим мужем, — сказала Пия, — а при вскрытии было установлено, что примерно три недели назад она делала операцию по прерыванию беременности. Вам что-то известно об этом?

Супружеская пара обменялась удивленными взглядами.

— Нет, — ответил Кампманн. — Я об этом ничего не знал.

— Я тоже. — Его жена пристально посмотрела на Пию своими слишком близко посаженными глазами, и у Кирххоф возникло смутное подозрение, что она лжет.

Понять Роберта Кампманна было невозможно; лишь его осанка и то, как он скрестил на груди руки, выдавали испытываемую им неловкость.

— Не могли бы вы предоставить мне список лиц, которые держат в конюшне своих лошадей? — попросила Пия. — И, может быть, вы могли бы также сказать, с кем фрау Керстнер была в дружеских отношениях или часто общалась?

Фрау Кампманн села за письменный стол, включила компьютер и начала медленно стучать по клавиатуре. При этом она рассказывала, что Изабель Керстнер была отличной и успешной наездницей по выездке. Нет, врагов у нее не было. За исключением мелкой ревности среди наездников, что совершенно естественно, с ней никогда не было никаких проблем. Пия заметила дорогие часы на запястье фрау Кампманн — «Брайтлинг» с бриллиантами — и тяжелое золотое украшение марки «Булгари». Неплохо для жены инструктора по верховой езде. Так же как и впечатляющий дорогой внедорожник перед домом. Пия взяла список, поблагодарила за информацию и покинула супругов Кампманн. У последних, похоже, исчезло желание куда-либо ехать: пока Пия шла к своему автомобилю, намереваясь позвонить Боденштайну, она заметила, что фрау Кампманн позвала обоих детей домой.

На территории конноспортивного комплекса не происходило ничего особенного. Обе женщины занимались своими лошадьми, и Пия встретила только двух девушек, которые рассказали ей, что Изабель была женой ветеринара доктора Керстнера и у нее была шикарная лошадь для выездки, на которой она успешно выступала на соревнованиях. Кроме того, есть лошади, принадлежащие конноспортивному комплексу «Гут Вальдхоф» и подлежащие продаже. Они обучены и участвуют в соревнованиях.

Как раз в тот момент, когда Пия собиралась сесть в автомобиль, чтобы ехать назад в комиссариат, на парковочную площадку конноспортивного комплекса влетел итальянский спортивный автомобиль канареечного цвета и с ревом остановился рядом с ее запыленным «Ниссаном Патролом». Из автомобиля вышел бледный худой мужчина и направился к ней.

— Добрый день, — поздоровался он. — Вы из полиции?

— Да, — кивнула Пия. — Пия Кирххоф, уголовная полиция Хофхайма, отдел К-2.

— Ганс Петер Ягода. — Мужчина с серьезным видом протянул Пие руку. — Я владелец этого комплекса. Господин Кампманн, мой управляющий, позвонил и рассказал, что случилось. Я потрясен.

Пия рассматривала мужчину. Он был ей как будто знаком: седые волосы с обозначившейся лысиной, розовая рубашка фирмы «Ральф Лорен» и светлый льняной

КОСТЮМ.

— Кампманн сказал, Изабель была убита. — Ягода продемонстрировал умеренную озабоченность в связи с насильственной смертью малознакомой особы.

— В данный момент мы придерживаемся этой версии, — подтвердила Пия и стала размышлять, где она уже однажды слышала фамилию Ягода. «ЯгоФарм»! Пару лет назад он со своей фирмой был одним из наиболее крупных предпринимателей на Новом рынке^[6].

— У вас замечательный конноспортивный комплекс, — улыбнулась Пия. — Сколько лошадей здесь содержится?

Смена темы, кажется, на какой-то момент сбила Ягоду с толку.

— Около семидесяти, — ответил он. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— С удовольствием, — кивнула Пия и не спеша пошла рядом с Ягодой вверх, к зимнему саду, в котором автомат, тихонько жужжа, выдавал испытывающим жажду наездникам холодные как лед напитки.

— Когда мы с женой семь лет назад купили это хозяйство, — Ягода открыл автомат сбоку, — это была всего лишь обедневшая сельская усадьба. Мы вложили немало средств, и сейчас «Гут Вальдхоф» стал одним из красивейших конноспортивных комплексов во всей Рейн-Майнской области. Что вы будете пить?

— Пожалуй, колу-лайт. Вы сами тоже занимаетесь верховой ездой?

— Раньше время от времени занимался. Но сейчас не позволяет работа. Комплекс, собственно говоря, скорее, хобби моей жены.

Пия бросила взгляд на информационный стенд, висевший при входе в зимний сад. План выстилки загона, рекламные листовки фирмы, специализирующейся на продукции для конного спорта, объявление о том, что сервисная служба по очистке потолков приедет в четверг.

— Что вы можете сказать об Изабель Керстнер? — спросила Пия.

Ягода на мгновение задумался.

— Она была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел, — ответил он. — Несомненно, Изабель имела все данные, чтобы стать фотомodelью или кинозвездой. Я всегда себя спрашивал, как она умудрилась выйти замуж за ветеринара.

Он сказал это без какой-либо надменности или даже насмешки.

— У нее была прекрасная лошадь, и сама она была способной наездницей. Ее появление здесь стало причиной для серьезного беспокойства. Отважусь утверждать, что Изабель одна своей внешностью вскружила голову тем немногочисленным мужчинам, которые сюда приходят.

— Вам тоже? — Пия внимательно посмотрела на своего визави.

— О нет, я счастливо женат, — возразил Ягода и засмеялся, как будто она удачно пошутила.

— Хотя другие удачно женатые мужчины не прочь завести любовную интрижку с красивой женщиной.

Ягода убедительно помотал головой:

— Я очень люблю свою жену. И ради мимолетного приключения никогда не стал бы ставить на карту свой брак. А на что-то большее, чем кратковременная интрижка, Изабель не могла рассчитывать.

— Что вы хотите этим сказать?

Ганс Петер Ягода бросил на нее пронизательный взгляд, затем допил минеральную

воду и поставил пустую бутылку в ящик рядом с автоматом.

— Изабель Керстнер была женщиной легкого поведения, — сказал он, — не более того.

Большим сюрпризом для Боденштайна и его коллег стало появление адвоката Керстнера. Доктор Флориан Клэзинг был одним из самых успешных и популярных защитников по уголовным делам во Франкфурте, если не во всей Германии. Он выигрывал сенсационные и абсолютно безнадежные дела и в следственных органах относился к категории адвокатов, которых больше всего опасались. Ему было за сорок; умный, хитрый, агрессивный и очень нестандартно мыслящий. Он специализировался на процессе доказывания с помощью косвенных улик, в котором обвиняемый не имел практически никаких шансов. Удивительным было не только то, что Керстнеру в течение нескольких часов удалось затащить этого безумно занятого человека в комиссариат Хофхайма. Еще больше поражало, что Клэзинг, вопреки своей укоренившейся привычке, вел себя необычно кротко. Никаких громких слов, никаких угроз прессой — ничего. Беспрекословно принял тот факт, что судья отклонил ходатайство о возможности освободить задержанного из-под стражи под денежный залог.

— Что-то здесь нечисто, — заметила Пия, когда Боденштайн рассказал ей об этом.

— Полагаю, Керстнер кого-то покрывает. Почему — я не знаю. Мы должны как можно скорее собрать информацию об окружении Изабель Керстнер. И об окружении ее мужа.

— Керстнер покинул клинику раньше своей жены, но, возможно, потом он ее где-то подкараулил или позвонил ей и договорился о встрече, — рассуждал Франк Бенке. — Для ветеринара это не проблема — сделать кому-то инъекцию.

— Точно, — увлекся Остерманн этой теорией. — Его коллеги дают правдивые показания в отношении того, что он уехал раньше своей жены. Они полагают, что это и есть его алиби.

— Я в это не верю, — покачал головой Боденштайн.

— Мы должны выяснить, куда он поехал, — предложила Пия, — и срочно узнать, где жила Изабель Керстнер после расставания с мужем. Кроме того, я почти уверена, что среди ее знакомых было немало людей, имевших мотив для убийства.

— Почему вы так считаете? — Главный комиссар поднял глаза от еще совсем тоненькой папки с делом.

— Супруги Кампманн поведали, что Изабель Керстнер была довольно милая клиентка, пользующаяся любовью среди таких же, как она, посетителей конюшни, — ответила Пия, — но владелец конноспортивного комплекса дал ей совершенно иную характеристику. И довольно негативную.

— Хм... — Боденштайн закрыл папку с делом. — Хотел бы я знать, кто звонил Керстнеру в воскресенье вечером. Уверен, это был тот же самый человек, с которым он разговаривал вчера.

— Кстати, шеф, вам о чем-нибудь говорит имя Ганс Петер Ягода? Он владелец этого конноспортивного комплекса.

— Ягода? — Боденштайн на минуту задумался, затем на его лице появилось удивленное выражение. — *Тот самый* Ганс Петер Ягода?

— Именно.

— Можно узнать, о ком речь? — вмешался Остерманн.

— Ганс Петер Ягода во времена Нового рынка был очень крупным бизнесменом, —

пояснила Пия. — Его фирма относилась к так называемым shooting stars^[7]. Стоимость его акций поднялась до пятисот евро. «ЯгоФарм» достигала пиковых значений.

— Ключевое слово — «достигала», — возразил Боденштайн. — На сегодняшний день фирма уже давно утратила свою значимость, если вообще еще существует.

— В деньгах он, кажется, в любом случае не испытывает недостатка, — сказала Пия. — Он ездит на «Феррари», да и комплекс оборудован самыми изысканными и дорогими материалами. Даже инструктор по верховой езде имеет «Порше Кайенн».

— Самое главное для нас сейчас — личность человека, с которым Керстнер разговаривал по телефону в субботу вечером. — Боденштайн поднялся. — Так что за работу, коллеги!

Ножки стула заерзали по линолеуму, и сотрудники, тихо переговариваясь, направились на свои рабочие места. Боденштайн задержал Пию:

— Брат Изабель Керстнер держит аптеку в Бад-Зодене. Как вам это?

— Аптекарь? Это интересно.

— Я тоже так считаю.

— Аптекари тоже, в конце концов, имеют доступ к смертоносным медикаментам, — заметила Пия. — Не только ветеринары.

— Я тоже об этом подумал, — кивнул Боденштайн, — и поэтому мы должны с ним немедленно поговорить.

Аптека «Лёвен» располагалась на Кёнигштайнерштрассе напротив вокзала в Бад-Зодене. После некоторых поисков Пия нашла парковочное место перед рынком Шлекер-Маркт. Вместе с Боденштайном они вошли в торговый зал аптеки около половины седьмого и сообщили одной из ассистенток, что хотели бы поговорить с ее шефом.

— Вы по записи? — строго посмотрела на них пожилая женщина. — Для визита клиентской фирмы уже достаточно поздно.

Оливер протянул свое служебное удостоверение и подкупающе улыбнулся.

— Мы из уголовной полиции, — приветливо сказал он. — По личному делу. Мы были бы очень признательны, если бы вы смогли нас записать.

Пия с интересом отметила, какое чудесное превращение произошло с очерствелой дамой под воздействием улыбки ее шефа.

— О... да... — Ассистентка покраснела и смущенно улыбнулась. — Одну минуту.

Она оказалась настолько сбита с толку, что, развернувшись, нечаянно столкнулась с коллегой, после чего быстро исчезла в соседнем помещении.

Боденштайн тем временем критически рассматривал себя в стекле витрины.

— Разве я похож на коммерческого агента? — прошептал он.

Пия оглядела его с ног до головы.

— Я еще ни разу не встречала коммерческого агента в костюме от «Бриони», — сухо возразила она.

Боденштайн поднял брови, но появление доктора Валентина Хельфриха помешало ему ответить. Пия, видевшая безупречную красоту погибшей молодой девушки, была ошеломлена тем, насколько невзрачным оказался ее брат. Это был коренастый мужчина с непримечательным лицом, гладкими волосами пепельного цвета и в старомодных роговых очках.

— Вы, наверное, пришли по поводу Изабель? — спросил он после того, как Боденштайн

представился и представил свою коллегу.

— Да, верно, — кивнул старший комиссар.

— Пройдемте. — Доктор Хельфрих открыл вращающуюся дверь рядом с торговой стойкой и дал знак следовать за ним во внутреннее помещение аптеки.

Они шли по коридору, где, уложенная штабелями, размещалась пустая тара, затем вошли в кабинет, оборудованный по старинке, с деревянными полками до потолка. Аптекарские флаконы из темного стекла с надписями на латинском языке, толстые книги в кожаных переплетах, на столике — сложная, но тоже устаревшая аппаратура, наводившая на мысль о химических лабораториях начала прошлого века. Единственными предметами, которые указывали на то, что на дворе две тысячи пятый год, были современный плоский монитор и факс.

— Садитесь. — Хельфрих указал на стулья и сел за свой письменный стол. — Я узнал от Георга Риттендорфа, что Изабель умерла, — произнес он чуть погодя, подождав, пока его посетители усядутся. — Я до сих пор потрясен.

— Вы были близки с вашей сестрой? — спросила Пия.

— Нет, не очень, — покачал головой Хельфрих. — В глазах Изабель я был скучным обывателем, да и я мало понимал ее образ жизни. Разница в возрасте между нами тоже была достаточно большой. После четырех выкидышей у матери Изабель была желанным ребенком. Родители баловали ее беспредельно.

— Вы ревновали? — продолжала Пия.

— Нет. Я ни в чем не знал отказа. Мои родители были великодушны.

Доктор Валентин Хельфрих откинулся назад. Он выглядел задумчивым.

— Что вам не нравилось в поведении сестры? — поинтересовался Боденштайн.

— Она была круглой эгоисткой, — ответил Хельфрих. — И я не мог смотреть на то, как бесцеремонно она обращалась с другими людьми.

— А как она обращалась с другими людьми? — уточнила Пия.

— Ей было на всех плевать. — Хельфрих пожал плечами. — Она интересовалась людьми лишь настолько, насколько они могли быть ей полезны. Изабель бывала очень язвительной. Больше всех от нее страдал мой зять.

— Почему она вообще вышла за него замуж?

На этот раз Хельфрих ответил не сразу.

— Я не знаю. Изабель никогда не думала о последствиях, когда во что-то ввязывалась. Возможно, в тот момент она находила это забавным. Миха ведь ее по-настоящему боготворил.

— Доктор Керстнер расстался со своей невестой из-за Изабель? — заметил Боденштайн.

— Да, — кивнул Хельфрих. — Они с Мони были вместе со студенческих времен. Оба ветеринары, вместе работали в США. На юбилее моего отца — ему исполнилось шестьдесят пять — Миха встретился с Изабель, и она так вскружила ему голову, что он...

— Что? — спросила Пия, и Хельфрих вздохнул.

— Через два месяца после того события Мони ушла от Михаэля, потому что Изабеле ждала ребенка. Это все объясняет.

— И как развивались события дальше?

— Как развивались дальше? — Хельфрих поджал губы. — Свадьба. Ребенок. Наши родители были счастливы и облегченно вздохнули, но ненадолго. Вскоре после рождения

Мари Изабель опять «отправилась на охоту».

— Где сейчас находится девочка? — осведомилась Пия.

— Это вопрос не ко мне.

— Где жила ваша сестра после того, как ушла от мужа?

Хельфрих выпрямился.

— Даже предположить не могу. Как говорится, у нас нет тесной связи. Она редко у нас появлялась.

— Вам известно, что незадолго до смерти ваша сестра сделала аборт? — Боденштайн приберег эту новость под конец.

— Аборт? — Хельфрих повторил слово несколько растерянно. — Нет, я и понятия об этом не имел. Но это было уже не в первый раз.

— Вы действительно опечалены смертью вашей сестры? — спросила Пия.

Лицо доктора Валентина Хельфриха мгновенно стало непроницаемым.

— Нет, — ответил он, к ее удивлению. — Скорее, я опечален тем, что она так бездарно растратила свою жизнь.

Пия во второй раз поехала в «Гут Вальдхоф», а Боденштайн отправился в офис. Расследуемые дела редко затрагивали его чувства, но в этот раз все было иначе. Может, это связано с неожиданной встречей с прошлым, в котором он поставил точку? Оливер полночи не спал и думал об Инке Ханзен. Ему было неприятно, что в связи с арестом Керстнера у нее возникли проблемы, и он спрашивал себя, почему доктор так странно себя ведет. На данный момент Боденштайну еще слишком мало известно об окружении Изабель, чтобы понять, за какие рычаги дергать, но он не сомневался, что вскоре ситуация изменится. Работа сотрудника уголовной полиции редко бывает привлекательной, как это изображает телевидение. Напротив, в большинстве случаев она изнурительна и неприятна. Но до чего захватывает дух, когда путем сбора и оценки информации буквально на твоих глазах вырисовывается картина, которая, если повезет, выявит облик преступника! Бывший шеф Боденштайна однажды сказал: «Чтобы быть хорошим полицейским, нужно уметь думать как преступник». И в чем-то он прав. Способность в определенной жизненной ситуации поставить себя на место абсолютно незнакомого до сего времени человека весьма важна. Боденштайн невольно опять вернулся мыслями к Инке Ханзен.

Ты знаешь, где меня найти... Может, ему следует еще раз поехать в клинику и за чашкой кофе попытаться выудить из старой знакомой побольше информации о частной жизни Керстнера? Нет, это ерунда. Причина, по которой он опять хотел увидеть Инку, не имела к Керстнеру и его делу никакого отношения.

В дверь постучали, и Боденштайн очнулся от своих размышлений.

— Войдите! — крикнул он.

Дверь открылась, в кабинет вошла женщина, и Оливер, пренебрегая всеми правилами приличий, уставился на нее. Было сложно сказать, красавица она или дурнушка, так как ее лицо, покрытое гематомами, сильно распухло. На левой скуле виднелся свежий шов, кожа вокруг раны имела фиолетовый оттенок.

— Главный комиссар Боденштайн? — спросила она тихим голосом.

— Да, это я. — Оливер вышел из-за письменного стола, когда женщина неожиданно закачалась и едва не упала на колени. Стараясь сохранять хладнокровие, он подхватил ее и усадил на один из стульев.

Пия пересекла парковочную площадку. Машин тут было больше, чем при первом ее визите. Перед этим в комиссариате она объяснила Бенке, почему вчера согласилась поехать на вскрытие — процедуру, к которой он испытывает жгучую неприязнь. Он не должен считать ее лизоблюдкой, желающей снискать расположение шефа. В то время как другие коллеги из отдела были с ней приветливы, Бенке относился к Пии холодно, почти враждебно. Возможно, теперь ситуация изменится, по крайней мере он ее поблагодарил. Теперь Пия шла по направлению к открытому манежу.

В это утро на фрау Кампманн были узкие белые джинсы, кофта с лайкрой и леопардовым рисунком. Золотые украшения — те же, что и накануне, а волосы по-прежнему изощренно зачесаны наверх. Сама Пия, как правило, стягивала волосы в обычный «конский хвост» и, кроме подводки для глаз, не использовала никакой косметики. Очевидно, фрау Кампманн требуется немало времени по утрам, чтобы выглядеть подобным образом. Она

сидела с двумя женщинами под тентом за столиком, расположенным на газоне позади манежа. Перед ними стояли чашки с кофе, кофейник и тарелка со свежими круассанами.

— Ал-ло-о! — проговорила Пия притворно-елейным голосом, делая ударение на втором слоге.

Фрау Кампманн тут же вскочила и взмахом руки указала на садовые стулья, словно экзальтированная хозяйка на аристократической вечеринке:

— Хотите кофе? Или, может быть, что-то еще? Пожалуйста, садитесь же!

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила Пия, — но мне бы хотелось переговорить с вашим мужем.

— О, мой муж *очень* занят! — На лице жены инструктора по верховой езде появилась гримаса сожаления.

Пия спросила себя, всегда ли эта дама ведет себя так неестественно, и представилась обеим собеседницам фрау Кампманн. На их лицах было написано нескрываемое любопытство. Совершенно определенно, новость о смерти Изабель Керстнер со скоростью света распространилась по всему комплексу. Сабина Ноймейер и Рената Гросс — обеим было едва за пятьдесят — имели дочерей подросткового возраста и держали здесь лошадей, с которыми занимались их дочери. Пия нашла их имена в списке, днем раньше распечатанном для нее фрау Кампманн.

— Что вы можете сказать мне об Изабель Керстнер? — спросила Пия и отметила быстрый взгляд, которым обменялись дамы.

В этот момент из конюшни вышел Кампманн, ведя за уздечку лошадь. Его сопровождала полноватая дама в клетчатых бриджах. Она крепко ухватила повод, когда Кампманн, встав на край цветочной кадки, вскочил в седло. Пия кивнула ему. Мужчина ответил на ее приветствие с невыразительной миной на лице и поскакал на манеж.

— Я не так много общалась с Изабель, — сдержанно ответила фрау Ноймейер. — Она была прекрасной наездницей — это все, что я знаю.

Полноватая дама в клетчатых бриджах стояла с фрау Кампманн у изгороди манежа и делала вид, что наблюдает за тем, как инструктор выезжает лошадь, то есть приучает ее к упряжи. В действительности же она с любопытством поглядывала на беседующих женщин.

— Да, это я уже слышала. — Пия откинулась назад. — Но ваша дочь наверняка тоже хорошая наездница. Вы купили для нее выездковую лошадь. Как ее зовут?

— Конэссёр^[8], — ответила Ноймейер. — Да, верно. Мы купили ее у господина Кампманна для нашей дочери.

— Понятно, — кивнула Пия. — И она делает такие же успехи, какие делала Изабель?

Фрау Ноймейер замялась. Казалось, ей тяжело раскрывать перед незнакомым человеком неприятную правду.

— Они обе еще в такой стадии... они... им только предстоит привыкнуть друг к другу, — уклонилась она от ответа.

— Это означает, что ваша дочь не достигла таких же успехов, как Изабель Керстнер? — Пия беспощадно ворошила открытую рану бедной женщины.

— Нет. — Фрау Ноймейер одарила Пию ядовитым взглядом и решительно раздавила сигарету в пепельнице. — С какой стати я хожу вокруг да около? Изабель была чудовищем. Она всегда притворялась чуткой, слушала, вытаращив глаза, только для того, чтобы доложить Кампманну обо всем, что узнала. Она была мастером устраивать подлости. Мы купили лошадь у Кампманна после того, как Изабель успешно представила ее на нескольких

соревнованиях, но у нашей дочери с ней потом не сложилось. Патриция просто переоценила лошадь. Когда я однажды сказала Изабель о том, что Кампманн продал нам лошадь с дефектами, она тут же ему это передала. С тех пор у нас с Кампманном напряженные отношения. У Изабель был острый язык и ужасный характер. В конюшне ее терпеть никто не мог.

— Она всегда думала только о своей выгоде, — вмешалась фрау Гросс. Она также купила своей дочери дорогую выездковую лошадь, чтобы таким образом воплотить в жизнь собственные честолюбивые, но так и не сбывшиеся сокровенные мечты. Однако, как и Патриция Ноймейер, дочь фрау Гросс долго не могла достичь таких же успехов, как Изабель Керстнер.

— Почему? — спросила Пия.

— Она знала, с кем надо устанавливать хорошие отношения, — пренебрежительно ответила фрау Гросс. — Если она хотела чего-то добиться, то умела быть притворно любезной.

— Чего же она хотела добиться? — поинтересовалась Пия. — У нее же все было: лошадь, красивая машина, муж...

Фрау Гросс презрительно фыркнула:

— О том, что у нее есть муж, мы узнали через полгода после ее появления здесь. Она так бессовестно вела себя, что было даже неловко.

— Правда?

— Иногда мы задавались вопросом, где находимся — в конноспортивном комплексе или на показе мод. И дело не в том, что она занималась в бикини! — Фрау Гросс засмеялась. — Она страдала нимфоманией. А потом однажды получила резкий отпор. Я не могу утверждать, что мне ее будет очень не хватать.

Фрау Кампманн между тем испарилась, а инструктор ездил верхом по противоположной стороне большого манежа. Время от времени он посматривал на беседующих, и Пия подумала, что Кампманн скорее предпочтет перемахнуть на лошади через ограждение манежа, нежели пройти мимо нее. Полная женщина уселась рядом с фрау Ноймейер и Гросс. У фрау Пейден было аж три лошади в этой конюшне. Всех их она купила у инструктора Кампманна, и всех трех он обучал лично. Фрау Пейден тоже не выносила Изабель Керстнер, и Пия догадывалась о причинах. Несложно представить, какое впечатление производила на этих дам красивая, стройная Изабель.

— Хоть с кем-то в конюшне Изабель была в дружеских отношениях? — спросила Пия. — Фрау Кампманн поведала нам, что ее здесь любили.

— «Любили»?.. Неверное выражение, — сказала фрау Ноймейер. — Скорее, боялись. Никто с ней не связывался. Она была на короткой ноге с Кампманном и супругами Ягода, а с ними никто не хотел обострять отношения.

— Что вы имеете в виду, утверждая, что она была с ними «на короткой ноге»? — поинтересовалась Пия.

— Как — что? — Фрау Ноймейер пожала плечами. — Она, в конце концов, ездила на лошадях, которых Кампманн по заказу «Гут Вальдхоф» приобретал для перепродажи. Он тренировал Изабель и ездил с ней на соревнования.

— Он, между прочим, позволял себе это только с ней, — язвительно заметила фрау Пейден, удостоверившись, что Кампманн находится на достаточном расстоянии, чтобы не слышать их разговор. — Мы купили у него трех лошадей, но он ни разу не ездил с нашей

дочерью на соревнования.

Пия отметила недоброжелательность, которая прозвучала в этих словах. Очевидно, что и этот элитный комплекс ничем не отличается от других конюшен. Ей был вполне знаком феномен, когда клиенты женского пола, часто превосходящие числом клиентов-мужчин, отчаянно, изо всех сил пытались добиться расположения единственного инструктора, ревностно наблюдая друг за другом и оговаривая коллег. Пренебрегая всем, они думали лишь о своем собственном престиже и собственной выгоде.

— Чем объясняется тот факт, что господин Кампманн больше занимался с Изабель Керстнер, чем с другими клиентами? — заинтересованно спросила Пия. — Вы намекаете на то, что между ними что-то было?

— Конечно, между ними что-то было, — подтвердила фрау Гросс, и две другие дамы не стали оспаривать это утверждение. — Кампманн и Изабель — родственные души, которые нашли друг друга. Обоих интересовали только деньги и личная выгода.

Оказывается, Кампманн не пользовался столь безупречной репутацией среди клиентов комплекса «Гут Вальдхоф», как Пие представлялось поначалу.

Боденштайн усадил молодую женщину на один из стульев.

— Простите, пожалуйста, — невнятно пробормотала та.

— Принести что-нибудь попить? — озабоченно спросил Боденштайн.

Женщина покачала головой. Только сейчас главный комиссар рассмотрел раны и ушибы на ее лице, которое при нормальных обстоятельствах, пожалуй, было бы достаточно симпатичным.

— Что с вами случилось? — спросил он. — Несчастный случай?

— Это мелочи, — женщина скривила лицо, затем расправила плечи. — Меня зовут Анна Лена Дёринг. Я пришла сказать вам, что в субботу вечером с половины седьмого до четырех утра мы были вместе с господином доктором Керстнером.

Боденштайн поднялся. Это тот самый человек, которого он искал и которого Керстнер хотел защитить!

За окнами раздался вой полицейской сирены, постепенно удаляющийся. Женщина сидела совершенно прямо на самом краю стула, ее руки лежали на коленях. У нее были большие голубые глаза, потемневшие от переживаний и страха.

— Миха не мог убить свою жену. — Из-за распухших губ ее голос звучал невнятно. — В течение всего времени, о котором идет речь, я была у него.

— В каких отношениях вы с господином доктором Керстнером?

— Мы знаем друг друга уже достаточно давно, и мы близкие друзья. Он друг моего брата, и, кроме того, в нашей конюшне находятся почти все его лошади и лошади его коллеги.

— У вас есть собственная конюшня?

— Нет. Мы держим четырех лошадей в конюшне «Гут Вальдхоф».

Боденштайн мысленно пробежал список имен, копию которого ему накануне дала Пия, но не припомнил, чтобы ему попадалась фамилия Дёринг.

— Расскажите, как вы провели прошлую субботу, — попросил он женщину. Видя напряжение и страх в ее глазах, главный комиссар терялся в догадках, что же случилось с ее лицом.

— Во второй половине дня мы с мужем были на турнире, — начала Анна Лена Дёринг

и какое-то время смотрела в пустоту, пытаясь вызвать в памяти хронологию событий. — Мой муж занимается конкурном. Каролус — наш лучший конь — в этот день не преодолел яму с водой и выбыл из соревнований на самом важном виде прыжков. Муж был очень раздосадован. Мы вернулись с турнира, в конюшне он выгрузил еще оседланную лошадь из грузовика и ездил по конкурному полю верхом, чтобы потренировать преодоление препятствий с водой. Муж отхлестал лошадь, и это было ужасно. Каролус после этого продолжал прыгать, но упал и получил повреждение...

Она неожиданно замолчала и зарыдала, но спустя пару секунд вновь взяла себя в руки.

— Он сломал себе ногу. Когда мой муж понял, что произошло, он совсем разбушевался. Он стащил с грузовика Арагона, нашу другую лошадь, которую я еще даже не успела распутать. Я потребовала, чтобы он прекратил, и тогда его гнев перешел на меня.

— Это муж вас так отделал? — недоверчиво спросил Боденштайн. — Вы не шутите? Тогда вы должны на него заявить!

— Заявить? — Анна Лена Дёринг скорчила гримасу. — Вы его не знаете. Он бы меня убил.

Боденштайн по-настоящему пришел в ужас. Удивительно, но поступки людей все еще могли его шокировать.

— Потом муж сел в автомобиль и уехал, — продолжила Анна Лена Дёринг, — и я позвонила на мобильник Михе... я имею в виду — доктору Керстнеру. Было примерно четверть седьмого, и я попросила его немедленно приехать в конюшню. Он заметил, что я совершенно растеряна, и обещал тотчас же выехать. Через двадцать минут он уже был на месте.

Она сделала короткую паузу, и ее стала бить дрожь.

— Каролуса пришлось усыплять прямо во дворе. У него был открытый перелом на правой ноге под запястным суставом спереди. Все было в крови. Ужас... — Ее губы задрожали, а глаза наполнились слезами.

Боденштайн едва мог понять, что она говорит, но Анна Лена Дёринг, казалось, этого не замечала. *Каролуса пришлось усыплять прямо во дворе...* Таким образом, стало ясно, что Керстнер привез с собой медикамент, которым можно было произвести усыпление. Эти мысли вихрем пронесли у него в голове. Вслух же он спросил Анну Лену, находился ли кто-то еще в тот вечер в конюшне, кроме нее, ее мужа и ветеринара.

— Несчастный случай на площадке наверняка видел кто-то еще. — Женщина подняла смущенный взгляд. — Я даже не знаю, видела ли я Кампманна.

Она обхватила обеими руками плечи, как будто ей было холодно.

— Доктор Керстнер хотел сразу отвезти меня в больницу, но я настояла на том, чтобы сначала он обследовал Арагона. Мы прицепили фургон для перевозки лошадей к его автомобилю и поехали в клинику. Прибыли туда примерно в половине восьмого. И только после того, как был обследован Арагон, отправились в больницу.

— В котором часу это было?

— Думаю, примерно в десять или в половине одиннадцатого. Миха оставался там, пока мне оказывали первую помощь, а потом пошел вместе со мной в палату. — Она провела рукой по волосам.

— Простите, пожалуйста, за мой вопрос, фрау Дёринг... — Боденштайн закашлялся. — Между вами и господином доктором Керстнером существуют близкие отношения?

— Нет, — покачала головой Анна Лена Дёринг. — Мы просто хорошие друзья, все-таки

нашему знакомству уже много лет. Мы оба не очень счастливы в браке. Как-то мы об этом беседовали и обнаружили, что имеем схожие... гм... проблемы. Уже примерно полтора года регулярно перезваниваемся и выкладываем друг другу все как на духу, если случается что-то особенно неприятное. — Анна Лена то ли засмеялась, то ли всхлипнула. — Довольно жалкая картина, не правда ли? Две побитые собаки утешают друг друга.

Боденштайн задумчиво посмотрел на женщину, и хотя он изо всех сил сопротивлялся своим мыслям, ему пришло в голову, что эти два отчаявшихся и разочарованных человека имели не только мотив, но и достаточно времени и возможностей, чтобы в минувший субботний вечер расправиться с Изабель Керстнер. От ветеринарной клиники до смотровой башни на вершине Атцельберг рукой подать.

— Вас видел кто-нибудь в клинике? — спросил он.

Женщина подняла голову, и ее взгляд остановился.

— Вы имеете в виду алиби на алиби?

— Примерно так. — Старший комиссар улыбнулся, выражая сожаление.

— Кроме нас, там никого не было, — сказала фрау. — Может быть, кто-то из соседей видел, как мы выгружали Арагона. Мы довольно долго возились с ним во дворе.

Это несложно выяснить.

— Вы отпустите сейчас доктора Керстнера? — спросила Анна Лена.

— Мы должны проверить ваши показания, — сдержанно возразил Боденштайн. — В любом случае было очень любезно с вашей стороны прийти сюда, чтобы снять вину с господина доктора Керстнера. До сего момента он не хотел нам называть ваше имя.

На лице фрау Дёринг появилось выражение безнадежности.

— На это тоже есть свои причины, — глухо ответила она. — Мой муж до сих пор не знает, где я. Я к нему больше не вернусь.

Когда Боденштайн провожал ее до выхода, он решил нанести визит этому господину Дёрингу.

В строгом коридоре на пластиковых стульях оранжевого цвета сидели Керстнер и его адвокат. Увидев фрау Дёринг, доктор Клэзинг вскочил.

— Анна! — воскликнул он удивленно. — А ты что здесь делаешь?

Боденштайн перевел растерянный взгляд с фрау Дёринг на адвоката Керстнера.

— Привет, Флори, — поприветствовала адвоката Анна Лена.

— Вы знакомы? — поинтересовался Боденштайн.

— Конечно, — подтвердил доктор Клэзинг. — Анна моя сестра.

Это объясняло, почему так быстро возник Клэзинг. Они с Керстнером были друзьями. Анна Лена смотрела мимо своего брата, ее взгляд был устремлен на Керстнера, который также поднялся. Их глаза встретились.

— Снимите с него наручники, — обратился Боденштайн к чиновнику, сопровождавшему Керстнера из следственной тюрьмы в комиссариат.

Керстнер не сводил глаз с лица Анны Лены Дёринг, пока полицейский снимал наручники. Она попыталась ему улыбнуться, но вдруг из ее глаз хлынули долго сдерживаемые слезы. Она отчаянно рыдала, когда он обнял ее и крепко прижал к себе, пряча лицо в ее волосах.

Инструктор по верховой езде Кампманн все еще был очень занят. В невыносимо разогретом манеже он гонял на корде лошадь.

Пия прогуливалась по просторному конноспортивному комплексу, дожидаясь, когда он освободится. Фрау Кампманн пронеслась мимо на серебристом внедорожнике. Выезжая из комплекса, она с сияющей улыбкой приветливо махнула ей рукой, как старому другу семьи. Складывалось впечатление, будто она чем-то сильно взволнована. В верхней части комплекса Пия увидела двух молодых женщин. Одна сидела на скамейке на солнцепеке, другая с помощью водяного шланга мыла ноги своей лошади. В этот момент у Пии запищал мобильник. Пришло смс-сообщение от ее зятя Ральфа, которому она еще накануне вечером отправила письмо по электронной почте. Ральф был не менее успешен, чем его старший брат Хеннинг, хотя совершенно в другой сфере. У него была венчурная компания, на современном немецком называемая также «Ventura Capitalist», и в прошлом он заработал состояние, обеспечивая управление и финансирование так называемых start-ups^[9].

Пия просила его найти информацию о компании «ЯгоФарм АО», а также о ее владельце и управляющем Гансе Петере Ягоде.

Прелестная невестка, — писал он, и Пия ухмыльнулась, — я в Нью-Йорке, пришлю информацию, как только вернусь. Кое-что сообщаю сразу: есть данные, что Я. обанкротился и у него большие неприятности. Только не покупай никаких акций! Пока, Р.Х.

Информативно. И именно то, что сказал Боденштайн. У бывшей биржевой звезды Ягоды, похоже, дела уже давно идут не так успешно, как еще пару лет назад.

Пия подошла к двум молодым дамам и представилась. Одной из них было чуть больше двадцати; очень короткие светлые волосы, мелкие, где-то андрогинные черты лица и необычное имя — Тордис. Она излучала самоуверенность и высокомерие девушки из богатой семьи, у которой нет абсолютно никаких дел и которая запросто может посвятить верховой езде утро вторника. Анке Шауер была невысокого роста, с темными волосами и довольно симпатичным лицом, правда, с не совсем чистой кожей. При взгляде на нее также складывалось впечатление, что она по профессии дочь своих родителей. В этой шикарной конюшне, где стоимость аренды одного бокса в месяц составляла более четырехсот евро, она держала сразу двух лошадей. И оплачивал это наверняка богатый папочка. Обе молодые женщины рассказали, что были знакомы с Изабель и иногда по вечерам куда-нибудь вместе ходили.

— Почему вас все это интересует? — Анке Шауер щелчком стряхнула пепел с сигареты.

— Мы ищем убийцу Изабель, — ответила Пия, — поэтому я бы хотела больше узнать о ее окружении, друзьях и знакомых. Пока нам известно лишь то, что здесь, в конюшне, она не пользовалась особой любовью. С чем это было связано?

— Изабель была супернаездницей. Кроме того, она великолепно выглядела.

Тордис развязала чумбур у своей лошади.

— Могу себе представить, как эти кошелки, с которыми вы беседовали, разобрали ее по косточкам. Их дочери разъезжают на лошадях, которых Кампманн всучил им за большие деньги, и все еще имеют самые низкие результаты, в то время как Изабель на тех же самых лошадях выигрывала турниры по выездке класса «М».

Казалось, ее это забавляло, угадывалась даже нотка ехидства.

— Кроме того, они опасались за своих мужей. — Анке Шауер захихикала.

— А что, была причина опасаться? — спросила Пия.

— Надуманная. — Тордис одарила ее снисходительным взглядом. — Но дам не устраивало, что у их мужей пересыхало во рту, когда Изабель просто проходила мимо.

— Находила ли Изабель общий язык с фрау Кампманн? — поинтересовалась Пия. —

Ведь ее муж регулярно сопровождал Изабель на турниры и тренировал ее.

— Я не думаю, что Сюзанна беспокоилась по этому поводу, — ответила Анке Шауер. — Мы ужинали вместе в комплексе, летом делали что-нибудь на гриле или пили шампанское. Если бы Сюзанна не любила Изабель, вряд ли бы она с ней долго общалась.

— Или же общалась вопреки всему, — заметила Пия и поймала критический взгляд Анке.

Тордис ухмыльнулась и подняла брови.

— Чепуха, — решительно возразила Шауер и покачала головой. — Кампманн и Изабель — такого быть не может!

Пия не была столь уверена.

— Вы знаете, где проживала Изабель после того, как ушла от своего мужа?

— Да, разумеется, — кивнула Анке. — Она снимала у одного знакомого мегакрутой пентхаус в Руппертсхайне.

— В «Цауберберге», — добавила Торис. — Я там была однажды. Шикарно, на собственном лифте — прямо в квартиру!

«Ага, — быстро сопоставила Пия, — квартира в “Цауберберге”, ветеринарная клиника в Руппертсхайне... Труп был найден на расстоянии всего пары километров».

— А кому принадлежала эта квартира?

Этого обе дамы, разумеется, тоже не знали. Тордис бросила взгляд на часы.

— Я должна быть в час в офисе, — заявила она, к удивлению Пии, которая предполагала, что та вообще не работает, — а перед этим еще отвести лошадь в выгон.

— Все ясно, — улыбнулась Пия, — спасибо за информацию.

— Не за что, — кивнула Тордис.

Пия набрала номер Боденштайна на своем мобильнике. Она сообщила ему все, что удалось выяснить, и узнала, что с Керстнера, благодаря показаниям Анны Лены Дёринг, которая случайно оказалась сестрой доктора Флориана Клэзинга, практически снимается обвинение.

— Дёринг держит в этой конюшне четырех лошадей, — сказал Боденштайн. — Я не могу вспомнить его имя в списке. Попробуйте что-нибудь выяснить о нем и о его жене.

— Какое отношение имеет фрау Дёринг к Керстнеру? — поинтересовалась Пия.

— Чисто платоническая дружба. Они знакомы уже много лет.

— Вы ей верите? — спросила Пия.

— До сего момента у меня не было оснований не верить, — возразил Боденштайн.

Пия закончила разговор, достала из кармана список, но не нашла в нем фамилию Дёринг. Она решила узнать у фрау Кампманн, как та могла забыть указать клиента, который держит в конюшне как-никак четырех лошадей. Как раз в тот момент, когда Пия вошла в конюшню, инструктор Кампманн выходил из манежа, держа за уздечку фыркающую лошадь. В проходе стоял фронтальный погрузчик, и крепкого сложения конюх, одетый на сей раз в розовую рубашку поло с надписью «Гут Вальдхоф», вычищал один из боксов для лошадей. Пия решительно приблизилась к Кампманну, который поспешно входил с лошадью в бокс.

— Я очень занят, — процедил сквозь зубы инструктор, не поднимая глаз. Гематома на его лице приобрела цвет спелого баклажана.

— Ваша травма выглядит серьезной, — заметила Пия. — Как это случилось?

Кампманн быстро посмотрел на нее, но потом сразу же опустил взгляд.

— Такое случается, когда имеешь дело с лошадьми, — лаконично ответил он.

— Сделайте все же перерыв и выпейте что-нибудь, — дружески предложила Пия. — Я не задержу вас надолго.

Инструктор пристально посмотрел на нее, затем скривил лицо в гримасе, которая, видимо, должна была означать улыбку.

— Кароль! — позвал он.

Конюх преспокойно закончил вычищать из бокса навоз и только потом, прислонив вилы к фронтальному погрузчику, подошел неторопливой небрежной походкой.

— Что? — не очень почтительно спросил он Кампманна.

Это был великан ростом под сто девяносто, с мощной мускулатурой. Имя и акцент говорили о его восточноевропейском происхождении.

— Поводи лошадь еще немного, а потом обмой ей ноги, — попросил Кампманн.

Пия знала суровые правила конюшен и была в некоторой степени удивлена тем, насколько вежливо обходился инструктор со своим подчиненным.

— А у вас здесь царит приятная атмосфера, — заметила она, когда Кароль исчез, подхватив лошадь под уздцы.

Кампманн настороженно посмотрел на женщину.

— Я рад, что у нас есть помощник, — подтвердил он. — Хороших работников сегодня заполучить непросто. Кроме того, Кароль справляется за двоих.

Зимний сад, где наездники отдыхали за чашкой кофе и беседой, был элегантно оформлен.

Вокруг тяжелого дубового стола располагался десяток массивных, обитых кожей стульев. Полностью оборудованная кухня позволяла приготовить нечто большее, чем просто кофе. В огромных кадках росли роскошные лимонные деревья.

Кампманн достал связку ключей и открыл автомат для напитков.

— Вам тоже колу? — спросил он и взял себе одну бутылку.

Пия, поблагодарив, отказалась. Она рассматривала фотографии, висевшие на стенах. На одной из них была изображена группа людей, весело смеющихся в камеру.

— Могу я посмотреть эту фотографию поближе? — спросила она.

— Пожалуйста, — коротко ответил Кампманн и тыльной стороной руки вытер пот со лба. Активность, проявленная им сегодня, казалась необычной. Намечающийся животик и жировой слой вокруг бедер явно свидетельствовали о его склонности к лени.

Пия сняла рамку с фотографией со стены и стала изучать лица. «Группа четверга, — было написано наверху фотографии. — 18 июля 2004 года».

— Фрау Керстнер тоже есть на фото? — осведомилась она.

— Да, — подтвердил инструктор и указал пальцем на светловолосую женщину, положившую руку на плечо скромной брюнетки. В том, как она смотрела в камеру, кокетливо наклонив голову и слегка поджав губы, было какое-то озорство.

— Что это за дама рядом с ней? — Пия указала на брюнетку.

— Это моя жена.

— Ваша жена? — Пия была порядком удивлена. В этой весьма посредственного вида женщине, в которой скорее угадывалась что-то материнское, она бы никогда в жизни не узнала теперешнюю фрау Кампманн, увешанную украшениями, с обесцвеченными волосами и солярийным загаром. Она поразительно изменилась. Пия села за стол, а Кампманн остановился на ступени лестницы.

— Садитесь же, — предложила она инструктору, что тот и сделал после недолгих колебаний. — Расскажите мне вкратце, какие у вас здесь обязанности, помимо уроков по верховой езде.

— Я управляющий комплексом.

— Как давно вы здесь работаете?

— С тех пор, как супруги Ягода купили конноспортивный комплекс. С девяносто восьмого года.

— Какие отношения у вас с вашими клиентами? — спросила Пия. — Наверное, это преимущественно *клиентки*, если я правильно рассмотрела фотографию.

— Именно так. Во всех клубах верховой езды больше женщин, чем мужчин, — парировал Кампманн. Он обхватил руками бутылку с колдой, его беспокойный взгляд блуждал по сторонам.

Пия видела его нервозность и напряжение, но это обычное явление при беседе с сотрудниками уголовной полиции.

— Прекрасная профессия, — задумчиво сказала она, — как и инструктор по теннису или лыжам — единственный мужчина в обществе женщин.

— Вы ошибаетесь, — резко ответил Кампманн. — Мы с моей женой придаем большое значение дружеским, но дистанцированным отношениям с нашими клиентами. Со многими из них мы знакомы уже долгие годы. Они перешли сюда вместе с нами из конюшни, где я работал до этого.

Пия кивнула.

— А что с вашим лицом? Вы упали с лошади?

— Нет, это дверь конюшни... — уклонился от ответа инструктор.

— Выглядит ужасно. — Пия изобразила сочувствие. — Вы можете продолжать работать?

— Я вынужден.

— Верно. — Пия сделала вид, что она лишь сейчас вспомнила, зачем она вообще оказалась здесь. — Раньше ведь вам в объездке лошадей помогала Изабель Керстнер, не так ли?

При упоминании имени Изабель инструктор опустил взгляд на свои руки:

— Да, она помогала.

— Некоторые из ваших клиенток мне рассказали, что фрау Керстнер не пользовалась здесь особой любовью, — сообщила Пия. — Это так?

— Я не знаю, — жестко ответил Кампманн. — Но она была более успешной всадницей, чем многие другие. Это вызывает зависть.

— Гм... — Она посмотрела на мужчину, который постоянно избегал ее взгляда. — Господин Ягода сказал мне вчера, что фрау Керстнер вскружила здесь голову всем мужчинам и являлась причиной их сильного беспокойства. Она была весьма симпатичной особой.

— Он вам так сказал? — Инструктор мельком взглянул на нее. — Я не могу это утверждать.

— Ну конечно, у вас ведь тоже очень привлекательная жена. — Пия посмотрела на фотографию, которая лежала перед ней на столе. — Хотя, честно говоря, я бы ее здесь не узнала. Она очень изменилась с тех пор, как был сделан снимок. На это была какая-то причина?

— Причина на *что*? — В голосе Кампманна чувствовалось раздражение.

— Она очень похудела. И волосы у нее теперь светло-русые, не правда ли?

— Ей так больше нравится, — пожал плечами Кампманн. — Какое это вообще имеет значение?

— Вы правы. Это неважно. — Пия положила фото. — Мне только пришла в голову мысль, что, возможно, ваша жена опасалась конкуренции и поэтому попыталась выглядеть более привлекательно, чтобы вам больше нравиться...

Она сказала это как бы между прочим, но реакция Кампманна свидетельствовала о том, что ее предположение не было далеким от истины. Кампманн сначала покраснел, затем побледнел и на какую-то секунду потерял железное самообладание.

— Моя жена не имела поводов для ревности, — произнес он сдавленным голосом.

Пия наблюдала за ним пронизывающим взглядом. Инструктор нервно провел кончиком языка по губам, его пальцы судорожно сжимали пустую бутылку из-под колы.

— Изабель регулярно занималась на лошадях, которые принадлежат «Гут Вальдхоф», — продолжала Пия, — а вы ее тренировали и ездили с ней на турниры. Это так?

— Да, — согласился Кампманн.

— Но обычно вы не сопровождаете ваших клиентов на турниры?

Пия заметила, что для Кампманна этот вопрос неприятен.

— Я езжу с клиентами, если они мне за это платят, — ответил он. — Для многих клиентов сопровождение на турнир — слишком дорогое удовольствие.

Серебристый «Кайенн» Кампманнов прошелестел по двору и остановился в паре метров от зимнего сада. Из машины вышли фрау Кампманн и оба подростка. Дети с любопытством стали глазеть по сторонам, но мать погнала их в дом.

— Но это как раз может служить объяснением тому, почему многие люди не любили фрау Керстнер, — сказала Пия. — Может быть, у них было чувство, что вы оказываете предпочтение Изабель?

— Чепуха. — Кампманн покачал головой. — Изабель занималась на лошадях, за которых я нес ответственность. Дорогие лошади, которые должны приносить деньги. Я обязан был об этом заботиться.

Пия бросила быстрый взгляд на фотографию.

— Фрау Керстнер была действительно очень привлекательна, — констатировала она. — Ваши клиентки рассказали мне, что между ней и вами были достаточно тесные отношения. Может быть, вас связывали не только профессиональные интересы?

— Что вы имеете в виду? — Кампманн сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Его жена вышла из дома и, улыбаясь, двигалась через двор, радостно махнув рукой своему мужу и Пие.

— Я имею в виду, что у вас с ней была любовная связь. — Пия больше не собиралась терять время.

— *Любовная связь?* — Кампманн повторил это с ноткой удивления, как будто услышал об этом впервые.

— Что вы с ней спали, — уточнила Пия.

Такое столь откровенное упоминание весьма интимного обстоятельства вогнало Кампманна в краску. Капельки пота сбежали по его вискам.

— Нет. — Он впервые посмотрел ей прямо в глаза. В этот момент Пия знала наверняка, что он лжет. Точно так же, как лгал накануне вместе со своей женой. — Изабель занималась

на лошадях, принадлежащих «Гут Вальдхоф», это правда.

— И вы действительно ничего не знали об аборте? — Пия что-то записала и вновь подняла взгляд на собеседника. — Я имею в виду, что Изабель после этого какое-то время не могла заниматься. Вы ведь должны были это заметить.

— Вы ведь уже спрашивали об этом вчера.

— Иногда я задаю вопросы даже чаще, — парировала Пия, но решила на первый раз больше не возвращаться к данной теме и вместо этого осведомилась, когда Кампманн видел Изабель в последний раз.

— Пару недель назад она продала свою лошадь и с тех пор редко появлялась в конюшне. Но в субботу во второй половине дня она ненадолго заезжала сюда.

— В самом деле? В субботу? В котором часу?

— Ближе к вечеру, но очень быстро уехала, — добавил Кампманн. — Она хотела поговорить со своим мужем, но у него не было времени.

— А что делал доктор Керстнер здесь в субботу вечером?

— С одной из лошадей Дёринга произошел несчастный случай, — сказал Кампманн, — поэтому он приехал.

— В котором часу это было?

— Бог мой, — вспыхнул Кампманн, — откуда я знаю?! Я ведь не смотрю постоянно на часы! В половине шестого или, может быть, в половине седьмого.

Пия мгновенно отметила, что Изабель после своего появления в ветеринарной клинике еще была жива. Заправочная станция, ветеринарная клиника, «Гут Вальдхоф». Вскоре после этого она была убита.

— Вы разговаривали с Изабель в субботу?

— Да, — ответил Кампманн после едва заметного колебания, — но недолго. Она спросила, здесь ли еще Дёринг, но он уехал еще за час до этого. Это все. — Инструктор бросил взгляд на часы и отодвинул стул. — Извините, но я должен идти. У меня сейчас начинаются занятия.

— Кстати, — Пия вспомнила слова Боденштайна, — Дёринг ведь тоже ваш клиент? Но его имени нет в списке, который мне дала ваша жена.

— Наверно, она забыла в этой суете.

— Конечно, — улыбнулась ему Пия. — Большое спасибо за помощь.

Кампманн встал, кивнул ей и быстро вышел из зимнего сада. Пия посмотрела ему вслед, затем взяла кончиками пальцев бутылку из-под колы, которую оставил инструктор.

— Большое спасибо, господин Кампманн, — довольно пробормотала она и сунула бутылку в пластиковый пакет.

Полчаса спустя Пия уже была у «Цауберберга» в Руппертсхайне. Боденштайн и группа из научно-экспертного отдела уже ожидали в фойе, расположенном в центре великолепного здания.

— Если она действительно здесь жила, — сказала Пия своему шефу, — то ее муж ведь должен был об этом знать. Все-таки он работает всего лишь в километре отсюда, если следовать по кратчайшему пути.

Прежде чем Боденштайн смог что-либо возразить, они услышали позади себя покашливание и обернулись. Это был Буркхард Эшер, руководитель группы инвесторов, тучный загорелый мужчина лет шестидесяти с иссиня-черными, явно крашеными волосами.

Он мельком взглянул на Пию и сотрудников научно-экспертного отдела, а затем приветливо поздоровался с Боденштайном как со старым другом.

— По телефону ваш голос звучал очень таинственно, — улыбнулся Эшер. — Что же все-таки произошло?

— В воскресенье у башни на Атцельберге был обнаружен труп молодой женщины, — объяснил Оливер, — и мы узнали, что эта женщина жила в пентхаусе.

— В самом деле? — Эшер, казалось, был удивлен. — Я даже не знал, что кто-то живет в этой квартире.

По пути через запутанные переходы и лестничные марши гигантского здания Эшер, тяжело дыша, объяснял, что «купол», так называется мансардный этаж, уже несколько лет пустовал. Долгое время предпринимались тщетные попытки продать квартиру сначала как «полуфабрикат», после основных строительных работ, а потом уже с отделкой, но не нашлось ни одного желающего, кто бы вдохновился идеей раскошелиться за квартиру в двести пятьдесят квадратных метров и с десятиметровыми потолками, что казалось разорительной роскошью с точки зрения отопления помещения такого объема.

— Лет шесть-семь тому назад у нас в последний раз был серьезный клиент, заинтересовавшийся этой квартирой. — Эшер остановился у лифта. — Супружеская пара архитекторов. Они были в эйфории и даже сделали чертежи, планируя возвести в квартире перегородки. Но затем этому воспротивилось ведомство по охране исторических памятников. С тех пор квартира пустует.

Он достал ключ, чтобы вызвать лифт.

— Этот подъемник ведет в подвал к подземному гаражу и сюда, на первый этаж, и является исключительной привилегией жителей «купола», — пояснял он, в то время как его взгляд блуждал по груди Пии.

— Абсолютно исключительных, — саркастически пробормотала Кирххоф.

— Так оно и есть. — Эшер воспользовался узким пространством лифта, рассчитанного на четырех пассажиров, чтобы приблизиться к Пие на неприятно близкое расстояние. — Ведь «купол» тоже был запланирован как в высшей степени эксклюзивная недвижимость. Люди, которые могут себе позволить такую квартиру, в целом не рассчитывают вступать в контакт с шумящими детьми, собаками и другими людьми.

Пия приготовилась резко возразить, но удержалась от колкости.

— Это единственный путь, ведущий к «куполу»? — спросила она вместо этого. Лифт, оборудованный гранитным полом и зеркалами на стенах, скользил вверх со сдержанным жужжанием.

— Нет, — ответил Эшер, уставившись в ее декольте, которое, кажется, привело его в восхищение, — но самый удобный. Кроме этого, есть еще грузовой лифт, чаще всего отключенный, два лестничных марша в левом и правом крыле, а также пожарная лестница.

Они вышли из лифта и оказались в середине квартиры. У Пии на какой-то момент при виде огромного помещения перехватило дыхание. С удивлением она рассматривала сверкающий паркетный пол, древние стропильные балки и тщательно отреставрированные остроконечные витражи, благодаря которым квартира и получила свое название. Эшер щелкнул выключателем. Бесчисленные крохотные галогеновые лампочки на десятиметровом потолке замерцали, как на звездном небе.

— Бог мой! — воскликнула Пия, дойдя до середины единого гигантского помещения. — Это сон!

— Я могу сегодня же подписать с вами договор аренды, — предложил Эшер, пожирая Пию взглядом. Она живо представила, что именно Эшер имел в виду, и бросила на шефа молящий о помощи взгляд.

— Расходы на отопление зимой могли бы превратить эти апартаменты в кошмарный сон, — сухо заметил Боденштайн и преградил управляющему путь. — Квартира не производит впечатления обжитой, но тем не менее она обставлена мебелью. Кухня, встроенные шкафы, кровать, диван, телевизор...

— Вы правы, — кивнул Эшер и рассеянно посмотрел на кровать. — Я тоже не знал, что здесь имеется мебель.

— У кого есть ключи от этой квартиры? — осведомился Боденштайн.

— Не имею представления. Все ключи от здания находятся в нашем офисе. В принципе, их может взять каждый из моих сотрудников и коллег.

— Когда вы были здесь, наверну, в последний раз?

— В последние два года точно не был. — Эшер задумчиво поскреб голову. — Думаю, еще до моей операции на бедре. А это случилось в две тысячи втором году. Не было причин сюда подниматься. В здании больше двухсот квартир, ателье и офисных помещений, которыми приходится заниматься.

Пия прошла по квартире, открыла раздвижные дверцы зеркального шкафа, на кухне заглянула в холодильник и в духовой шкаф. Боденштайн между тем попросил у управляющего ключи от квартиры и список всех лиц, имевших доступ к ключам.

— Он ушел? — спросила Пия.

— У вас с ним еще есть шанс, — усмехнулся Боденштайн. — Что-нибудь нашли?

— Ничего. Во всей квартире стерильно, как в клинике, — ответила Пия. — Ни одной пылинки в шкафах, ни одного известкового пятна в мойке — просто абсолютно ничего.

Боденштайн задумчиво осмотрелся. Что-то было не так в этом большом помещении. Здесь не просто потрудились уборщица. Следовало выяснить, кто столь тщательно прибрал квартиру. И почему.

— Изабель Керстнер подобна ястребу, налетевшему на стаю кур, — вздохнула Пия. — Думаю, вряд ли кто-то в конюшне сожалеет о ее смерти. Разве что Кампманн, который теперь сам вынужден объезжать всех лошадей. Я не могу его раскусить.

— Почему? — Боденштайн въехал через открытые ворота транспортно-экспедиционного агентства «Дёринг» в промышленной зоне Эшборна и, следуя указателям, направился к зданию администрации.

На огромной территории кипела активная деятельность. Громадные грузовики, прежде всего автопоезда-холодильники для перевозки замороженных продуктов, стояли в ожидании, чтобы затем подъехать к одной из двадцати стыковочных станций, которые располагались вдоль огромного плоского здания. На другой стороне размещались иные здания, перед которыми загружались грузовики с брезентовыми навесами. Вилочные автопогрузчики жужжали как пчелы, транспортируя палеты с товаром. Движение на громадной территории было строго отрегулировано: здесь были дороги с односторонним движением и знаки «стоп», светофоры и зоны остановок. Боденштайн поразился. Конечно, он часто видел на улицах грузовики с бело-голубыми надписями ««Фридрих Дёринг» — свежие и замороженные продукты» или ««Фридрих Дёринг» — доставка точно в срок», но никогда не проявлял к этому никакого интереса, поскольку не было повода. Когда Анна Лена Дёринг

сообщила утром, что работает на фирме своего мужа, он не представлял, какая империя скрывается за словом «фирма».

— Он не смотрит в глаза, — сказала Пия. — И я не верю, что его отношения с Изабелл носили чисто деловой характер. Но если мы еще немного поковыряем в этой конюшне, то найдем минимум человек двадцать, каждый из которых имел мотив, чтобы укокошить Изабелл.

— Мотив — возможно. — Боденштайн понял, что они въехали через так называемый «въезд для поставщиков», а главный вход находился на другой стороне. Здесь постарались все устроить таким образом, чтобы произвести впечатление на гостей и клиентов.

— Но действительно ли лишь один из них был способен совершить убийство? Ведь нужно было сделать смертельную инъекцию, притащить труп беспросветной ночью на башню и сбросить его вниз.

Главный комиссар остановил свой автомобиль на одном из парковочных мест для гостей, возле лужайки округлой формы с фонтаном в центре. Они вышли из машины и направились к современному четырехэтажному зданию из зеркального стекла и стали. Над входной дверью красовался логотип фирмы, изображенный золотыми буквами, рядом помещались многочисленные таблички с названиями других компаний. Дёринг владел множеством мелких фирм, которые размещались в том же здании. В помпезном вестибюле, выложенном черным гранитом, за приемной стойкой метровой длины их встретила молодая женщина со сверкающей улыбкой. Представившись и представив свою коллегу даме, Боденштайн попросил назначить им время для встречи с господином Дёрингом. Пальцами с длинными, по несколько сантиметров, приклеенными ногтями дама набрала номер на телефоне, не сводя глаз с Оливера.

— Добрый день, фрау Шнайдер, — заговорила она притворно сладким голосом, — здесь у меня дама и господин из *уголовной полиции*, им надо поговорить с шефом.

Какое-то время она внимательно слушала, затем ее улыбка обрела оттенок сожаления и она положила трубку.

— Господин Дёринг на переговорах. — Ее лицо выражало такую печаль, будто на Центральную Европу обрушилась катастрофа. — Вам придется немного подождать.

— Большое спасибо. — Боденштайн чуть было не рассмеялся, наблюдая за этим шоу. — У нас есть время.

— Можете выпить кофе. — Дама вновь казалась счастливой. — Там есть эспрессо-автомат. Показать, как он функционирует?

— Спасибо, мы сами справимся, — отказался Боденштайн.

— Бог ты мой, — пробормотала Пия, закатив глаза, — она могла бы быть близнецом фрау Кампманн. Это чрезмерное жеманство... Кстати, если бы вы видели, как изменилась та за последние два года.

Они остановились рядом с чрезмерно громоздким автоматом для эспрессо.

— Сильно изменилась?

— Полтора года назад фрау Кампманн была вполне милой женщиной с неброской внешностью. Сегодня она выглядит как Барби после десяти процедур ботокса. Белокурые волосы, толстый слой макияжа, худоба, фальшивые ногти, увешана украшениями с ног до головы...

— И что, по-вашему, заставило эту женщину настолько измениться? — спросил Боденштайн.

— Она хотела выглядеть так же, как Изабель Керстнер. — Пия развела руками. — Поскольку она, возможно, заметила, что ее муж к ней расположен.

После того, что рассказала Анна Лена Дёринг о своем супруге, Боденштайн ожидал увидеть грубого фамильярного типа с физиономией боксера и кулаками гориллы. Но, к его удивлению, Фридрих Дёринг оказался стройным седовласым мужчиной немного за пятьдесят, с красивым, несколько изнуренным лицом. В полосатой рубашке и костюме хорошего кроя он на первый взгляд походил на банкира из Сити. Дёринг ждал их у двери своего огромного кабинета, внушительные размеры которого вызвали бы робость у любого человека. Боденштайн легко мог себе представить, как чувствовал себя простой водитель грузовика, если его вызывали к шефу и он должен был проделать весь этот путь от двери до массивного письменного стола. В помещении, занимавшем всю ширину здания, были большие окна, и из них открывался обзор практически на всю территорию предприятия. В стеклянной витрине позади письменного стола были выставлены многочисленные кубки, завоеванные Дёрингом на турнирах по конкуру, а на единственной стене кабинета рядом с дорожной картой Европы и рекламными плакатами транспортно-экспедиционного агентства висели фотографии с изображением Дёринга на его конкурных лошадях.

— Чем обязан вашему визиту? — спросил бизнесмен после того, как Боденштайн представился и представил Пию. Приглашающим жестом он указал им на черные кожаные кресла. У Фридриха Дёринга был приятный мелодичный голос. Он говорил на литературном немецком языке без малейшего гессенского акцента.

— Мы расследуем убийство. — Боденштайн был все еще немного сбит с толку несоответствием своих представлений и реальности. — Утром в воскресенье в Руппертсхайне был обнаружен труп Изабель Керстнер.

— Я об этом уже слышал. — Дёринг расстегнул пиджак и положил ногу на ногу. — Инструктор по верховой езде из «Гут Вальдхофа» сказал мне по телефону, что она была убита.

Он не выглядел откровенно озадаченным.

— Пока мы это только предполагаем.

— А я чем могу вам помочь? — Дёринг обхватил колено пальцами с безупречным маникюром. В его поведении не было ни единого признака нервозности или неуверенности в себе, никаких беспокойных взглядов или предательского подрагивания век. Фридрих Дёринг лишь внимательно смотрел на своих визитеров.

— Нам стало известно, — продолжал Боденштайн, — что фрау Керстнер в воскресенье ближе к вечеру появлялась в комплексе «Гут Вальдхоф», так как искала вас. Нам бы было интересно узнать, с какой целью она хотела встретиться с вами.

— Я не могу вам этого сказать, — возразил Дёринг. — Я с ней больше не разговаривал.

— Почему она просто не позвонила?

— Она не могла. — Дёринг слегка улыбнулся, и хотя он выглядел расслабленным, казалось, что он насторожился. — У меня после обеда произошла небольшая авария, и при этом пострадал мой мобильный телефон.

На минуту воцарилось молчание, затем Боденштайн откашлялся.

— Ах да, — сказал он, — одна из ваших лошадей сломала ногу, не правда ли? Как это произошло?

— Лошадь столкнулась с препятствием, — ответил Дёринг прямо. — Подобное

сплошь и рядом случается даже с конкурными лошадьми. В большинстве случаев серьезных повреждений не бывает, но, к сожалению, в этот раз случилось несчастье.

— Для вас это горькая потеря или нет? — спросила Пия. — Лошадь ведь наверняка была очень дорогая. Как вы к этому отнеслись?

Дёринг безразлично посмотрел на Пию, затем поднял брови.

— Я думал, вы расследуете убийство. Или вы работаете в страховой компании?

— Все дороги ведут в Рим, — парировала Пия и улыбнулась. — И все-таки?

— Я был в шоке. — Дёринг покачивал левой ногой, положив ее на правую. — Каролус был моей лучшей конкурной лошадью. Я так быстро не смогу найти ему равноценную замену.

— Вы присутствовали при его усыплении? — спросил Боденштайн.

— Нет, — Дёринг поставил ноги на пол и поднялся. — Это имеет какое-то значение?

Боденштайн не отреагировал на его вопрос.

— Как ваша жена отнеслась к потере лошади?

— Моя жена, естественно, приняла это очень близко к сердцу. — В серых глазах мужчины снова мелькнула искра настороженности. — Я предложил ей уехать на пару дней, чтобы ее мысли переключились на что-то другое, и она послушалась моего совета. Она улетела к своей подруге в Париж.

Боденштайн кивнул. Этот тип — твердый орешек. Он лгал не моргнув глазом.

— Вернемся еще раз к Изабель Керстнер. Где вы познакомились?

— В конюшне, — ответил Дёринг. — Но ведь вы уже это знали.

— Насколько хорошо вы были знакомы?

Рот Дёринга расплылся в улыбке.

— Я иногда спал с ней, — признался он.

— А ваша жена знала об этом?

— Да. Но она ничего не имела против. Я веду себя тактично, если хожу налево.

Зажужжал телефон на письменном столе, но Дёринг и не подумал встать.

— Вы знаете «Цауберберг» в Руппертсхайне? — решил попытать счастья Боденштайн.

— Да, разумеется, — кивнул Дёринг. — Я купил здание несколько лет тому назад с двумя компаньонами.

Боденштайн и Пия скрыли свое удивление, но уже сейчас стало абсолютно ясно, что по собственной инициативе этот человек им не скажет ничего.

— Ага, — сказал Боденштайн, — значит, вы входите в группу инвесторов.

— В принципе, группа инвесторов — это я. — Дёринг чуть улыбнулся. — У Эшера и Грегори не было достаточно денег, но они владели необходимой технологией. Я хотел заработать денег и сэкономить налоги, но у меня не было времени заниматься всем этим. Кстати, я владею несколькими объектами такого рода.

— Что вы можете сказать про «купол»? — поинтересовалась Пия. На сей раз Дёринг впервые улыбнулся по-настоящему. Эта улыбка невероятно преобразила его лицо, сделала его даже симпатичным, и стало понятно, почему Анна Лена Дёринг когда-то смогла в него влюбиться.

— «Куполом» я пользуюсь от случая к случаю, когда мне это нужно, — объяснил он с веселой ноткой в голосе, которую Боденштайн и Пия не могли истолковать надлежащим образом.

— В качестве любовного гнездышка? — спросила Пия.

— Если вы это называете так, то да.

— Фрау Керстнер тоже там бывала с вами?

— Разумеется. После того как она окончательно рассталась со своим ветеринаром, я предоставил квартиру в ее распоряжение.

— Предоставили в распоряжение... — повторил Боденштайн. — Странное выражение. Она арендовала у вас квартиру?

— Нет. Она могла пользоваться ею при необходимости.

— А для какой цели?

— Чтобы переночевать там, посмотреть телевизор... Что делают в квартирах?

Дёринга, казалось, эта беседа все больше увлекала.

— Конечно. — Боденштайн улыбнулся. — «Порше» ей оплатили тоже вы?

Дёринг сделал неопределенное движение рукой, затем рассмеялся.

— Как Изабель добывала себе средства к существованию, мне неизвестно. Ее муж в рамках своих скромных возможностей был достаточно щедрым, а у нее, кроме меня, были еще другие друзья, которые время от времени чем-то ее одаривали.

Он бросил взгляд на «Ролекс», красовавшийся на его запястье, и поднялся.

— К сожалению, у меня сейчас встреча, — сказал он с деланным сожалением. — Однако если у вас будут еще ко мне вопросы, я всегда в вашем распоряжении.

Боденштайн и Пия тоже поднялись.

— Вы даже не спросили, как умерла Изабель Керстнер, — заметил Боденштайн. — Или вы это уже знаете?

Улыбка исчезла с лица Дёринга.

— Этот намек я пропустил мимо ушей, — холодно проговорил он. — Я не спросил, потому что меня это не интересует.

Боденштайн сделал глоток кофе и сконцентрировался на фактах, до которых они на данный момент докопались. Во второй половине дня Керстнера выпустили из следственной тюрьмы, после того как он подтвердил субботнюю версию Анны Лены. Он также рассказал, что фрау Дёринг часто имела следы побоев на лице, а ее муж в кругах любителей верховой езды был известен тем, что после принятия алкоголя имел склонность к жестокости. Доктор Клэзинг, брат Анны Лены Дёринг, слушал, все больше мрачняя. В качестве свидетеля, способного подтвердить его присутствие в ветеринарной клинике, Керстнер указал соседку из Руппертсхайна, которая около четверти восьмого проходила со своей собакой мимо клиники и видела, как они с фрау Дёринг сгружали получившую травму лошадь на парковочной площадке. Благодаря этому у Керстнера не было алиби лишь на отрезок времени примерно от девятнадцати сорока до двадцати одного сорока пяти, когда он и фрау Дёринг прибыли в больницу Бад-Зодена. Тем не менее Боденштайн с трудом допускал мысль, что мужчина за эти два часа мог сделать своей жене смертельную инъекцию и перенести труп на смотровую башню. На сообщение о том, что его жена в течение примерно двух месяцев использовала квартиру Дёринга в Руппертсхайне как любовное гнездышко, Керстнер практически не отреагировал. Когда Пия рассказывала ему, что Изабель, возможно, имела любовные интрижки с инструктором Кампманном и Фридрихельмом Дёрингом, он ни разу не поднял глаз. Эта своеобразная отрешенность, в которую предпочел погрузиться Керстнер, пугала.

Но были и другие зацепки, которые представлялись Боденштайну еще более

многообещающими. Это — Фридрих Дёринг, столь очевидно лгавший. Затем эта стерильно чистая квартира в пентхаусе в «Цауберберге», где сотрудники научно-экспертного отдела не нашли ни единого волоска и ни единого отпечатка пальцев... Между тем имелся мобильный телефон, найденный жильцом «Цауберберга» в воскресенье в подземном гараже и переданный им в администрацию. Техники из лаборатории уже установили, что этот аппарат принадлежал Изабель Керстнер. В голосовой почте обнаружилось несколько интересных сообщений. В двадцать минут девятого нетерпеливый мужской голос в грубой форме просил перезвонить ему, после этого позвонила молодая женщина и сообщила, что она находится в диско-клубе под названием «Чек-ин». Без четверти девять и в половине двенадцатого опять звонил мужчина.

Сейчас уже скоро двенадцать, — сказал он, — и это уже не смешно. Мы с тобой договорились, и это было чертовски важно. Ты ведь знаешь это! Почему не отвечаешь? Позвони мне немедленно!

Бенке связался с провайдером и затребовал профиль перемещения мобильного телефона. Изабель Керстнер имела счет в сберегательной кассе, на котором числилась внушительная сумма — около девяноста тысяч евро, и в последние месяцы на него регулярно поступали солидные наличные платежи. Иногда по несколько тысяч, но зачастую по десять тысяч евро и больше. Загадкой являлся и этот непонятный инструктор Кампманн, видевший женщину незадолго до ее смерти во дворе конноспортивного комплекса. Важно было также выяснить, где находилась маленькая дочь Изабель Керстнер. Объявления во всех региональных газетах и обращение по телевидению пока не дали результатов. Пятилетняя девочка бесследно исчезла.

— Шеф, — открыв дверь, просунул голову в проем Кай Остерманн, — мы только что получили протокол вскрытия.

— Ах да, хорошо. — Боденштайн взял из рук своего коллеги узкую папку и сразу начал читать.

Изабель Керстнер действительно умерла от передозировки пентобарбитала натрия. В ее крови была обнаружена высокая концентрация средства, которое в ветеринарии используется для усыпления животных. Инъекция, сделанная Изабель, должна была вызвать непосредственно смертельное действие. Под ногтями ее пальцев не было обнаружено частиц эпителия или каких-либо веществ, указывающих на то, что между ней и убийцей происходила борьба. За два часа до смерти она ела чизбургер и цыпленка. Состояние ее носовой перегородки позволяло сделать заключение о том, что она часто нюхала кокаин. За несколько часов до смерти у нее была половая связь без предохранения как минимум с одним мужчиной. Об этом свидетельствовали посторонние следы ДНК во влагалище. Их сличили с ДНК Кампманна, но соответствия установить не удалось. На одежде Изабель Керстнер, кроме остатков волокон и отдельных волосков шерсти лошади, были обнаружены следы истирания микроскопических полиэтиленовых частиц. Профессор Кронлаге предположил, что труп был завернут в мусорный мешок. Неудивительно, что в багажнике «Порше» не обнаружилось никаких следов, раз тело женщины засунули в пластиковый мешок. Раскрытие убийства Изабель Керстнер грозило превратиться в затяжное дело, если бы стремление разоблачить преступника не привело к неожиданному успеху в расследовании.

— Остерманн, — обратился старший комиссар и поднял глаза, — охота началась. Я хочу знать поминутно, что Изабель Керстнер делала в день своей смерти. Когда и где она

была, с кем и почему. Мы не можем заикливаться на Керстнере как на возможном убийце. За работу!

Кай Остерманн поправил свои круглые очки и вытянулся в струнку.

— Есть, — улыбнулся он, отдал честь и исчез.

Боденштайн посмотрел ему вслед с легкой улыбкой. К счастью, его коллеги не превратились в оупевших, лишенных воображения людей. Это была действительно хорошая команда.

Вскоре после обеда Боденштайн уехал из комиссариата и решил еще раз поговорить с Фридрихом Дёрингом. Следовало разузнать, что тот делал в момент совершения преступления. В офисном здании транспортно-экспедиционного агентства Оливер выяснил, что Дёринг уже уехал. Его частный дом оказался роскошным дворцом за коваными воротами. По сравнению с ним даже помпезная вилла матери Козимы выглядела скромным домиком дворника. Камеры слежения охраняли ворота и въезд, а табличка указывала непрошеным гостям на то, что несколько изголодавшихся ротвейлеров только и ждут, чтобы их растерзать. Боденштайн нажал кнопку звонка, но ему сообщили, что господин Дёринг уехал в конно-спортивный комплекс. По причине отсутствия жены он должен был сам выезжать лошадей. Оливер посчитал, что это хорошая возможность самому осмотреть «Гут Вальдхоф», и выехал на своем «БМВ» на трассу В519 по направлению к Хофхайму. Уже смеркалось, когда он вкатился на парковочную площадку. Здесь выстроились в ряд автомобили класса «люкс». Рядом с ярко-желтым открытым джипом стояли две молодые женщины в костюмах для верховой езды и курили. Когда они увидели Боденштайна, их разговор затих, и обе посмотрели на него с любопытством.

— Добрый вечер, — приветливо поздоровался он. — Вы не могли бы мне сказать, где я могу найти господина Дёринга?

— Добрый вечер, — ответила длинноногая блондинка. — Он в манеже.

— Вы друг Фредди? — поинтересовалась шатенка.

— Нет, — улыбнулся Боденштайн, в то время как молодые дамы откровенно его разглядывали. — Меня зовут главный комиссар Боденштайн.

Любопытство на лицах девушек сменилось иронической надменностью.

— О, — блондинка подняла брови, — похоже, родители действительно постарались с вашим именем. Или, может быть, речь идет о профессии?

«Один — ноль», — подумал с усмешкой Боденштайн. Мужчина в нем отметил упругую грудь под обтягивающей белой футболкой и длинные стройные ноги, но полицейский заметил мимолетный взгляд, которым обменялись молодые дамы.

— К счастью, последнее, — сказал он. — Оливер фон Боденштайн.

Надменность в мгновение ока превратилась в живой интерес. Простые полицейские здесь не пользовались большим авторитетом, но приставка «фон» перед именем сотворила чудо.

— Тогда давайте поговорим о редких именах, — ответила блондинка. — Меня зовут Тордис. Вы имеете какое-то отношение к Боденштайнам из замка Боденштайн?

— Да, — удивленно кивнул Оливер. — Это мой отец и брат.

— Я вас никогда там не видела, — произнесла блондинка, — хотя раньше занималась в замке верховой ездой.

— А почему сейчас не занимаетесь?

— Мне хотелось чего-то большего, чем просто бесцельно ездить верхом по территории. А так как они все еще не построили приличный манеж, я перебралась сюда.

Боденштайн знал, что его отец и брат уже несколько лет боролись с администрацией и строительными ведомствами, чтобы снести крохотный конный манеж. Он, к сожалению, охранялся законом о защите исторических памятников, и на строительство современного большого манежа им требовалось разрешение. Но главный комиссар ушел от темы и, собравшись с мыслями, попытался вспомнить, что, собственно, хотел узнать.

— Вы были знакомы с Изабель Керстнер?

— Ах, речь идет об Изабель... — Тордис, казалось, была разочарована. — А я уж думала, что у Фредди рыльце в пушку. Мы с ней немного пересекались, но я здесь, в этом комплексе, не так давно.

— Изабель была симпатичной, — подала голос шатенка по имени Анке Шауер. — Она всегда была по-настоящему крутой, и ей плевать было на то, что о ней думают другие.

— Ее не особенно любили здесь, в конюшне, — посмотрел на собеседниц Боденштайн, — но можете ли вы предположить, что кто-то был бы способен ее убить?

— О, тут точно найдется человек тридцать, которые бы с удовольствием ее удавили, — заявила Тордис. — Как честолюбивые мамыши, так и отвергнутые мужчины.

— Что вы можете сказать о Кампманне? — спросил Боденштайн.

Молодые женщины переглянулись и покачали головой.

— К нему это не относится, — сказала Тордис. — Изабель была для него важна. Он был ей благодарен, что торговля лошадьми действительно идет успешно и его кошелек пополняется. Господин Кампманн поддерживает прекрасные отношения с людьми, которые ему выгодны.

— Однако это звучит довольно цинично.

Тордис развела руками.

— Кампманны не в моем вкусе, — добавила она. — Они распределяют свои симпатии очень откровенно.

— Но это не совсем так, — защитила Анке Шауер инструктора и его жену. — Кампманн и Сюзанна действительно симпатичные люди.

— Симпатичные, — презрительно фыркнула Тордис. — Ты тоже в личной зависимости. Естественно, он будет с тобой любезничать. Твой отец купил у него уже двух дорогих лошадей.

Анке Шауер, похоже, не понравилась критика инструктора и его жены. Боденштайн заметил, что Тордис в течение всего времени не спускала с него глаз. Ее изучающие взгляды как-то по-особенному и даже неприятно сбивали его с толку. Мерещились ли ему призраки из прошлого или она действительно немного напоминала Инку Ханзен?

— Я видела Изабель в последний раз в субботу, во второй половине дня, — сказала Тордис, когда Боденштайн уже подумал, что не услышит больше ничего, кроме историй, не представляющих большого интереса. — После конюшни я поехала в «Макдоналдс» в Швальбах. Там я случайно увидела ее. Она стояла на парковочной площадке и разговаривала с каким-то типом. То есть... — Она запнулась, на секунду задумалась и положила указательный палец на кончик носа. — Собственно говоря, они скорее ссорились. Мужчина схватил ее за плечо. Пока я выходила из машины, он исчез.

— Что это был за мужчина? — Боденштайн поздравил себя с принятым им самим решением поехать в «Гут Вальдхоф». Наконец он узнал хоть что-то о последних часах

недолгой жизни Изабель Керстнер.

— Понятия не имею. Я его как следует не разглядела. Автомобиль, правда, был необычным. Старый кабриолет «Мерседес-Пагода» 280 SL, семидесятого года выпуска, золотистого цвета. Начальная буква на государственном номере — «G»... У меня слабость к старым автомобилям, — с улыбкой пояснила.

— В котором часу это было? — поинтересовался Боденштайн.

— Примерно в половине четвертого. — Тордис посмотрела Боденштайну прямо в глаза. — Изабель была в очень веселом расположении духа. Она бросилась мне на шею и сказала что-то вроде: «Заходи как-нибудь ко мне, я пошлю тебе эсэмэску».

— Заходи? — спросил Боденштайн. — Куда?

— Не имею представления. — Тордис пожала плечами. — Изабель часто говорила какую-нибудь чепуху, я не придавала этому значения.

Боденштайн осознавал, что пристально смотрит на нее, и старался придать своему голосу деловой оттенок, когда расспрашивал обеих девушек об окружении Изабель. Анке Шауер сказала, что у Изабель было очень много знакомых. По крайней мере, у нее никогда не возникало проблем, если она хотела познакомиться с мужчинами; скорее, проблемы появлялись, когда ей надо было от них избавиться. Кто купил ей «Порше», не знала ни Анке, ни Тордис.

— Недавно Изабель сообщила, что скоро у нее отпадет надобность ограничивать себя в расходах, так как она затеяла супердело, которое обеспечит ей роскошную жизнь, — вспомнила Анке Шауер. — Она скрывала какую-то тайну.

— Когда это было? — насторожился Боденштайн.

— Пару недель назад. — Анке призадумалась, наморщив лоб. — Примерно в конце июля. Тогда она все время разъезжала с этим Филиппом.

— С Филиппом? — переспросил Боденштайн.

— Мерзкий такой тип, — сказала Тордис. — Примерно лет тридцать — тридцать пять, темные волосы, зачесанные назад и уложенные гелем, костюм и темные зеркальные очки.

— И шикарный автомобиль, — добавила Анке Шауер. — Изабель утверждала, что он кинопродюсер. Пару раз она притаскивала его сюда, чтобы устроить шоу.

Боденштайн поблагодарил обеих дам за информацию и дал им свою визитную карточку.

— Позвоните мне, если вспомните что-то еще, что могло бы нам помочь.

Шатенка кивнула и убрала визитную карточку, а Тордис внимательно стала ее изучать.

— Только в этом случае? — спросила она и подняла голову.

— Простите?

— Я имею в виду, я вам могу позвонить, если что-то вспомню об Изабель, или просто так — тоже? — Тордис опять смотрела на него вызывающе и с легкой издевкой.

Боденштайн ответил на ее взгляд. Инка Ханзен в молодости с короткими волосами. Невероятное сходство!

— Меня интересует только расследование дела. — Он улыбнулся подчеркнуто холодно. — Приятного вечера.

Оливер пересек двор — при этом ему казалось, что он чувствует спиной взгляд Тордис, — и вошел в конюшню с торца. В проходе царил оживление и суматоха. Лошади, привязанные к стержням решетки боксов, были вычищены, оседланы или только что расседланы. Несколько лошадей находились в светлом шестидесятиметровом манеже.

Фридрих Дёринг сидел на резвом гнедом жеребце. Наметанным глазом знатока лошадей Боденштайн определил, что Дёринг хороший наездник. Он не давал своей лошади сбить себя с толку неправильными скачками.

— Извините, — раздался голос за спиной Боденштайна, — могу я вам чем-то помочь?

На мужчине были светлые бриджи для верховой езды и рабочая обувь. Его лоб украшал пластырь. Мужчина осмотрел Боденштайна с головы до ног. Похоже, присутствие посторонних в этой конюшне не приветствуется.

— Мне нужен господин Дёринг, — сообщил Боденштайн, — спасибо.

В этот момент Фридрих Дёринг прогалопировал мимо двери и посмотрел на Боденштайна. На его лице промелькнуло удивленное выражение, и он осадил свою лошадь.

— Добрый вечер, господин главный комиссар! — крикнул он, и все посетители манежа невольно, кто заметно, а кто слегка, повернулись в сторону Боденштайна.

В глазах мужчины в светлых бриджах читалось неудовольствие. Боденштайн догадался, что это, вероятно, инструктор Кампманн.

— Добрый вечер, господин Дёринг, — ответил Боденштайн.

— Вы ко мне? — Фридрих резко натянул поводья, потому что лошадь сделала пугающий скачок в сторону.

— Да, но я подожду.

Боденштайн наблюдал за тем, что происходило в манеже, но мысли его крутились вокруг молодой женщины по имени Тордис и уходили в далекое прошлое. Он спрашивал себя, был бы у него шанс с Инкой, если бы Ингвар Руландт годом раньше уехал из Руппертсхайна, чтобы сделать карьеру жокея в большом мире. Догадывалась ли Инка, насколько он в нее влюблен? Вероятно, нет. Еще с малых лет Оливер умел хорошо скрывать сильные чувства. Для Инки он всегда был только старшим братом Квентина, не более. Боденштайн покачал головой и переключился на то, что происходило в манеже.

Инструктор Кампманн стоял теперь в центре и давал инструкции какой-то женщине. Его взгляд постоянно возвращался в ту точку, где стоял Боденштайн, и, казалось, ему абсолютно не по душе вновь видеть рядом с собой полицейского. Дёринг, напротив, выглядел совершенно невозмутимым. Он перекинул через круп своей лошади попону и ехал шагом с длинным поводом. При этом он непринужденно болтал с другой наездницей, которая только начала заниматься верховой ездой. Или он стреляный воробей, или привык общаться с государственными службами. Когда он наконец выскочил из седла и повел свою лошадь в конюшню, Боденштайн последовал за ним.

— Красивый жеребец, — кивнул он Дёрингу. — Это конкурная лошадь?

— Да, и в самом деле хорошая, — подтвердил тот с гордой улыбкой и провел рукой по влажным от пота волосам.

Боденштайну приходилось признать, что Фридрих Дёринг обладал ярко выраженной мужской внешностью. Рейтузы для верховой езды были неприлично узкими, и, как у балеруна, под серой тканью отчетливо вырисовывалось его мужское достоинство. Светлые глаза под тяжелыми веками выдавали внутреннюю жестокость, прикрытую изысканностью. Но Дёринг умело маскировал это очаровательной улыбкой и подкупающими манерами. Многие женщины любят мужчин с привлекательной, но несколько грубой внешностью. Но почему к их числу не относится Анна Лена Дёринг?

— Я купил его на аукционе, когда ему было два года, — похвастался Дёринг с нескрываемой гордостью. — Вы разбираетесь в лошадях?

— Немного, — подтвердил Боденштайн. — Раньше я сам занимался верховой ездой, но сейчас у меня, к сожалению, нет на это времени.

— Конная полиция, да? — Дёринг панибратски подмигнул.

— Нет, это было до того, как я начал работать в полиции, — возразил Оливер, не отвечая юмором на замечание, явно отпущенное в качестве шутки.

Дёринг одарил его оценивающим взглядом, снял с лошади теплоизолирующую попону и повел в денник.

— Вы каждый день выезжаете ваших лошадей? — поинтересовался Боденштайн.

— Нет. — Дёринг сдвинул дверь денника и снял свою куртку, которая висела на крючке перед боксом. — Обычно это делает моя жена, но она сейчас в отъезде.

Он говорил совершенно спокойно и невозмутимо, и если бы старший комиссар не видел утром Анну Лена Дёринг с ее обезображенным лицом, он бы тоже не сомневался в его словах.

— Ваших лошадей лечит муж Изабель Керстнер, не так ли?

— Да, — Дёринг накинул куртку, — он действительно хороший ветеринар, но как мужчина он был Изабель не пара.

— Почему вы так думаете?

Дёринг вдруг ухмыльнулся, и на его загорелом лице обнажились очень белые зубы.

— Давайте выпьем пива. Потом я расскажу вам об Изабель все, что вы хотите знать.

Доктор Михаэль Керстнер стоял рядом с меринком сивой масти и обследовал тот участок груди животного, где он в минувшую субботу наложил шов из шестидесяти стежков.

— Ну как? — озабоченно спросила Анна Лена Дёринг.

— Внешне абсолютно нормально, — ответил Керстнер, — воспаления нет. Если нам повезет, в дальнейшем это не скажется на движении.

Анна Лена Дёринг погладила лошадь, которая спокойно позволяла производить с собой все эти действия. В этот момент открылись ворота во двор. Керстнер и Анна Лена Дёринг обернулись.

— Миха! — На напряженном лице Георга Риттендорфа появилось выражение облегчения. — Слава богу, ты снова здесь! Я так переживал.

Риттендорф крепко обнял своего друга.

— Все позади, — ответил Керстнер.

Анна Лена Дёринг закашлялась, и только сейчас, казалось, Риттендорф осознал, что они не одни.

— Анна! — испуганно воскликнул он. — Что с тобой?

— Это Фридрих. — Ее лицо перекосилось. — В субботу.

— Свинья! — Риттендорф покачал головой. — Ты должна на него заявить.

— Это ничего не даст. — Анна Лена Дёринг погладила нос своей лошади.

— Но так больше не может продолжаться! Что скажет на это Флори?

— Он уже несколько лет говорит, что я должна развестись с Фридрихом, — вздохнула она, — и сейчас я это сделаю. Фридрих не знает, где я.

— Что известно на данный момент полиции? — обратился Риттендорф к своему другу.

— Не имею понятия, — развел руками Керстнер. — Мне это тоже безразлично. Я ничуть не был шокирован, когда они сообщили мне, что она умерла.

— Я понимаю. — Риттендорф резко выдохнул дым своей сигареты. — За все то, что она

сделала тебе и другим, она это заслужила. — Он сжал кулаки с внезапной жесточенностью. — Я всегда не мог ее терпеть, даже несмотря на то, что она была сестрой Валентина.

— Я знаю. — Керстнер удрученно кивнул. — Это было настоящим кошмаром, но он все еще продолжается.

— Почему ты так считаешь? Изабель больше нет, и ты свободен.

— Но я не знаю, что она сделала с Мари. — Керстнер резко отвернулся. В его глазах стояли слезы. — В субботу она была здесь и требовала, чтобы я согласился на быстрый развод. Правда, при условии, что я откажусь от родительских прав на Мари. Она сказала, что девочка уже за границей и если я сейчас же не подпишу соответствующие бумаги, то больше никогда ее не увижу.

Георг Риттендорф удивленно посмотрел на друга.

— Я сказал ей, что она должна отдать мне Мари, но она меня высмеяла и заявила, что я сам мог бы сделать ребенка, если непременно хочу его иметь. — По голосу Керстнера чувствовалось, что он с трудом владеет собой. — Теперь она умерла, и я никогда не узнаю, где Мари и что с ней.

Анна Лена Дёринг взяла Керстнера за руку.

— Наверняка можно выяснить, куда Изабель отправила Мари. Где-то ведь она должна была побывать. Должен быть кто-то, кто помог ей увезти Мари, кто-то, кто... — Она запнулась и как будто онемела.

— Что с тобой? — тихо спросил Михаэль Керстнер.

— Я должна вернуться к Фридхельму, — глухо произнесла Анна Лена.

— Ты сошла с ума! — Керстнер схватил ее за руку. — Он тебя чуть не убил!

— Это наверняка Фридхельм помог Изабель отправить Мари за границу. — Женщина посмотрела на него. — Он знает, как это можно организовать.

— Нет-нет, — Керстнер покачал головой, словно внезапно отрезвев, — это полный бред. Ты не вернешься к нему только из желания мне помочь. Об этом не может быть и речи. Я поговорю об этом с полицией.

— С полицией? — Анна Лена Дёринг презрительно фыркнула. — Что они сделают? Ты знаешь, что такое торговля людьми? Грузовики и контейнеры Фридхельма колесят по всему миру. И ты думаешь, он загружает их только аргентинской говядиной и компьютерами? Он считает, что я ни о чем не догадываюсь, но я знаю довольно много. Для таких людей это мелочь — доставить куда-нибудь пятилетнего ребенка.

— Я за тебя боюсь. — Керстнер положил руку ей на плечо. — Не может быть и речи о том, чтобы ты подвергалась опасности. Мы найдем для тебя надежное укрытие, и ты останешься там до тех пор, пока это ничтожество не согласится на развод.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Фридхельм Дёринг оказался чрезвычайно любопытным рассказчиком. Через два часа, проведенных за стойкой бара конноспортивного комплекса, где Дёринг выпил пять кружек пльзеньского пива и три рюмки двойной порции водки, Боденштайн спросил себя, не нагала ли ему, чего доброго, Анна Лена Дёринг. Ее супруг произвел на него совершенно нормальное и даже приятное впечатление. Он искренне признался, что Изабель ему нравилась, потому что в постели для нее не существовало запретов, и его не смущало, что, кроме него, у нее были еще и другие любовники.

— А что же ваша жена? — спросил Боденштайн и заметил, как в глазах Дёринга появилась настороженность. — Знала ли она о вас и Изабель?

— Она знает, что я предоставил Изабель «купол», — подтвердил Дёринг, — но мы никогда об этом не говорили. Я люблю свою жену. Только она находит удовольствие в иных вещах, нежели я.

Женщина за стойкой без напоминания принесла очередную кружку пльзеньского, когда посуда Дёринга опустела, и Боденштайн решил оставаться здесь до тех пор, пока у его собеседника не проявятся первые признаки опьянения. Он уже имел опыт общения с любителями выпить и часто удивлялся, как алкоголь может изменить человека. Возможно, успешный, изворотливый предприниматель Фридрих Дёринг относился как раз к людям такого сорта.

— Что вы можете сказать о муже Изабель? Знал ли Керстнер о ваших отношениях? — спросил Боденштайн.

— Не думаю, — ответил Дёринг. — Он был доволен тем, что Изабель с ребенком была с ним. По крайней мере, официально. Между ними вообще не было ничего общего. Он не был героем ее романа.

— Как вы думаете, Керстнер мог убить свою жену? — Боденштайн задал вопрос любезным тоном, но при этом внимательно следил за лицом Дёринга.

— Кто знает, на что может оказаться способен человек, — ответил тот после короткого колебания. Вертикальная складка неудовольствия неожиданно появилась между его бровями. — В конце концов, она подло бросила его, а мужчине тяжело с этим справиться.

Боденштайн сделал вид, что размышляет над ответом. Последнее высказывание Дёринга относилось скорее к его личной ситуации. В этот момент на улице перед окном с ревом пронесся спортивный автомобиль. Чуть позже в бар вошел бледный стройный мужчина в черной кожаной куртке. Все, кто находился в баре, преувеличенно любезно его поприветствовали.

— Кто это? — поинтересовался Боденштайн, хотя он сразу узнал Ганса Петера Ягоду.

— Владелец конюшни. — Дёринг повернулся на своем высоком табурете.

Ягода направился прямо к нему после того, как поздоровался с другими, улыбаясь ни к чему не обязывающей улыбкой.

— Фредди, — Ягода положил руку на плечо Дёринга, — мне надо с тобой поговорить.

Его лицо было напряженным. Казалось, он не в восторге от того, что увидел Дёринга в обществе незнакомца.

— Разрешите представить тебе, — чуть торопливо прервал мужчину Дёринг, — главный комиссар Боденштайн из уголовной полиции Хофхайма. Господин Боденштайн, Ганс Петер Ягода, владелец этого прекрасного конноспортивного комплекса.

Ягода принужденно улыбнулся. Рядом с полным жизненных сил и загорелым Дёрингом он выглядел бесцветным.

— Что-нибудь выпьешь с нами? — спросил Фридрих, который в отличие от Ягоды был совершенно расслаблен. Прежде чем Ягода успел открыть рог, он махнул официанту и заказал кружку пльзеньского пива.

Ягода производил впечатление нервного человека с отсутствующим взглядом. Он, похоже, не собирался садиться. Его глаза блуждали, и когда запищал его мобильный телефон, он просто повернулся и вышел, не думая извиняться. Дёринга это не возмутило. Через несколько минут Ягода появился вновь и, оставаясь у двери, сделал ему знак.

— Я сейчас вернусь, — сказал Дёринг и встал.

Мужчины остановились около стеклянной двери бара. Боденштайн мог видеть, как Ягода взволнованно в чем-то убеждает Дёринга. Он размахивал руками и делал суетливые движения, затем резко повернулся и вышел. Его пиво осталось нетронутым. Дёринг возвратился назад, схватил полную кружку и сделал большой глоток. Две женщины, сидевшие за угловым столиком вместе с другими молодыми людьми, оплатили свои напитки и встали.

— Вы уже уходите? — спросил Дёринг, когда они проходили мимо, и протянул руку.

— Ты же оставил нас на весь вечер в одиночестве. — Приятная брюнетка лет сорока с готовностью взяла его за руку и бросила на Боденштайна вызывающий взгляд. — Вы со своим другом напустили на себя такую таинственность...

— Главный комиссар Боденштайн ищет убийцу Изабель, — поведал Дёринг.

— О! — Приятная брюнетка хихикнула. — Он подозревает тебя?

Дёринг громко засмеялся в ответ на якобы удачную шутку, но при деланой веселости глаза его оставались холодными.

— Скажи, Фредди, — обратилась другая женщина, с седыми волосами, подстриженными «под мальчика», — ты можешь передать Анне Лене, что в выходные мне понадобится мой прицеп? Она брала его у меня в субботу.

На секунду приветливая улыбка исчезла с лица Дёринга, и Боденштайну показалось, что в светлых глазах мужчины промелькнула искра гнева.

— Разумеется, — сказал он непринужденно. — Она завтра возвращается и обязательно привезет его.

Женщины попрощались и ушли.

— Куда уехала ваша жена? — спросил Боденштайн и посмотрел Дёрингу в глаза. — Она уже знает, что Изабель Керстнер умерла?

Дёринг и бровью не повел.

— Она в Париже у подруги, — спокойно солгал он. Жена очень близко к сердцу приняла историю с лошадьёю. Я не уверен, что ей известно об этом.

Хотя Боденштайн знал, что Фридрихельм лжет почему зря, он не мог не восторгаться актерским талантом Дёринга.

— Ведь брат вашей жены известный адвокат по уголовным делам. У вас с ним хорошие отношения?

— О да! — Дёрингу опять подали очередную кружку пльзеньского. — У меня хорошие отношения с семьей моей жены.

Очередная циничная ложь. Речь Дёринга после седьмой кружки пива и пятой рюмки водки постепенно становилась все менее отчетливой, и идеальный литературный немецкий, на котором он до сего времени изъяснялся, приобрел легкий гессенский акцент. От выпитого алкоголя лицо Дёринга покраснело и глаза заблестели. Боденштайн бросил взгляд на часы.

— Уже одиннадцать! — Он сделал вид, что удивлен. — Да, это был приятный вечер. У меня к вам еще только один вопрос, господин Дёринг.

— Смелее! — Фридрихельм принялся за свой восьмой бокал пива и сделал призывный жест.

— Некоторые люди здесь, в конюшне, утверждают, что вы в прошлую субботу жестоко избили свою жену. Это правда?

Дёринг резко поставил свой бокал на стойку. Между его бровями опять возникла вертикальная складка, и он встал.

— Кто же несет такое дерьмо? — грубо спросил он.

— Многие, — неопределенно ответил Боденштайн.

— Что за глупости! — Дёринг раздраженно покачал головой.

— Нам изложили совсем иную версию субботних событий. А именно то, что сначала вы избили лошадь, а потом — вашу жену.

Фридрих густо покраснел, и Боденштайн сразу понял, что Анна Лена не лгала. Перемена, которая произошла с мужчиной на его глазах, была ужасающей. Возникло ощущение, будто внезапно другой человек вселился в его тело.

— Вот ведь как получается, — прошептал он и, прищурившись, просверлил Боденштайна гневным взглядом, — усесться здесь и строить из себя невинную овечку... Ну да, знаю я вас, приятели. Полицейские ищейки все одинаковые. А если даже и так! Что я делаю со своей женой, это мое личное дело!

— Значит, вы в самом деле ее избили? — упорствовал Боденштайн.

— Я влепил ей оплеуху, потому что она совсем спятила и устроила истерику, — прорычал Дёринг так неожиданно, что Боденштайн невольно вздрогнул. — Она испортила мне мою лучшую лошадь, а потом еще и накричала на меня, глупая овца!

Все голоса в баре стихли, и Боденштайн отметил украдкой брошенные взгляды немногочисленной публики.

— Эй! — Дёринг вскочил и крепко ухватился за спинку стула. — Кто из вас, придурков, наговорил полицейским ищейкам про меня этого дерьма? Ну давайте, колитесь, вы, трусы!

От его хладнокровия и светского шарма не осталось и следа, и из образованного дружелюбного собеседника он внезапно превратился в грязного жестокого типа. Под тонким поверхностным слоем изысканного поведения прятался брутальный простолюдин, которым он и был на самом деле.

— Успокойтесь, господин Дёринг, — сказал Боденштайн. — Что вы делали после несчастья с лошадью?

Дёринг обернулся. Он уперся руками в бока и выдвинул подбородок вперед, что сделало его похожим на готового к бою бульдога. Оливер оставался спокойным.

— Вы можете это вспомнить?

— Да, я могу, — ответил Дёринг. — Отсюда я поехал домой, так как у меня на вечер имелось приглашение. В начале девятого я был там. У меня есть свидетели.

— А на период времени между вашим отъездом из конюшни и приездом туда тоже есть свидетели? — любезно спросил Боденштайн. Внешняя вывеска Дёринга, представлявшая собой высокомерие и самоуверенность, начала давать трещины. — Господин Дёринг, — продолжил главный комиссар, — когда вы в последний раз видели фрау Керстнер или разговаривали с ней?

— Я больше не скажу ни слова, — ответил Дёринг ледяным тоном.

— Это ваше право. — Боденштайн поднялся и положил на стойку десять евро. — Я прошу вас завтра утром в девять часов приехать в комиссариат.

— А зачем, позвольте спросить? — Вопрос звучал угрожающе.

— Пожалуйста. — На лице Боденштайна появилась равнодушная улыбка. — Я пытаюсь реконструировать весь день смерти Изабель Керстнер. В день своей смерти у нее был половой контакт как минимум с одним мужчиной. Завтра утром я сделаю заявку на судебное

распоряжение о проведении ДНК-пробы.

Фридрих Дёринг бросил на него уничижительный взгляд.

— Не трудитесь, — прошептал он. — Я ее не убивал, но имел с ней контакт. Ночью в пятницу. В субботу я ее не видел. Вам этого достаточно?

— Да, пока вполне. — Боденштайн поднялся. — В таком состоянии вам не следует садиться за руль. Приятного вечера.

Дёринг молча пристально смотрел ему вслед глазами, налитыми кровью, и по спешке, в которой посетители бара хватали свои куртки, Боденштайн понял, что они привыкли к выходкам такого рода и знали, что сейчас самое время как можно быстрее покинуть заведение.

Самоубийство главного прокурора Гарденбаха вызвало большой ажиотаж, тогда как убийство Изабель Керстнер солидные ежедневные газеты удостоили лишь краткими заметками. Зато местные издания разместили подробные сообщения. Газета «Bild-Zeitung» использовала предоставленную Боденштайном скудную информацию для жирного заголовка «ПОЛИЦИЯ НЕДОУМЕВАЕТ — КТО УБИЛ ПРЕКРАСНУЮ ИЗАБЕЛЬ?». Под заголовком поместили размытую фотографию светловолосой женщины.

— Ну, сердечное спасибо, — пробурчал Боденштайн, листая газету на утреннем совещании.

Именно этот, рассчитанный на внешний эффект, заголовок наверняка был причиной только что полученного им требования немедленно позвонить директору уголовной полиции Нирхофу. С мрачным лицом главный комиссар пробежал глазами пять строчек под заголовком и открыл седьмую страницу. Газетчики строят предположения и делают то, что они больше всего любят делать, а именно выставляют полицию наивными глупцами.

— Я просмотрел все зарегистрированные автомобили «Мерседес-Бенц» W113, модель 280 SL, в том числе и те, которые именуют «пагодами», — сообщил Кай Остерманн. Он выглядел утомленным после бессонной ночи.

Боденштайн поднял глаза.

— Чтобы сократить поиск, я ограничился автомобильными номерами, начинающимися с буквы «G», — продолжал Остерманн. — И таких в Германии имеется по крайней мере сорок пять различных вариантов.

— И что? — спросил Франк Бенке.

— К счастью, автомобиль не был ни красным, ни серебристым, — Остерманн пропустил реплику коллеги мимо ушей, — так как во всех сорока пяти районах, выдающих удостоверение о допуске автомобиля к эксплуатации, значатся всего тридцать две золотистые «пагоды» SL 280. Одна из них находится в Гиссене, зарегистрирована на имя Гюнтера Хельфриха. Государственный знак — GI-KH 336.

— Так, — кивнул Боденштайн. — И дальше?

— Автомобиль, — продолжил Остерманн, — был зафиксирован камерой слежения в субботу, двадцать седьмого августа две тысячи пятого года, в двадцать два девятнадцать при движении со скоростью сто четыре километра в час. А теперь догадайтесь где.

— У меня нет настроения участвовать в викторине, — нахмурился Боденштайн. Он был все еще раздражен по поводу заголовка в бульварной прессе.

— На трассе B-519, между Кёнигштайном и Келькхаймом.

— Этого не может быть! — Боденштайн поднял глаза.

— Может, — довольно усмехнулся Остерманн. — Я уже затребовал фото.

— Хельфрих — это девичья фамилия Изабель, — вставила слово Пия.

— Верно, — кивнул Остерманн. — Гюнтер Хельфрих — ее отец.

— Эта Тордис видела автомобиль около половины четвертого на парковочной площадке «Макдоналдса», — размышлял Боденштайн вслух. — Возможно, Изабель встречалась там со своим отцом.

— Нет, это исключено, — покачал головой Остерманн.

— Почему исключено? — Боденштайн задумчиво барабанил кончиками пальцев по

поверхности стола.

— Потому что он умер от инфаркта в две тысячи первом году. Его вдова, мать Изабель, живет в доме престарелых в Бад-Зодене. У нее болезнь Альцгеймера.

— Почему тогда автомобиль зарегистрирован в Гиссене?

— Не имею понятия.

На мгновение в комнате воцарилось молчание.

— Ну ладно, — сказал наконец Боденштайн. — Остерманн, вы снова садитесь за компьютер и попытайтесь побольше разузнать о Дёринге и Ягоде. Меня интересует все: финансовые и личные отношения, возможные судимости, профессиональный рост и так далее.

Мужчина кивнул.

— Что мы знаем о соседях Керстнера из Келькхайма?

— Все они говорят одно и то же, — ответила Катрин Фахингер. — Керстнеры редко бывали дома, доктор часто до поздней ночи находился в отъезде, а его жена, если и была дома, в основном загорала на террасе или громко включала музыку.

— Хорошо, — кивнул Боденштайн. — Франк, вы поезжайте в Руппертсхайн и попытайтесь поговорить с жильцами «Цауберберга». Возможно, кто-нибудь что-то видел или слышал.

Когда Бенке, Пия и Остерманн вышли из кабинета старшего комиссара, он опять взял телефон и позвонил директору уголовной полиции Нирхофу, но тот оказался на совещании. Боденштайн попросил секретаря передать Нирхофу, что перезвонит позже. После этого он в третий раз отправился в ветеринарную клинику, намереваясь снова поговорить с Керстнером. Когда он свернул в тупик, в конце которого находилась ветеринарная клиника, то по количеству припаркованных прицепов для лошадей понял, что в клинике час пик. Тем не менее Оливер вошел во двор, где Риттендорф и Керстнер обследовали лошадь. Казалось, животное едва держится на ногах. Лошадь стояла с опущенной головой, взгляд ее был потухшим — типичная картина болезни.

— Я не хочу надолго отвлекать вас от работы, — извинившись, сказал Боденштайн, увидев слегка недовольное выражение лица Риттендорфа. — У меня, собственно говоря, только один вопрос.

— Что на этот раз?

— Как можно раздобыть пентобарбитал натрия, не будучи врачом или фармацевтом?

— Даже если ты врач или фармацевт, сделать это в Германии все равно непросто. — Риттендорф поправил указательным пальцем очки. — В отличие от Швейцарии. Врач, имеющий гражданство страны, может по рецепту приобрести его в аптеке.

— А как вы получаете этот препарат?

— Это всего лишь составная часть некоторых медикаментов, — пожал плечами Риттендорф. — Мы заказываем его непосредственно в фармацевтических фирмах, с которыми сотрудничаем, и храним эти медикаменты в шкафу для ядов, который всегда заперт. Каждое изъятие подтверждается документально.

Боденштайн посмотрел в сторону Керстнера. Тот как раз разговаривал с женщиной, с озабоченным лицом державшей лошадь за поводья. До сего времени Боденштайну не приходилось видеть ветеринара за работой. Керстнер казался сконцентрированным и невозмутимым, как человек, точно знающий, о чем говорит и что делает. Главный комиссар вспомнил неоднократные высказывания о том, что Керстнер является выдающимся

ветеринаром.

— Мне действительно очень жаль, фрау Вильгельм, — говорил Керстнер в этот момент, — но это не только рентгеновские снимки. Вы ведь сами видите, как бедняга стоит. У него сильные боли, и это несмотря на инъекции. Вы не доставите ему радости, если сейчас заберете его с собой.

Женщина мужественно кивнула, вытерла глаза и ласково погладила шею животного.

— Что с лошастью? — тихо спросил Боденштайн.

— Глубокий ламинит в последней стадии, — ответил Риттендорф. — Опущение копытной кости на обеих передних ногах. Это не лечится. Если хотите, можете посмотреть, как действует пентобарбитал, — язвительно предложил он. — Нам придется усыпить лошадь.

Боденштайн еще никогда не видел, как усыпляют животных. Раньше его дед и отец отвозили старых и больных лошадей на бойню. В экстренных случаях во двор приходил работник убойного пункта лошадей и с помощью пристрелочного пистолета освобождал животное от страданий. Керстнер и его помощница Сильвия с мопсоподобным лицом повели бедную лошадь, которая благодаря болеутоляющей инъекции хотя бы могла переставлять копыта, на лужайку позади ветеринарной клиники. Пока плачущая владелица лошади гладила свою любимицу, Керстнер ввел в яремную вену на шее лошади канюлю и сделал инъекцию сильного успокоительного средства. Затем он набрал в шприц усыпляющий препарат и ввел в ту же канюлю. Боденштайн и Риттендорф наблюдали за происходящим, стоя у двери конюшни.

— Сейчас бедняга упадет, — понизил голос Риттендорф. — Чистое, некровавое дело. Облегчение для владельцев.

Боденштайн смотрел как завороченный на лошадь. Та опустила голову, но падать на землю не собиралась.

Через пару минут Керстнер, видимо, тоже обратил на это внимание. Он рассеянно посмотрел на своего коллегу. Затем дал поручение рыжеволосой помощнице, и та тут же умчалась прочь.

— Что случилось? — поинтересовался Боденштайн. — Это продолжается слишком долго.

— Понятия не имею, — пожал плечами Риттендорф.

Через несколько минут помощница ветеринара вернулась и дала Керстнеру другую ампулу. Он вновь набрал препарат в шприц и сделал инъекцию, которая в течение тридцати секунд дала желаемый результат. Крупное животное слегка закачалось, затем согнулись сначала передние, потом задние ноги. Лошадь со вздохом опустилась набок и испустила дух.

— Пентобарбитал натрия. — Риттендорф щелчком отбросил свой окурок в кучу мусора. — Красивая смерть.

Боденштайн наблюдал за Керстнером. Доктор аккуратно положил использованную канюлю и пустую ампулу в ящичек и немного поговорил с бывшей хозяйкой лошади, которая заливалась слезами.

Женщина в последний раз склонилась над лошастью, погладила ее и пошла с помощницей ветеринара в офис. Боденштайн направился за обоими ветеринарами обратно во двор. Вдруг Керстнер остановился и застыл на месте. В следующий момент через широко открытые ворота вошел Фридрих Дёринг. Его физиономия выражала все, что угодно,

только не дружелюбие.

— А, господин комиссар, — сказал он с ледяной улыбкой, — какое невероятное удовольствие вновь видеть вас.

— Добрый день, господин Дёринг, — любезно ответил Боденштайн, — я также рад встрече с вами.

Лицо Дёринга помрачнело.

— Как моя лошадь? — повернулся он к Керстнеру.

— Мне пришлось наложить ему шов из шестидесяти стежков, — коротко ответил ветеринар. — Сейчас его еще нельзя забирать.

— Я и не собирался, — мотнул головой Дёринг. — У вас найдется минута времени? Мне надо с вами поговорить.

Керстнер пожал плечами и пошел за Дёрингом в конюшню. Риттендорф посмотрел вслед обоим с недовольным выражением лица, затем закурил очередную сигарету.

— Керстнер и фрау Дёринг знали, что их супруги имели любовную связь? — поинтересовался Боденштайн.

— Разумеется, — ответил доктор. — Изабель никогда не старалась что-либо скрывать. Она постоянно делала из Михи идиота.

Он курил нервными затяжками.

— В прошлом году у нас был день открытых дверей, и Изабель всю вторую половину дня изо всех сил флиртовала с Дёрингом. Они смотрели друг на друга влюбленными глазами, пили шампанское и глупо хихикали. Нельзя было не заметить, что им с трудом удается сохранять дистанцию.

Боденштайна поразила горечь в голосе Риттендорфа.

— Миха все терпеливо сносил, — продолжал ветеринар, отбросив сигарету резким движением руки. — Он вообще перестал быть тем, каким я его знал, и каждый раз, когда я заговаривал о его жене, он закрывался, как улитка в своей раковине. Думаю, мысль о том, что те, кто предостерегал его от брака с этой шлюхой, оказались правы, сжирала его еще сильнее, чем сам факт, что она наставляет ему рога с каждым придурком в округе.

— Какие у вас были отношения с Изабель Керстнер?

— О! — Риттендорф усмехнулся, но его глаза оставались холодными. — После того как между нами произошла ссора, мы избегали встреч. Миха всегда принимал ее сторону. Я не хотел, чтобы нашей дружбе пришел конец из-за этой маленькой стервы. — Он досадливо засмеялся. — Я ее достаточно быстро раскусил, еще до поспешной свадьбы, и сказал ей прямо в лицо, что она просто использует Миху, потому что он для нее удобный вариант. В тот момент Изабель с удовольствием выцарапала бы мне глаза. Она меня ненавидела, но вместе с тем боялась. Когда-то она утверждала, что я тоже положил на нее глаз и теперь обижен, поскольку оказался ей не парой.

— И что, это соответствовало действительности? — спросил Боденштайн.

Риттендорф бросил на него долгий задумчивый взгляд.

— Изабель не заинтересовала бы меня, даже если бы она была единственной женщиной на свете. — Его лицо приобрело ироничное выражение. — В женщине меня должно привлекать что-то еще, кроме симпатичной физиономии. Нет, на меня ее обаяние не производило впечатления, и это было причиной ее ненависти по отношению ко мне. Она терпеть не могла, если мужчина не ходил ради нее по струнке.

Боденштайн понимающе кивнул. Двери конюшни открылись, и появился довольно

раздраженный Фридрих Дёринг. Керстнер шел за ним с безразличным видом. Дёринг направился к выходу, и в этот момент ему, похоже, пришла в голову какая-то мысль.

— Где прицеп, на котором вы перевозили лошадь?

— На парковочной площадке, — сказал Керстнер.

Дёринг повернулся на каблуках и, не прощаясь, исчез. Боденштайн и оба ветеринара наблюдали за тем, как он мастерски маневрировал на своем внедорожнике перед прицепом, затем в несколько приемов подсоединил его к автомобилю и, взвизгнув шинами, сорвался с места.

— Что он от вас хотел? — поинтересовался Боденштайн.

— Он хотел узнать, где его жена, — угрюмо ответил Керстнер.

— И что? Вы знаете это?

— Да, разумеется, — раздался голос позади них, и все мужчины обернулись. Анна Лена Дёринг вышла из двери, за которой находилась операционная. Отеки на ее лице чуть уменьшились, цвет синяков, изначально фиолетово-черный, приобрел синевато-желтый оттенок. Темные волосы она заплела в тугую косу. На женщине были джинсы и серая хлопчатобумажная толстовка с капюшоном.

— Добрый день, фрау Дёринг. — Боденштайн был немного удивлен. — Как у вас дела?

— Все нормально. — Голос фрау Дёринг звучал неестественно. Она подошла к Керстнеру и тронула его за руку. Они обменялись взглядами, и было очевидно, что между ними давно сложились глубоко доверительные отношения. — Я должна идти, Миха, — тихо сказала она Керстнеру, — иначе произойдет еще одно несчастье.

— Нет, пожалуйста, Анна, ты не должна этого делать! Есть и другой выход, — умоляюще посмотрел на нее Керстнер. Тут он, похоже, вдруг вспомнил, что Боденштайн все еще здесь и слышит их разговор. — Давай поговорим об этом позже. Пообещай мне!

Оливер отправился вслед за ветеринарами и Анной Леной Дёринг в административное здание ветеринарной клиники.

— Фрау доктор Ханзен тоже здесь?

— Нет, она на выезде. — Риттендорф склонился над стойкой приемной, за которой никого не было, чтобы ответить на телефонный звонок.

— Могу я отнять у вас немного времени, чтобы поговорить с глазу на глаз? — обратился Боденштайн к Керстнеру. Тот согласно кивнул в ответ.

Мужчины вошли в переговорную, и Керстнер закрыл за собой дверь. Взгляд Боденштайна задержался на фотографии в рамке, где были изображены пятеро молодых мужчин на пляже с бутылками пива в руках. Они стояли, держа друг друга под руку, и, смеясь, смотрели в камеру. Среди них главный комиссар узнал Риттендорфа, Керстнера, Валентина Хельфриха и Флориана Клэзинга. Имени пятого мужчины он не знал. При своем первом визите Боденштайн не заметил этой фотографии.

— Вы знакомы с доктором Клэзингом не только через фрау Дёринг? — спросил он, обернувшись.

— Не только, — согласился ветеринар. — Когда мы учились в университете, то состояли в одном студенческом сообществе. Клэзинг и Шрётер учились на юридическом факультете, Хельфрих — на фармацевтическом, а мы с Георгом — на ветеринарном.

— Понятно. — Боденштайн смотрел на Керстнера. Доктор сел за стол и закурил сигарету. Он уже не выглядел столь подавленным, как в начале недели. Он был гораздо общительнее, но все еще не производил впечатления уравновешенного человека.

— В прошлую субботу между Кёнигштайном и Келькхаймом видеочамера зафиксировала автомобиль вашего покойного тестя, — начал Боденштайн, — золотистый кабриолет «Мерседес». Ту же машину видели во второй половине дня на парковочной площадке «Макдоналдса» в Швальбахе. Водитель машины беседовал с вашей женой. Кто это мог быть?

— Понятия не имею. — Керстнер удивленно покачал головой. — Мой тесть умер четыре года назад. С чего вы взяли, что это был его автомобиль?

— Он зарегистрирован на его имя.

Керстнер рассеянно крутил пальцами пустую чашку.

— Я ничего не знаю об автомобиле. Я даже не знал, что он еще существует.

Боденштайн взялся за спинку стула и наклонился вперед:

— Тогда вы можете мне сказать, чего ваша жена хотела от вас в субботу во второй половине дня?

Эффект был подобен опущенному жалюзи. На лице мужчины появились замкнутость и недружелюбие.

— Она просила у вас денег?

Никакой реакции.

— Речь шла о вашей дочери? О Мари?

Кофейная чашка раскололась в пальцах Керстнера на две части. Из образовавшейся раны сочилась кровь и капала на стол, но доктор, казалось, не замечал, что поранился. На его лице опять появилось это страдальческое выражение, взгляд угас, и Боденштайн понял, что своим предположением попал точно в цель. Изабель за пару часов до своей смерти поехала к мужу, чтобы что-то сообщить ему о ребенке. Возможно, что-то страшное, как минимум что-то такое, что полностью выбило мужчину из колеи.

— Вы поранились, — сказал Боденштайн, и только сейчас Керстнер, похоже, вообще заметил травму. Он поднес руку ко рту и зажал рану губами.

В дверь постучали, и в комнату вошла мопсообразная помощница ветеринара Сильвия Вагнер. Она не обратила на Боденштайна никакого внимания.

— Миха, звонит фрау Риттер, он хотела узнать...

— Я ей перезвоню, — оборвал ее Керстнер и посмотрел невидящим взглядом на кровь, которая стекала по ладони на поверхность стола, быстро образуя лужицу.

— Бог мой! — воскликнула Сильвия, увидев это, и крикнула кому-то, повернувшись к дверям: — Миха перезвонит!

Затем она исчезла и через минуту появилась в сопровождении Риттендорфа и Анны Лены Дёринг. Боденштайн решил, что дальше нет смысла задавать вопросы.

— Это нужно зашить, — кивнул он Риттендорфу, который взял руку коллеги и стал рассматривать травму.

— Я чувствую, что да, — отрывисто подтвердил ветеринар и повернулся к напарнику: — Миха, дружище, что случилось? Давай вставай, я отвезу тебя в клинику.

Керстнер не обращал на него внимания. Он поднялся с застывшим лицом и отошел от стола. Риттендорф и Анна Лена Дёринг сделали шаг назад. Керстнер остановился перед Боденштайном, и главный комиссар понял, что мужчина борется со слезами.

— Изабель приезжала, чтобы потребовать от меня мою подпись, — сказал он сдавленным, но решительным голосом. — Она подала на развод и хотела, чтобы все произошло быстро, без предписанного законом года ожидания. Я не желал это так просто

подписывать, по крайней мере, без предварительной консультации с адвокатом. Потом я спросил Изабель о Мари.

Он сделал паузу и провел рукой по лицу, забыв о своей травме и не думая о том, что может запачкаться кровью.

— Я сказал, что хочу видеть своего ребенка, а до этого ничего подписывать не буду. Тут она разозлилась и заявила, что Мари вообще не моя дочь, что нечего устраивать здесь спектакль, что я должен подписать бумаги, и немедленно, иначе я вообще никогда больше не увижу Мари, так как она увезла ее туда, где я ее никогда не найду. — Керстнер вздохнул. — Потом позвонила Анна Лена, и я просто ушел. Позднее Изабель еще раз появилась в «Гут Вальдхоф», но у меня уже не было времени вести с ней дискуссии.

Боденштайн сочувственно посмотрел на доктора, Анна Лена Дёринг всхлипнула, а Риттендорф вздохнул.

— Как видите, — продолжал Керстнер с неожиданной озлобленностью, — у меня вообще не было никакой заинтересованности в ее смерти. С большей охотой я бы узнал от нее, где находится мой ребенок и как я могу получить его назад.

Когда Боденштайн ехал из Руппертсхайна по направлению к Кёнигштайну, позвонил Бенке. Супружеская пара Терхорст, проживающая в одной из квартир на втором этаже «Цауберберга», в минувшую субботу сделала интересное наблюдение. Фридрих Дёринг на сей раз не соврал, когда утверждал, что провел ночь у Изабель, так как Константин Терхорст встретил его в субботу утром в четверть восьмого, когда тот выходил из лифта. Через несколько часов, примерно около половины двенадцатого, к Изабель Керстнер опять приходил мужчина. Он приехал на серебристом внедорожнике. Моника Терхорст знает это точно, так как его автомобиль заблокировал ее машину на парковочной площадке. Этого мужчину она видела и раньше в доме в сопровождении Изабель, поэтому знала, что он приехал к ней. Около трех Изабель вышла из дома. Терхорсты видели ее со своего балкона и наблюдали за тем, как какая-то женщина, приехавшая на темном «БМВ Туринге», целую четверть часа о чем-то говорила с Изабель на парковочной площадке.

— Мужчина на внедорожнике — это Кампманн, совершенно точно, — сказал Бенке, закончив свой отчет. — Он солгал, утверждая, что лишь мельком видел Изабель в субботу вечером в конноспортивном комплексе.

— Возможно, — согласился Боденштайн. — В таком случае я еще раз поеду в «Гут Вальдхоф».

Он коротко сообщил своему коллеге о том, что совсем недавно узнал от Керстнера о ребенке. Вряд ли те люди, на попечение которых Изабель оставила девочку, добровольно обратятся в полицию, поэтому приходится надеяться только на случай.

Так или иначе, поиски Мари Керстнер необходимо организовать максимально срочно. Возможно, исчезнувший ребенок является ключом к убийству.

Роберт Кампманн сначала отрицал тот факт, что был у Изабель Керстнер. Боденштайн знал, что он лжет, поскольку тот совершенно не умел этого делать. Его пальцы дрожали, и он невероятно нервничал.

— Послушайте, Кампманн, — настойчиво сказал Боденштайн, — если вы и далее не намерены оказывать нам содействие, я буду вынужден обратиться в прокуратуру для получения предварительного ордера на ваш арест. Мы устроим очную ставку с соседями

фрау Керстнер, и если они опознают в вас мужчину, который в минувшую субботу полтора часа провел в квартире фрау Керстнер, то вы будете задержаны на основании воспрепятствования следствию. Я пытаюсь расследовать убийство. Речь идет об особо тяжком преступлении, и я отношусь к этому очень серьезно.

Кампманн побледнел.

— Итак, — Боденштайн наклонился вперед, — что вы делали в субботу двадцать седьмого августа? Где вы были между половиной двенадцатого и тринадцатью часами и где вы были вечером?

Они сидели в столовой кампманновского дома, который выглядел настолько прибранным и стерильным, что казалось, будто это картинка из каталога «ИКЕА». Сюзанна Кампманн с сияющей улыбкой возбужденно металась из одной комнаты в другую, пытаясь произвести впечатление хорошей хозяйки. Кашемировый пуловер цвета мха и облегающие джинсы сидели на ней идеально. Макияж и прическа также выглядели безукоризненно, а украшений было слишком много для буднего дня.

— Не хотите ли кофе? — предложила она притворно сладким голосом, но Боденштайн, поблагодарив, отказался. Сюзанна положила руку на плечо мужа, отчего тот скривился.

— Ты можешь оставить нас одних? — В его голосе звучало недовольство.

— Конечно. — Она убрала руку.

По взгляду, которым Сюзанна одарила своего мужа, Боденштайн понял, что изображаемая веселость была только вывеской. Фрау Кампманн была огорчена или взбешена, а возможно, одновременно и то и другое. Во всяком случае, между супругами явно что-то не так. Кампманн подождал, пока за его женой закроется дверь. Слегка подпрыгивающей походкой она прошла мимо окна и направилась через двор.

— В субботу в первой половине дня я был у Изабель, — наконец заговорил хозяин дома, при этом его лицо стало таким непроницаемым, что Боденштайн и близко не мог предположить, что происходило в голове этого человека.

— С какой целью вы приезжали?

— Это был... деловой визит.

— Не могли бы вы уточнить?

— Незадолго до этого я с помощью Изабель продал лошадь. Она позвонила утром и попросила передать комиссионные, которые я ей обещал. Как можно скорее.

— Почему она не могла приехать непосредственно в конюшню?

— Понятия не имею. Она спешила.

— Вы постоянно давали ей деньги?

— Да, десять процентов от сделок, которые осуществлялись с ее помощью. — Кампманн, чувствуя себя неловко, подался вперед. — Моя жена этого не знает, — пояснил он, — никто об этом не знал. Это касалось только меня и Изабель. Без нее я не смог бы продать так много лошадей за последние годы.

— Какую сумму вы ей передали?

— Пять тысяч евро.

Это была та сумма, которую нашли в кармане ее брюк. Пока, кажется, Кампманн говорил правду.

— И для этого вам понадобилось полтора часа?

— Еще мы пили кофе, разговаривали, — Кампманн пожал плечами, — о лошадях.

— Вы тоже с ней спали? — спросил Боденштайн.

Кампманн заметно дистанцировался, тотчас откинувшись назад.

— Почему вы и ваша коллега постоянно подозреваете меня в том, что у меня имелись какие-то отношения с Изабель?

— Она была привлекательной женщиной, — ответил Боденштайн. — Вы проводили с ней много времени. Разве подобная мысль столь абсурдна?

— Мои отношения с Изабель Керстнер носили чисто деловой характер, — отрезал Кампманн и начал рассеянно обрывать искусно оформленную цветочную композицию на столе. — Все остальное — вздор.

— Я вам не верю.

На какой-то момент в комнате повисла тишина. Из окон, установленных в наклонное положение, доносился отдаленный смех и цокот лошадиных копыт.

— Почему вы, в конце концов, не хотите сказать правду?

Боденштайн заметил, что на лице инструктора выступили капли пота. Веки его глаз нервно подрагивали.

— Бог мой, я ведь тоже всего лишь человек! — воскликнул он внезапно. — Да, как-то было дело.

— Только однажды?

Кампманн бросил на главного комиссара неуверенный взгляд, затем сделал беспомощное движение рукой.

— Моя жена делает для меня все, — произнес он сдавленным голосом. — Но вы не можете себе представить, какие требуются усилия, чтобы ежедневно выносить ее честолюбие, ревность и претензии. Она сравнивает себя с клиентками здесь, в конюшне. Но я не могу поддерживать все это.

— И тогда вы нашли утешение в виде любовной связи с Изабель Керстнер.

— Нет, это не было любовной связью. Мы время от времени... Это не было чем-то постоянным, просто... развлечение.

— Вам известно, куда Изабель отвезла свою дочь?

— Нет, понятия не имею.

— Что происходило после того, как вы покинули квартиру Изабель? — спросил Боденштайн.

Кампманн на какое-то время задумался.

— Я поехал сюда, так как у меня были занятия.

Боденштайн вспомнил о женщине, которая в начале второй половины дня приезжала к Изабель. Вдруг ему показалось, что он знает, кто была эта женщина.

— На какой машине ездит ваша жена?

— Или на кабриолете «Гольф», или на «Кайенне», — удивленно ответил Кампманн. — А в чем дело?

— Да так, — пожал плечами Боденштайн. — Что происходило дальше? Каким образом вы получили травму?

— Я... я... я ударился о дверь конюшни. Рана сильно кровоточила, и я прилег после обеда, поскольку у меня разболелась голова.

Боденштайн смотрел на мужчину, который вдруг стал казаться подавленным и несчастным.

— Позже моя жена поехала к своим родителям, — продолжил Кампманн чуть погодя. — У тестя был день рождения, но я не смог поехать вместе с ней. Кто-то должен

оставаться здесь на ночь.

— Где были ваши дети?

— Они уехали с классом на экскурсию и вернулись в воскресенье.

— То есть в этот вечер вы были дома один?

— Да.

— Вечером Изабель была еще раз здесь, в конюшне. Вы сказали моей коллеге, что она искала Дёринга.

— Это она мне сказала, да, — подтвердил Кампманн, продолжая теревить цветы на столе.

— Ваша жена возвращалась в этот вечер еще раз?

— Нет. — На губах Кампманна появилась тонкая усмешка. — Похоже, у меня больше нет алиби. У поляка, который работает в конюшне, в тот вечер был выходной, поэтому в девять я закрыл конюшню. Тут я и увидел мертвую лошадь.

— Вы не задались вопросом, что здесь могло случиться? — спросил Боденштайн.

— Честно говоря, нет, — ответил Кампманн усталым голосом. — Мне это было даже безразлично.

Боденштайн и Пия Кирххоф сидели в ресторане «Мерлин» и ждали Ральфа — деверя Пии, который позвонил ей утром из аэропорта. Пия поведала своему шефу, что именно она надеется узнать от своего деверя, и Оливер предложил поужинать втроем. У него не было никаких более интересных планов, так как у Розали намечался урок ночного вождения, а Лоренц уже два дня просил его не беспокоить, а иногда он и вовсе не являлся домой. Ральф, как всегда, пришел ровно на десять минут позже. Пия представила мужчин друг другу, потом они посмотрели меню и сделали заказ.

— Расскажи нам про «ЯгоФарм», — попросила Пия своего родственника, когда принесли вино.

— Надеюсь, ты не вложила свои сбережения в эту компанию, — ухмыльнулся Ральф.

— Я вкладываю свои сбережения только в то, что мне рекомендуешь ты, ответила Пия и тоже усмехнулась. — Итак, выкладывай.

— «ЯгоФарм» — классический пример новой рыночной эйфории, — сказал Ральф. — Тогда, шесть лет назад, компания достигла головокружительных успехов на Новом рынке. Прекрасная история, профессиональные прогнозы, высококлассные менеджеры. Акции в течение шести месяцев поднялись с эмиссионного курса на уровне девятнадцати евро до более чем четырехсот евро. Тот, кто тогда сделал инвестиции и реализовал их, получил гигантскую прибыль. Я сам имел дело со специалистами информационного поиска «ЯгоФарм» и их эмиссионными консультантами, но, к счастью, они сделали выбор в пользу других инвесторов.

— К счастью? — переспросил Боденштайн. — Ведь сначала все шло хорошо. Или...

— Все это было лишь сотрясанием воздуха, — ответил Ральф Кирххоф. — Бумага все стерпит. Все казалось просто потрясающим, и на «биотех» слетелись тогда все инвесторы. Они вели абсолютно профессиональную деятельность, делали регулярные специальные сообщения о стратегиях роста, о привлечении клиентов, о планах увеличения, к тому же на фоне мощных инвесторов. В течение какого-то времени этого было достаточно, но однажды стало ясно, что что-то идет не так, как надо. Члены правления быстро рассорились, так как Ягода набрал высокооплачиваемых звезд, которые только конфликтовали между собой,

вместо того чтобы заниматься оперативным бизнесом. Через год стало ясно, что они приукрасили свои прогнозы. Квартальный отчет оказался катастрофическим, и они были вынуждены выдать предупреждение о снижении прибыли. Кроме того, обвалился весь рынок, и «ЯгоФарм» в первую очередь. Все институциональные инвесторы давно продали акции. В данный момент они стоят по одному евро.

Боденштайн и Пия слушали с интересом.

— Ягода не имел никакого понятия об основной деятельности своего предприятия, — продолжал Ральф. — Изначально «ЯгоФарм» была таблеточной фабрикой. Они производили какие-то желудочные таблетки из соляного рассола, точно не могу сказать. Ягода унаследовал фирму. Это было небольшое прочное предприятие со штатом шестьдесят человек. Необходимые стартовые средства он получил главным образом от своей жены и благодаря связям вышел на биотехнологическую фирму, которая уже несколько лет вплотную занималась разработкой противоопухолевого препарата. Тогда он организовал лаборатории и пригласил ученых, чтобы поднять дело на серьезный уровень. Ягода, несомненно, обладает смелостью, и он поймал нужный момент.

— Сколько сотрудников работает сейчас на «ЯгоФарм»? — поинтересовался Боденштайн.

— Трудно сказать, — пожал плечами Ральф. — Это достаточно разбросанное предприятие, холдинг с множеством филиалов. В хорошие времена они скупили десяток маленьких фирм, создали совместные предприятия и стратегические партнерства. Любимым словом Ягоды было тогда «синергия», но настоящим пониманием дела здесь уже давно никто не владеет. Три года назад они утверждали, что в бизнес-сфере у них занято примерно четыре тысячи работников, но в последний год непосредственно в «ЯгоФарм Холдинг» работало всего двадцать семь человек.

— И что же случилось? — спросила Пия.

— Они перевели сотрудников в другие фирмы, продали сегменты или просто уволили людей. В любом случае предприятие на грани развала.

Боденштайн кивнул. Неудивительно, что вчера вечером Ягода казался таким озабоченным.

— Ганс Петер Ягода, — сказал Ральф Кирххоф, — классический пример человека, который сделал себя сам, необыкновенно умный и хладнокровный.

— Думаешь, у него самого еще есть деньги? — спросила Пия.

— В их кругах ходят слухи, будто он продал предьявительские акции через подставных лиц, поскольку сам он, как председатель правления, не имел права это делать, — подтвердил Ральф. — Но также есть мнение, что «ЯгоФарм», собственно говоря, неплатежеспособна, и этим заинтересовалась прокуратура, хотя никаких доказательств нет. Я также слышал, что этот противоопухолевый препарат вскоре будет действительно зарегистрирован, и, если это случится, Ягода, возможно, выйдет из затруднительного положения и сможет укрепить свое предприятие.

— Почему прокуратура заинтересовалась Ягодой? — спросил Боденштайн.

— Инсайдерская торговля, — пояснил Ральф. — Скрытое распределение прибылей, отступление от биржевых законов, затягивание с объявлением о банкротстве... Предполагается все, что угодно.

— Тогда он в достаточно сложном положении, — подытожила Пия.

— Его нельзя недооценивать, — возразил Ральф. — Этот человек прошел химическую

чистку. Правда, благодаря делу «ЯгоФарм» он стал героем заголовков в прессе, но и в этой ситуации он не пропадет, так как его жена является единственной наследницей крупнейшей гессенской частной пивоварни «Дрешерброй»; может быть, вы уже слышали.

Боденштайн бросил на коллегу быстрый взгляд. Как Остерманн мог это упустить?

— Пару лет назад Марианна Ягода унаследовала все, когда ее родители погибли во время пожара в собственном доме.

По ходу ужина тема разговора приняла иное направление, но Боденштайн обдумывал услышанное. Делу никак не повредит, если его люди займутся также Ягодой. Он не мог сказать почему, но его не отпускало чувство, что за случаем, которым он занимался, скрывалось нечто большее, чем просто убийство.

Когда Боденштайн приехал в комиссариат, он застал своих сотрудников на утреннем совещании за столом переговорной.

— Какие новости? — поинтересовался он, садясь во главу стола.

— Вот. — Остерманн придвинул ему фотографию, сделанную радаром двадцать седьмого августа.

Боденштайн некоторое время рассматривал снимок, затем передал его Пие Кирххоф.

— Это женщина, — заметила она. — Человека, сидящего рядом с водителем, плохо видно. Жаль.

— Есть какая-нибудь информация о ребенке? — спросил Боденштайн.

— Почти пятьсот ссылок, — вздохнула Катрин Фахингер, руководитель специальной комиссии, созданной для розыска Мари Керстнер. — Мы проверяем все следы, но пока это ничего не дало. Мы знаем, что девочка зарегистрирована в детском саду в Келькхайме, но с августа она там ни разу не появлялась. Соседка, которую Керстнер представил нам как няню и услугами которой они пользовались по необходимости, не видела малышку с того дня, как Изабель ее забрала.

Боденштайн кивнул.

— К слову сказать, — добавил он затем, — Керстнер окончательно исключается из числа подозреваемых в убийстве.

Он пересказал своим коллегам сцену, которая разыгралась накануне в ветеринарной клинике.

— В отношении Дёринга я выяснил пару любопытных деталей, — сообщил Остерманн и начал листать пачку бумаг, которые лежали перед ним. — Шестнадцатого января один из грузовиков Дёринга, прибывший из Италии, в Базеле был проверен таможенниками. Согласно документам, грузовик перевозил апельсины и прочие фрукты, но коллеги из отдела по борьбе с контрабандой обнаружили среди фруктов одиннадцать килограммов героина и три литра чистого опиумного сока. Весь груз был конфискован, а водитель арестован. Реакция экспедиционного агентства «Дёринг» была лаконичной: водитель на свой страх и риск попытался контрабандой провезти наркотики. Мужчина, немец итальянского происхождения, в августе был приговорен к двум годам лишения свободы. Скорее всего, он отсидит две трети наказания, а потом выйдет по УДО^[10].

Все внимательно слушали.

— В мае, — продолжал Остерманн, — в Англии был найден контейнер, в котором были обнаружены семнадцать мертвых индийцев. Они задохнулись. Груз в контейнере — продукты питания — был также отправлен через транспортное агентство Дёринга. И наконец, совершенно свежий случай: в Бельгии был задержан рефрижераторный автопоезд, перевозивший передекларированную говядину из Англии. Заказчик — опять же экспедиционное агентство Дёринга. Круто, да?

— Преступно, — задумчиво заметил Боденштайн. — Нельзя ли уличить в чем-нибудь самого Дёринга?

— Каким образом? Он всегда все сваливает на субподрядчиков и водителей. И таким образом выходит сухим из воды, так как нет никаких доказательств. При всем этом свинстве наши люди наталкиваются только на стену молчания. Они все заодно. Вероятно, водители

получают деньги за лояльное поведение, отбывают наказание и потом занимаются тем же самым.

Остерманн почесал шариковой ручкой затылок.

— Кроме того, — подошел он к завершению своего сообщения, — в тысяча девятьсот девяносто восьмом году Дёринг в законном порядке был осужден за уклонение от уплаты налогов. Он заплатил неслабый штраф и поэтому остался на свободе. Сюда можно еще добавить пару штрафов за езду в нетрезвом виде и езду без водительского удостоверения. Вдобавок к этому он был осужден за нанесение телесных повреждений со смертельным исходом...

— Стоп! — прервал Остерманна Боденштайн, и тот поднял глаза. — Это интересно. У вас есть подробная информация?

— Конечно, — кивнул Остерманн и начал листать свои бумаги. — Вот. Двенадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят второго года за нанесение тяжких телесных повреждений со смертельным исходом он был приговорен к двумстам сорока дневным ставкам денежного штрафа из расчета двести пятьдесят марок в сутки и к общественно-полезным работам, так как избил свою тогдашнюю жену Кармен Джуану Дёринг. Женщина получила тяжелейшее кровоизлияние в мозг, впала в кому и через несколько дней умерла. Прокурор настаивал на обвинении по статье «Умышленное убийство», но адвокат Дёринга сумел изменить статью. В момент совершения преступления содержание алкоголя в крови Дёринга составляло две целых и восемь десятых промилле. Адвокату удалось добиться, чтобы его признали невменяемым, и на основании этого Дёринг избежал тюрьмы.

— Здорово, — саркастически заметила Пия. — В любом случае сейчас понятно, почему Керстнер хотел защитить Анну Лену Дёринг. Несомненно, оба посвящены в прошлое ее мужа.

Боденштайн задумчиво потер указательным и большим пальцем переносицу.

— Вы уже разузнали что-нибудь про Ягоду?

— Да. — Остерманн порылся в документах. — «ЯгоФарм АО» практически обанкротилась.

— Они уже подали уведомление о банкротстве? — поинтересовался Боденштайн.

— Нет, — покачал головой Остерманн, — и это странно, так как четыре месяца назад два акционера подали жалобу в связи с мошенничеством, и обслуживающий фирму банк напел на Ягоду. Но эти акционеры отозвали свои заявления, и в июле банк обеспечил его новым миллионным кредитом.

— Однако это звучит действительно странно. — Пия вспомнила о том, что накануне ей рассказывал деверь. Очевидно, слухи активно распространялись, но до дела пока не дошло. Другие фирмы, которые еще шесть-семь лет назад стартовали так же успешно, как и «ЯгоФарм», уже прекратили свое существование, и их менеджеры принародно спустились с Олимпа величия в низины судебных залов. Как Ягоде удалось до сих пор уберечь себя и свою в известной степени недееспособную фирму от подобной судьбы? Почему акционеры отозвали свои жалобы?

— Пока он может себе позволить ездить на крутых тачках, дела идут не так плохо, — заметил Бенке. — Он наверняка надолго обеспечил себя.

— Что у нас с пивоварней «Дрешерброй»? — спросил Боденштайн.

— У них несколько управляющих, — ответил Остерманн. — Кроме Марианны Ягоды еще трое. Ганс Петер Ягода не имеет к фирме никакого отношения.

— Хорошо, — кивнул Боденштайн. — Продолжайте заниматься пивоварней. Попробуйте побольше разузнать о частном имущественном положении Ягоды и свяжитесь с отделом по борьбе с мошенничеством во Франкфурте. Может быть, им еще что-нибудь известно по этому делу.

Главный комиссар замолчал, так как вспомнил кое-что еще. Голосу на автоответчике Изабель Керстнер они до сих пор вообще не придавали никакого значения! Это не был голос Дёринга, но мог ли это быть голос Ганса Петера Ягоды? Пришло время поговорить с ним, чтобы выяснить, в каких отношениях он был с Изабель Керстнер.

Фридхельма Дёринга в офисе не оказалось, он был дома.

Дверь Боденштайну и Пие открыла экономка, и Пия немало удивилась, оказавшись в роскошном холле виллы с блестящим, как зеркало, мраморным полом. Дом скорее напоминал дворец. На стене висела обращающая на себя внимание современная картина в мрачных тонах, высотой метров пять и шириной около трех метров. Вскоре раздались гулкие шаги, и появился Дёринг с папкой и автомобильными ключами в руках.

Он, похоже, был в прекрасном расположении духа.

— А, — приветливо воскликнул он, — уголовная полиция! Чем могу служить?

Боденштайн заметил движение на балюстраде и посмотрел вверх. Увидев Анну Лену Дёринг, он не мог поверить своим глазам. Заметив Боденштайна и Пию, женщина остановилась.

— Дорогая! — крикнул Дёринг. — Это главный комиссар Боденштайн и его коллега из комиссии по расследованию убийств. Подойди, пожалуйста.

Анна Лена спустилась вниз. Гематомы на ее лице еще слегка угадывались, но в основном их скрывал макияж. Темные волосы женщина стянула в тугий «конский хвост». На ней были черные брюки и блейзер поверх белой блузки.

— Позвольте представить вам мою супругу. — Фридхельм Дёринг улыбнулся и подошел к своей жене.

На секунду на ее лице появилось выражение отвращения, когда он положил ей руку на талию. Внешне фрау Дёринг оставалась спокойной и сдержанной, ей удалось даже выдать из себя подобие улыбки. Боденштайн невольно вспомнил о том, как Анна Лена, встретив в коридоре комиссариата Керстнера, бросилась к нему на шею. Почему она вернулась к мужу?

— Я слышал, вы были в Париже, — сказал Боденштайн, подавая ей руку.

— Да, пару дней, — с облегчением ответила женщина, радуясь, что он ее не выдал.

— Вы знаете, что случилось с Изабель Керстнер?

— Да, это ужасно, — кивнула она. — Муж сообщил мне об этом.

— Возможно, вы могли бы нам помочь, — заметила Пия. — Вы наверняка тоже знали фрау Керстнер.

— Разумеется, я ее знала, — согласилась Анна Лена Дёринг, — но не особенно хорошо.

— Инструктор по верховой езде Кампманн сказал нам, что в воскресенье вечером она еще раз заезжала в «Гут Вальдхоф». Вы ее там видели?

Анна Лена подумала, а потом покачала головой:

— К сожалению, нет. Я тоже была очень... занята. Одна из наших лошадей получила... травму, и ею занимался ветеринар.

Фридхельм Дёринг бросил взгляд на часы.

— Мы должны ехать в магазин. Могу я еще чем-нибудь помочь?

— Да, вполне вероятно. — Боденштайн достал из кармана диктофон. — Может быть, вы узнаете голос на этой пленке.

Он нажал клавишу включения.

Сейчас уже скоро двенадцать, и это уже не смешно. Мы с тобой договорились, и это было чертовски важно.

Дёринг покачал головой, но Боденштайн отметил, что его рука крепче обхватила талию жены.

— Нет, — сказал он, — этот голос мне не знаком. Может, ты знаешь, Анна?

Женщина чуть помедлила, прежде чем тоже дать отрицательный ответ.

— А мы должны были узнать этот голос? — Дёринг убрал руку с талии жены. — С чего была сделана запись?

— С голосовой почты телефона Изабель Керстнер, — ответил Боденштайн, пряча диктофон. — Вам известно, у кого еще может быть ключ от квартиры в «Цауберберге»?

— Один — у меня. И в дирекции дома наверняка есть второй ключ.

— Когда мы обследовали квартиру криминально-техническими средствами, то установили, что до нас там уже кто-то побывал. Все было убрано, как в гостиничном номере, и там вообще не обнаружилось никаких личных вещей фрау Керстнер, ни одного отпечатка пальцев. Нам это показалось очень странным.

— Да, — Дёринг взял кейс, ранее отставленный в сторону, — действительно странно. А теперь вы должны нас извинить, у нас важная встреча.

— Только еще один вопрос, — попросила Пия. — В пятницу ночью вы были в квартире Изабель Керстнер. Когда вы оттуда ушли?

Дёринга, казалось, не смущало, что в присутствии его жены речь шла о том, что он ночевал у другой женщины.

— Я уже не помню. Возможно, часа в два.

— В самом деле? — Пия улыбнулась. — Но вас видели выходящим из дома в четверть восьмого.

— Значит, это было именно в четверть восьмого. — Уличенный во лжи, Дёринг лишь невозмутимо пожал плечами. — Это важно?

— Это заставляет нас сомневаться в достоверности ваших показаний, — спокойно ответила Пия. — Было это в два или в семь? Был у вас ключ или нет? Дали вы указание убрать квартиру или нет?

— Я не смотрел на часы. — Выражение лица Дёринга оставалось безразличным.

— Когда ваш муж вернулся в субботу утром домой, фрау Дёринг? — обратилась Пия к Анне Лене.

— Все в порядке, фрау Кирххоф, — вмешался Боденштайн. — Не будем больше задерживать господина Дёринга. Только последний вопрос: вы говорили еще раз с фрау Керстнер в субботу вечером? Она пыталась вас найти, стало быть, что-то хотела.

— Я ведь вам об этом уже сказал, — ответил Дёринг. — Я ее больше не видел. Из конюшни я поехал прямо домой, принял душ и переоделся, так как был приглашен на вечеринку.

— Несмотря на то, что вашу лошадь пришлось усыпить, вы поехали на вечеринку? — спросила Пия.

Фридрих Дёринг начал терять самообладание.

— Да. Впрочем, довольно об этом. Пошли, Анна Лена. Удачного дня, господа.

Боденштайн и Пия обменялись взглядами.

— Кстати, фрау Дёринг, — обратилась к женщине Пия, — вам известно, что ваш муж под воздействием алкоголя так жестоко избил свою первую жену, что та скончалась от полученных травм?

Дёринг резко обернулся, его лицо окаменело, но в глазах пылала жгучая ярость.

— Что, черт возьми, это значит? — прошипел он.

— Мы в курсе ваших дел, господин Дёринг, — произнес Боденштайн спокойным тоном, — и у нас нет желания и дальше слушать вашу ложь.

— Плевать я хотел на это, — холодно парировал Фридрих. — Я не имею к этому делу никакого отношения. А сейчас прошу покинуть мой дом, иначе я подам на вас жалобу о незаконном вторжении в жилище!

— Мы с удовольствием продолжим наш разговор в комиссариате. — На Боденштайна эти угрозы не произвели никакого впечатления. — Как вам будет угодно. У наших коллег из отдела по борьбе с наркотиками тоже наверняка будет пара вопросов в связи с обнаружением наркотических средств в ваших грузовиках. Не говоря уже о лондонском деле, касающемся мертвых индийцев...

В этот момент Дёринг, пожалуй, осознал, что этих двоих полицейских не так легко запугать. Он взглянул на жену. Та, переплетя руки, стояла с безжизненным лицом.

— Я больше не разговаривал с Изабель, — раздраженно проговорил он. — Это правда. В последний раз я видел ее в субботу утром в ее квартире.

— Изабель рассказывала вам о своем ребенке? Нам известно, что она его где-то спрятала, но никто не знает где.

— Понятия не имею, где находится ребенок, — буркнул Дёринг. — Мне на это тоже наплевать.

Анна Лена недоверчиво посмотрела на своего мужа.

— Что уставилась? — внезапно рявкнул он.

Женщина молча опустила голову. К таким взрывам она, очевидно, привыкла.

— Перестаньте кричать, — сказал Боденштайн. — Скажите нам лучше, к кому и куда вы были приглашены в субботу вечером. Иначе из вашей встречи ничего не получится, так как вам придется поехать с нами.

— Это шутка? — возмутился Дёринг, но тут вмешалась его жена:

— Мы были приглашены к Гансу Петеру Ягоде.

— Понятно, — кивнул Боденштайн. — Во сколько вы туда приехали и как долго там были?

— Я не поехала, — вздохнула Анна Лена. — После всей этой истории с лошастью я была не в состоянии веселиться.

— Я приехал туда в начале девятого и оставался там до двух, — сообщил Дёринг.

— Мы проверим.

— Если вас это осчастливит... — Дёринг подхватил жену под руку и направился к двери.

Анна Лена бросила на Боденштайна короткий взгляд и последовала за супругом.

Центральный офис фирмы «ЯгоФарм АО» располагался в промышленном районе Зульцбаха, в помпезном U-образном здании с фасадом из светоотражающего стекла. Человек, привыкший в своей частной жизни ездить на машинах класса люкс, проводить

выходные на тридцатиметровой яхте в Антибе и пользоваться собственными вертолетами и самолетами так, как другие люди — автобусами и железной дорогой, и в профессиональной сфере, похоже, придавал большое значение грандиозным масштабам. Светящаяся надпись «ЯгоФарм» на крыше внушала посетителям мысль, что в этом здании находятся исключительно сердце и мозг одного из самых процветающих предприятий на давно не существующем Новом рынке. Но это не соответствовало действительности. Указатель перед входом свидетельствовал о том, что кроме «ЯгоФарм АО» здесь располагаются офисы различных адвокатских контор, консультаций по налоговым вопросам и других фирм с фантастически звучащими названиями. В стеклянном холле работала уборочная бригада, которая производила полировку серого гранитного пола, доводя его до зеркального блеска. Пия стала изучать указатели.

««ЯгоФарм АО» — администрация, — прочитала она. — Шестой этаж».

Они доехали на лифте до самого верхнего этажа. И здесь Ягода тоже не поскупился. На других этажах на полу лежало ковровое покрытие, а в «ЯгоФарм» — паркет. Приемная стойка была сделана из гранита, на стенах висели гигантские картины в стиле «поп-арт», плоские экраны системы наблюдения с компьютерным управлением относились к новейшим достижениям «высоких технологий». Двадцатилетняя блондинка с восточногерманским акцентом и пирсингом в носу и на бровях, напротив, казалась чем-то банальным. Боденштайн и Пия представились и сообщили, что хотели бы поговорить с Гансом Петером Ягодой. У блондинки возникли некоторые затруднения с телефоном, и она, смущенно извиняясь, объяснила, что ее направили сюда из фирмы по временному трудоустройству и сегодня она работает здесь первый день. Визит уголовной полиции, похоже, вселил в нее еще большую неуверенность. Наконец она кому-то дозвонилась и с облегчением повела посетителей в переговорную комнату в конце коридора.

Боденштайн осмотрелся вокруг. В переговорной комнате располагался большой овальный стол, окруженный двенадцатью стульями с хромированными спинками. На черном комодике на подносе стояли стаканы и маленькие бутылочки с водой, рядом лежала стопка журналов, которые Боденштайн стал просматривать. Наряду с журналом для менеджеров он нашел «GoingPublic», «Capital» и тому подобное. На стенах, обтянутых светло-желтой тканью, в рамках висели рекламные плакаты «ЯгоФарм», которые были выпущены еще в период расцвета фирмы. Паркетный пол закрипел, когда Боденштайн подошел к окну, выходящему на задний двор. В этот момент дверь здания фирмы открылась, и из нее вышел мужчина. Боденштайн едва узнал Роберта Кампманна, так как вместо рейтуз для верховой езды и сапог на нем были костюм и галстук.

— Фрау Кирххоф, — сказал Боденштайн тихо, — посмотрите-ка.

Пия подошла к окну.

— Это же Кампманн, — определила она. — Что он здесь делает?

— Не имею понятия, — ответил Боденштайн.

Кампманн сел в «Кайенн», припаркованный рядом с «Майбахом» и «Феррари».

— Представительный автопарк, — заметила Пия. — Для фирмы, которая почти обанкротилась, действительно весьма внушительный.

— С чего вы взяли, что «ЯгоФарм АО» обанкротилась? — раздался голос позади. Е комнату вошел Ганс Петер Ягода. На нем были темно-серый двубортный пиджак, галстук с неярким рисунком и сверкающие, сделанные на заказ туфли. Его мертвенная бледность казалась болезненной. Пия, не ответив, представила Ягоде своего шефа.

— Присаживайтесь, — сделал движение рукой в направлении стола хозяин. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Боденштайн и Пия вежливо отказались и сели за стол. Боденштайн пытался разобраться в стройном мужчине с тихим голосом. На первый взгляд, Ганс Петер Ягода казался бесхитростным, почти женоподобным, но карьеру, которой он добился, не смог бы сделать деликатный, уступчивый человек. Острая настороженность в бегающих светлых глазах находилась в резком противоречии с его вежливыми манерами. Боденштайн вспомнил о том, что рассказывал Ральф Кирххоф. Внешность обманчива. Ягода выглядел совершенно раскованным, лишь покачивание ногой выдавало его внутреннее напряжение.

— Мы расследуем убийство Изабель Керстнер, — Боденштайн опять достал свой диктофон, — и хотели бы выяснить, не знаком ли вам голос на этой пленке.

Он воспроизвел фразу с автоответчика и, наблюдая за Ягодой, отметил, что на мгновение тот прекратил качать ногой.

— Это мой голос, — сказал он затем спокойно. — Я был весьма рассержен тем, что Изабель не объявлялась. В тот вечер я устраивал вечеринку, и она тоже должна была прийти.

— Почему вы пригласили Изабель? — поинтересовалась Пия. — В понедельник у меня сложилось впечатление, что вы не особо высокого мнения о ней.

На губах Ягоды появилась легкая улыбка.

— Я этого и не делал, — возразил он. — Но мое личное мнение не играет никакой роли. Фрау Керстнер у меня работала, и свою работу она выполняла хорошо.

— Она у вас работала?

— Да. Она всегда жаловалась, что ей срочно нужны деньги, и я предложил ей работать у меня.

— Какие у нее были обязанности? — спросил Боденштайн.

— В «ЯгоФарм АО» она отвечала за работу с клиентами. — Ягода опять улыбнулся. — Нашим клиентам очень нравилось, когда с ними работала фрау Керстнер.

Боденштайн начал догадываться.

— Как далеко распространялась эта работа с клиентами?

— Четких инструкций в этом отношении не существовало. — Ягода сделал неопределенное движение рукой. — Но наши клиенты были очень расположены к ней.

— Ну хорошо... — Боденштайн откашлялся. — На какую встречу в субботу вечером она не явилась?

— У меня были гости, — ответил Ягода, — несколько важных клиентов. Изабель должна была ими заниматься.

— Фридрих Дёринг тоже был на вашей вечеринке?

— Да, он был. Он приехал около восьми.

— Он тоже был клиентом «ЯгоФарм АО»?

— Мы деловые партнеры. — Взгляд Ягоды был спокойным и уверенным, но при этом он интенсивно болтал носком ноги под столом.

— Вам известно, что у фрау Керстнер были интимные отношения не только с вашим администратором господином Кампманном, но и с Фридрихом Дёрингом?

— В самом деле? — Физиономия Ягоды оставалась непроницаемой. — Нет, я этого не знал.

— Кстати, это общепринятая практика в вашей фирме, что все сотрудники получают зарплату наличными? Фрау Керстнер оплатила «Порше Бокстер» в «Порше»-центре в

Хофхайме наличными. — Боденштайн смотрел на Ганса Петера Ягоду испытующе, но лицо бизнесмена оставалось спокойным.

— Фрау Керстнер настояла на том, чтобы получать свою зарплату наличными, — невозмутимо ответил он. — Полагаю, она не хотела, чтобы ее муж знал об этом.

Внезапно у Боденштайна в голове пронеслась мысль, но это произошло так быстро, что он не успел ее зафиксировать, однако внутри осталось ощущение недоверия. Они задали Ягоде еще несколько вопросов, после чего тот вежливо дал понять, что, к сожалению, у него нет больше времени.

Боденштайн рассказал Пие о своем подозрении.

— Шантаж? — спросила она удивленно.

— Да, — кивнул Боденштайн. — Я нахожу вполне реальным, что Ягода с помощью Изабель Керстнер занимался вымогательством с применением шантажа. В субботу вечером она должна была опять переспать с клиентом, который чинил какие-то препятствия. И когда она не появилась, Ягоду это взбесило. Для него на карту поставлено слишком много, и если он не может удержать своих клиентов легальными средствами, то в ход идут иные.

Немного подумав, Пия кивнула.

— Акционеры, которые неожиданно отозвали свои жалобы из суда. И банк, который вдруг вновь предоставил кредит. Возможно, он здесь что-то провернул.

— Мы должны еще раз поехать на квартиру Изабель Керстнер, — сразу заспешил Боденштайн. — Я уверен: мы что-то упустили.

В «куполе» «Цауберберга», где жила Изабель Керстнер, Оливера и Пию ждал неприятный сюрприз. Кто-то нарушил официальную печать и открыл дверь. Квартира была не просто опустошена, а практически превращена в нежилое помещение. Вся мебель исчезла, даже мебельная стенка отсутствовала. Кто это сделал? Фридрих Дёринг, поспешивший уничтожить возможные следы?

— Он действительно считает нас идиотами? — Боденштайн все больше злился на Дёринга. Этот человек во всем деле играет совершенно непонятную роль. Даже если он, на первый взгляд, не имел оснований убивать Изабель Керстнер, создавалось впечатление, что он знает гораздо больше, чем рассказал. У Боденштайна не было желания еще раз слушать ложь Дёринга.

Пия отправилась к жильцам нижних этажей, чтобы узнать, когда из квартиры вывезли мебель, а Боденштайн не спеша, со свирепым лицом, бродил по помещению, засунув руки в карманы брюк. Его шаги отражались эхом от голых стен. У Дёринга не было повода освободить квартиру, так как и без того не осталось никаких следов, которые могли бы быть использованы для расследования дела. Кроме того, отдел по обеспечению сохранности следов задокументировал все, что оставила первая уборочная бригада. Зачем тогда эти противозаконные действия? Боденштайн остановился на месте, где ранее стояла кровать. Пылинки танцевали в яркой полосе солнечного света, падавшего из окна, и его взгляд задержался на одном участке глянцевого паркетного пола, выложенного квадратами. Его внимание привлекла неправильная форма части паркета. Он опустился на колени и ощупал пол кончиками пальцев. Так и есть! Один из квадратов был пустым. При более тщательном изучении он заметил царапины по краям фрагмента паркета. В этот момент в квартиру вошла Пия.

— Фрау Кирххоф! — крикнул он через плечо. — Взгляните сюда!

Пия появилась в дверном проеме.

— Из соседей или никого нет дома, или они не открывают... Что это вы делаете?

— Вот, — Оливер указал на полый деревянный квадрат. — Нет ли у вас перочинного ножа или чего-то подобного?

Пия подошла ближе и, сев на корточки, извлекла из кармана пилочку для ногтей. Затем вставила кончик пилки в узкий шов и поддела кусок паркета.

— Готова поспорить, это они и искали, — улыбнулась она и влезла рукой в отверстие в полу.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Боденштайн.

Пия ощупала руками полое пространство. Прежде всего, она передала шефу потрепанную записную книжку карманного формата. Улыбка победителя промелькнула на лице Боденштайна, когда он кончиками пальцев начал листать книжку. В квадрате под полом Пия нашла еще несколько вещей, и в том числе плоскую кассету для денег, которая оказалась не заперта. Внутри нее была пачка новехоньких купюр по пятьсот евро, кипа фотографий, перетянутых резинкой, две золотые цепочки, несколько колец и пять маленьких кассет для автоответчика. Последней Пия вынула целую стопку DVD-дисков.

— Так, — Боденштайн выпрямился и отряхнул пыль со своих брюк, — сейчас я действительно загорелся желанием узнать, что здесь спрятала дорогая Изабель.

На экране появилось лицо Изабель Керстнер. Действительно симпатичное лицо с высокими скулами, большими зелеными глазами и чувственным ртом с полными губами и белыми сверкающими зубами. Она разлеглась на кровати в очень плотно облегающей одежде и придвинулась к камере.

— Сегодня воскресенье, шестое августа две тысячи пятого года, — сказала она. — Ровно девятнадцать тридцать. Я жду высоких гостей.

Она глупо хихикнула, с непристойной ухмылкой приняла позу перед камерой, обхватила руками свои груди и провела кончиком языка по губам. Над ее пупком была отчетливо видна татуировка в виде дельфина.

— У меня как раз прекрасный сюрприз для моего шефа.

В глубине квартиры раздался звонок.

— О! — воскликнула Изабель. — Это он. Пунктуален до секунды.

Покачивая бедрами, она направилась к двери и исчезла из кадра. Послышались отдаленные голоса. Прошло одиннадцать минут, прежде чем Изабель вновь появилась на экране. Позади нее стоял Ганс Петер Ягода, который напрямик направился к шкафу и бросил вовнутрь недоверчивый взгляд. Он не предполагал, что Изабель работала двумя камерами, и камера, которая снимала его, была так искусно установлена, что охватывала всю постель и дверь в ванную.

— Не получится так, что я тоже попаду в наш киноархив? — спросил он.

Изабель засмеялась и начала стягивать с его шеи галстук.

— Оставь. — Ягода посмотрел на часы. — У меня сейчас нет времени на эти игры.

— Ну перестань. — Женщина соблазнительно улыбнулась.

— Прекрати. — Он отстранил ее от себя. — Я хочу, чтобы ты хорошенько потрясла этого малого. Если добьешься того, что он занюхает перед камерой пару кокаиновых «дорожек», это будет дополнительный бонус.

— Нет проблем, — хихикнула Изабель. — Это такой похотливый тин, что сделает все,

что я ему скажу. Дома, у «мамочки», он, наверное, развлекается только в темноте. Скорее всего, она такой же бегемот, как твоя жена... Тебе действительно уже надо идти?

Она опустилась на кровать и растянулась. Решимость Ягоды, кажется, поколебалась. Какое-то время он смотрел на Изабель, потом опять бросил взгляд на часы.

— Да что же это такое! — Он стал расстегивать свой пиджак. — Пусть подождут. Как-никак, я их шеф.

Еще больший интерес, нежели то, что они продемонстрировали перед камерой менее чем через семь минут, представляло содержание их разговоров. Они говорили о людях, чьи имена Боденштайну и его коллегам не были знакомы, но было件нятно, за что на самом деле Ягода платил Изабель Керстнер. Изображая из себя серьезного порядочного человека, он с помощью явного шантажа вынуждал своих клиентов, в том числе разозлившихся акционеров, руководителя кредитного отдела и председателя правления обслуживающего банка, к лояльности с зубовным скрежетом. Несомненно, небольшой милый фильм с компрометирующим содержанием представлял собой серьезную силу.

— Он лгал мне не моргнув глазом, — возмутилась Пия, когда фильм закончился.

— Во всяком случае, человек, освободивший квартиру, не Дёринг, — сказал Боденштайн. — Думаю, Ягода хотел найти эти DVD-диски, так как я совершенно уверен, что Изабель рассказала ему об их существовании. Возможно, Ягода и был тем денежным источником, который она упомянула в разговоре с Тордис.

— Вы думаете, что она, в свою очередь, шантажировала Ягodu? — спросил Хассе.

— Я это не исключаю, — кивнул Боденштайн. — Ягода ее не убивал. Ему нужно было получить только DVD-диски, так как он не мог допустить, чтобы фильмы попали еще в чьи-то руки.

То, что еще пару дней назад выглядело как убийство на почве ревности или оскорбленного самолюбия, постепенно разрослось в гораздо более запутанное дело. Речь шла не просто об убитой молодой женщине, а о значительно большем, но Боденштайн пока не мог понять радиус действия происходящих событий, их точную взаимосвязь и причины. Была ли Изабель Керстнер действительно лишь бесконтрольно действовавшим инструментом или она выполняла чье-то задание? Его интуиция подсказывала, что они чисто случайно наткнулись на темные махинации, но что это на самом деле, он пока не мог понять.

Бенке вставил одну из пяти маленьких кассет в магнитофон, который стоял на середине стола переговорной комнаты. Изабель Керстнер записывала с помощью своего автоответчика телефонные разговоры. Насколько они информативны, пока еще трудно судить, но все это очень любопытно. С Ягодой она подтрунивала над общими жертвами, жаловалась на непривлекательность многих клиентов, в ответ Ягода напоминал ей о ее огромном гонораре. Со временем тон разговоров изменился, и было件нятно, как ловко Изабель все устроила, чтобы и своего работодателя заманить в постель. Ягоде, похоже, и в голову не приходило, что Изабель записывает телефонные разговоры. Во время одного из разговоров он очень образно описывал, как намеревается провести с ней свидание, и не удержался от того, чтобы наградить свою жену нелестными эпитетами.

— Слишком много для большой любви, — саркастически заметила Пия.

Вторым голосом, который был знаком сотрудникам комиссии по расследованию убийств, был голос Кампманна, но из разговоров было мало что件нятно. Речь шла о лошадях и деньгах, о людях, очевидно купивших у Кампманна лошадей. Имя Маркуардт звучало не

один раз, так же как имена Харт, Ноймейер и Пейден. Упоминались и другие клиенты комплекса «Гут Вальдхоф», знакомые Боденштайну и Пие. Голос Изабель звучал совершенно обычно, обольстительную интонацию она приберегала для Ягоды.

...Я умираю от смеха, — говорила она издевательским тоном, — ты продал этой дуре Пейден никуда не годную клячу, которая, кроме того что беременна, страдает запалом и на шесть лет старше, чем ты сказал. Что ты будешь делать, когда это выяснится?

Ничего. — В голосе Кампманна слышалось самодовольство. — Пока все выяснится, дети так привяжутся к пони, что она не захочет ее возвращать. Кстати, завтра вечером я привезу лошадь для Конрэди. Настоящая развалина, но выглядит шикарно. Тебе придется немного ее объездить. Если она увидит тебя на осле, то сойдет с ума.

В чем закавыка?

У жеребца вышел срок, — сказал Кампманн. — Он больше не участвует ни в каких международных турнирах в манеже для выездки. Но дома он — высший класс. Если эта дуреха заставит своего старика раскошелиться, я позабочусь о том, чтобы лошадь никогда не дошла до турнира. Как всегда...

Сотрудники отдела К-2 какое-то время гадали, зачем Изабель Керстнер записывала эти разговоры. Более серьезными оказались другие видеодоказательства, которые Пия и Боденштайн выудили из тайника под полом.

— Поставьте следующий DVD-диск, — попросил Боденштайн своих коллег.

В эпизодах этого фильма фигурировала постель в спальне Изабель, но с другого ракурса. Очевидно, камера, как обычно, находилась в шкафу, в который Ягода так недоверчиво заглядывал. На втором диске вновь было зафиксировано горизонтальное усердие молодой женщины, причем с различными мужчинами, которых Боденштайн и его коллеги не знали. Но когда на втором диске появился четвертый мужчина, ситуация изменилась. В большой переговорной комнате воцарилось недоуменное молчание.

— Бог мой! — Пия первой обрела дар речи. — Этого не может быть.

— Невероятно, — сказал Боденштайн.

Они обменялись взглядами. Внезапно все изменилось. Дело обрело новые, более значительные масштабы.

— Что вы хотите? — Директор уголовной полиции Генрих Нирхоф снял очки для чтения и с непониманием посмотрел на Боденштайна.

— Я убежден, что самоубийство Гарденбаха и убийство Изабель Керстнер связаны между собой, — сообщил Боденштайн. — Гарденбаха шантажировали с помощью сексуального видео.

— Прекратите! — Директор уголовной полиции Нирхоф поднялся со своего места за письменным столом и энергично покачал головой. — Вы ведь знали этого человека лучше, чем я, Боденштайн! Гарденбах был образцом нравственной чистоты! При всем своем желании я не могу представить, что какой-то... по стельной историей он мог поставить под удар свою карьеру и свои политические амбиции!

Боденштайн наблюдал за шефом, который нервно ходил по кабинету. Для него не было неожиданностью, что Нирхоф отклонил определение на производство обыска в кабинете и частном доме Гарденбаха. Директор уголовной полиции вообще хотел избежать негативной огласки дела. После самоубийства Гарденбах был произведен прессой в ранг святого.

Неприятные правдивые сведения повлекли бы за собой большие проблемы.

— Господин доктор Нирхоф, — приготовился Боденштайн к новой атаке, — Гарденбах был впутан в какое-то сомнительное дело. Мы узнали, что отдел по борьбе с экономическими преступлениями ведет следствие по делу Ганса Петера Ягоды и его публичной кампании. Нам также известно, что это расследование пару недель назад было прекращено из-за отсутствия доказательств. И прокурором, который выдал соответствующее постановление, был Гарденбах. Все, что мне нужно, это доказательства того, что он был замешан в деле и...

— Но это всего лишь неопределенные предположения! — резко прервал его Нирхоф. — Представьте себе, что случится, если вы и ваши люди *post mortem*^[11] опорочите имя Гарденбаха, ваши подозрения в дальнейшем окажутся ложными! Как мы тогда будем выглядеть? Человек не может больше защититься от ваших обвинений.

— Так как он предпочел предварительно выстрелить себе в рот, — возразил спокойно Боденштайн. — Гарденбах покончил с собой, поскольку знал, что его карьере придет конец, если выяснится, что он препятствовал расследованию. Уклонение от наказания должностного лица, воспрепятствование органам правосудия, коррупция со стороны должностных лиц...

Нирхоф глубоко вздохнул.

— Подумайте о его семье. Такие обвинения повредят репутации супруга и отца.

— Да, — согласился Боденштайн, — причем в значительной мере. Я тоже сожалею, но не могу ничего изменить. Мне нужны доказательства того, что Гарденбаха шантажировали, так как я хочу уличить в этом шантаже Ягodu. Женщина, которая была в постели с Гарденбахом, убита, и моя задача — расследовать это убийство.

Нирхоф явно почувствовал неловкость и стал изворачиваться. Он опять сел за письменный стол и стал разглядывать DVD-диск, который Боденштайн положил перед ним, с таким недоверием, как будто тот в любой момент мог превратиться в таракана.

— Гарденбах был не только товарищем по партии и многолетним соратником премьер-министра и министра внутренних дел, они были также хорошими друзьями в жизни, — сказал он и нарисовал собственный сценарий ужасных событий в мрачных красках: — Если ваши предположения окажутся несостоятельными, Боденштайн, пресса меня с наслаждением растерзает. Премьер-министр и министр внутренних дел обвинят меня в том, что я после случившегося опорочил имя Гарденбаха, чтобы сделать себе имя. Считайте меня мертвецом, если я дам вам сейчас разрешение действовать наобум.

«Ах, вот откуда ветер дует. Трус», — подумал Боденштайн, но его лицо оставалось непроницаемым. Нирхоф тоже стремился к высшим сферам, но при этом, с его политической позицией, в настоящее время у него вообще не было шансов перебраться в Висбаден^[12]. Может, он рассчитывает на пост начальника окружного управления?

— Вы должны это выяснять иным способом, — решительно покачал головой Нирхоф. — Вы не будете производить никакого официального обыска. Дискуссия окончена.

— Вы ведь можете сказать, что я самовольно добился судебного решения, — предложил Боденштайн.

Мимолетный проблеск надежды озарил лицо Нирхофа, но тут же вновь надвинулись грозные облака.

— Чтобы мне сказали, что я не знаю, что происходит в моем ведомстве? Забудьте об этом!

Боденштайн посмотрел на часы.

— Мы не можем больше ждать. Следы остывают. Я хотел бы поговорить с вдовой Гарденбаха. Если она что-то знает, нам не потребуется определение о производстве обыска.

Нирхоф боролся с собой.

— Расследованием смерти Гарденбаха занимается Управление уголовной полиции земли Гессен, — напомнил он руководителю отдела К-2 и поднял обе руки. — Если вы будете разговаривать с фрау Гарденбах, то рискуете нарваться на неприятности. В любом случае я ничего не знаю.

Боденштайн понимал, что на данный момент ему больше нечего ждать. Он поблагодарил Нирхофа за беседу, поднялся и вышел из кабинета.

Карин Гарденбах, вся в черном и с отсутствующим видом, сама открыла дверь выложенного клинкером бунгало. Она не могла вспомнить Боденштайна и Пию. Шок, вызванный сообщением о самоубийстве ее мужа в воскресенье, отозвался у нее провалом памяти, и она сначала приняла обоих за свидетелей Иеговы, которые обычно ближе к вечеру любят у дверей дома вести беседы о Библии. Только после того, как Боденштайн показал свое удостоверение, ее недоверие исчезло и она предложила им войти. В глубине бунгало появились две девочки-подростка с робкими бледными лицами, и Боденштайн понял, что Гарденбах своим самоубийством навсегда и безвозвратно разрушил загородную идиллию благополучной семьи. Лицо фрау Гарденбах прорезали глубокие складки. Женщина, которая в течение всей супружеской жизни была предана своему добропорядочному мужу, казалась столь удрученной горем и такой беспомощной, что ее можно было сравнить с матросом, который встал за штурвал после того, как капитана выкинуло во время шторма за борт. Боденштайн испытывал глубокое сожаление по поводу того, что был вынужден еще глубже будоражить жизнь, которая и без того пошла наперекосяк.

— Как вы? — сочувственно осведомился он после того, как они принесли свои извинения за беспокойство и обменялись формальными любезностями. Фрау Гарденбах провела их в гостиную, которая отражала обывательскую безукоризненность человека, который еще недавно жил здесь. Рустикальная дубовая мебель, старомодная тумба под телевизором, громоздкий буфет, фикус.

— Нормально. — Фрау Гарденбах мужественно улыбнулась, соблюдая правила приличия. — Садитесь, пожалуйста.

Боденштайн и Пия присели на диван, который наверняка использовался только по праздникам. Фрау Гарденбах села в кресло, неудобно расположившись на самом его краю.

— Чем я могу вам помочь? Я думала, что расследованием по делу моего мужа занимается Управление уголовной полиции земли.

— Это верно, — кивнул Боденштайн, — мы расследуем одно убийство, однако все сводится к тому, что самоубийство вашего мужа может быть связано с нашим случаем.

— Вот как? — подняла брови фрау Гарденбах.

— Фрау Гарденбах, — Боденштайн немного наклонился вперед, — не изменился ли ваш муж каким-то образом в последние недели? Не создалось ли у вас впечатление, что его что-то тяготило?

— Меня уже спрашивали об этом люди из Управления уголовной полиции земли, — пожала плечами фрау Гарденбах. — Я не замечала ничего такого. Он вел себя как обычно. Пока... пока он...

Она запнулась и сделала неопределенное движение рукой.

— Он оставил прощальное письмо? — спросила Пия.

Фрау Гарденбах замялась, затем опустила голову. Боденштайн и Пия обменялись быстрыми взглядами.

— Вы знаете, почему он лишил себя жизни? — тихо спросил Боденштайн.

Женщина подняла голову и пристально посмотрела на него. Потом она обернулась, желая удостовериться, что девочек нет поблизости и они не слышат разговор.

— Я хочу продать дом и уехать отсюда, — произнесла она с решительностью, к которой сама еще не привыкла. — Все было ложью.

Она встала, подошла к окну, скрестив руки на груди, и повернулась к ним спиной.

— Я выросла в строгой католической семье, — сказала она сдавленным голосом. — всю свою жизнь я твердо верила в определенные ценности и имела свои представления о морали. Мой муж был членом совета церковной общины, членом родительского совета школы, состоял в правлении гимнастического союза. Он был строг по отношению к себе, ко мне и к нашим детям, но он был справедлив. Все роли у нас были четко распределены, и это было для меня в порядке вещей. Я доверяла своему мужу, верила в него. И сейчас он просто оставил меня в одиночестве.

Она повернулась. В ее голосе слышалась нотка горечи.

— Он не оставил мне никакого прощального письма. Ничего. Никаких объяснений. Он пошел утром прогуляться, как всегда перед завтраком и посещением церкви. А потом просто... застрелился. — Фрау Гарденбах расправила плечи. — Я не могу здесь больше оставаться. Я не могу больше выносить взгляды людей. Позор.

— Мы предполагаем, что ваш муж подвергался шантажу, — сообщил Боденштайн.

— Шантажу? — Фрау Гарденбах заставила себя улыбнуться вымученной улыбкой. — Что за ерунда? Вы же его знали. Он всегда был корректен и абсолютно прямолинеен. Чем же тогда шантажировали моего мужа?

— Вашего мужа втянули в какое-то дело, — осторожно сказал Боденштайн. — Мы нашли достаточно компрометирующие видеозаписи с участием его и одной молодой женщины.

— Как вы можете такое утверждать? — Голос вдовы Гарденбах звучал недоверчиво. Она опять села.

— Мы думаем, — вмешалась Пия, — вашего мужа шантажировали именно с помощью этого фильма, требуя не давать хода важным документам, касающимся мошенничества, что привело бы к срыву всего расследования. Возможно, он боялся, что все раскроется, и не мог больше жить с этим страхом. Скорее всего, это и стало причиной его самоубийства.

Когда Пия замолчала, воцарилась мертвая тишина. Фрау Гарденбах с трудом сохраняла остатки самообладания.

— Мой муж заставил меня глубоко страдать, так как собственноручно лишил себя жизни, — прошептала она, — но он никогда, ни разу не подвергался шантажу. И никогда не изменял мне с другой женщиной. Это простая подтасовка.

— Мы не заинтересованы в том, чтобы нанести ущерб репутации вашего мужа, — ответил Боденштайн. — Речь идет о расследовании убийства, в котором замешан мужчина. И мы предполагаем, что он также шантажировал вашего мужа. Мы ищем документы, которым ваш муж, возможно, не дал хода. Он мог хранить эти документы здесь, в вашем доме.

Фрау Гарденбах разрывалась между глубоко засевшим в ней принципом, в соответствии с которым она считала себя обязанной помочь полиции и правоохранительным органам, и желанием навсегда сохранить образ мужа таким, каким она его себе слепила при его жизни.

— Вы не могли бы поискать в кабинете вашего мужа? — попросила Пия женщину, но та с возмущением отказалась выполнить эту наглую просьбу.

— Я бы никогда не стала шарить в письменном столе моего мужа, — ответила фрау Гарденбах глухим голосом. — Никогда. Я не верю всему этому. Наверное, вам сейчас лучше уйти.

Боденштайн кивнул и поднялся.

— Спасибо, что уделили нам внимание. — Он вытащил из внутреннего кармана своего пиджака DVD-диск и положил на стол в гостиной. — Это доказательство того, что мы вам сказали правду, какой бы тяжелой она ни была. Если вашего мужа действительно шантажировали, мы не будем трезвонить об этом повсюду.

Фрау Гарденбах отвела взгляд.

— Вы сами найдете выход, — прошептала она. — Идите. Оставьте нас в покое.

Едва они сели в машину, как зажужжал мобильный телефон Боденштайна. Это был Лоренц, который сообщил ему, что какая-то фрау Дёринг ждет его у него дома.

— Что с фрау Дёринг? — с любопытством спросила Пия.

— Она ждет меня у меня дома. — Боденштайн включил зажигание. — Вы поедете со мной? Мне интересно, что она хочет.

— Мне бы надо перед этим быстро отвести моих лошадей в конюшню и накормить. — Пия посмотрела на часы. — Это не займет много времени. Правда, моя машина все еще стоит у комиссариата.

— Я помогу вам с кормежкой, — предложил Боденштайн, — а потом отвезу вас в Хофхайм, чтобы вы забрали свою машину.

— Если это вас не затруднит, — обрадованно улыбнулась Пия.

— Абсолютно нет, — улыбнулся Боденштайн. — Я уже несколько лет не кормил лошадей.

Пия подсказывала своему шефу путь. Они съехали с трассы А66 и проехали под автобаном к асфальтированной полевой дороге, которая вела в Биркенхоф. Боденштайн подождал, пока Пия выйдет из машины, чтобы открыть ворота, и проехал вдоль посыпанного щебнем въезда, обсаженного высокими березами. Справа располагалась небольшая площадка для верховой езды, слева — аккуратно огороженный выгон, у ворот которого ждали, прядая ушами, две лошади. Оливер припарковался перед домом под большим ореховым деревом, вышел из машины и огляделся по сторонам. Территория была огромной. В обросшей плющом бывшей псарне толкались морские свинки, дальше на большом лугу свободно бродили утки и гуси. Боденштайн не спеша побрел навстречу своей коллеге, которая уже с обеими лошадьми шла вдоль въезда.

— Внушительные владения. — Боденштайн взял у нее одну из лошадей. — Сколько вы уже здесь живете?

— Десять месяцев. — Пия открыла оба бокса, и лошади прошли внутрь. — Это было счастливое стечение обстоятельств. Предыдущий владелец оказался довольно пожилым человеком, его дети жили за границей, а я скопила достаточно денег, чтобы купить участок земли и хозяйство. Правда, все пребывало в запущенном состоянии. Я опасалась, что в

ближайшие годы мне придется вкладывать каждый цент в ремонт и отделочные работы.

Лошади вытягивали морды через открытые низкие двери и внимательно следили за тем, что делала Пия в фуражнике. Через некоторое время она вернулась с двумя ведрами.

— Это для рыжей, — объяснила она, — а другое — для гнедой.

Боденштайн взял ведра и дал корм лошадям, как было сказано. Пия положила каждой из лошадей по четверти кипы сена под водопойное корыто, и на этом работа была завершена.

— Красивые лошади, — констатировал Боденштайн.

— Гнедую мы покупали вместе с мужем, когда она была еще жеребенком, — улыбнулась Пия. — Другая — семилетка, но, к сожалению, она непригодна для соревнований после того, как повредила бабку сухожилия. Мы ее купили потому, что у нее прекрасная родословная. Они обе беременны.

— Тогда на следующий год будет двойной прирост, — подмигнул Боденштайн.

— Если все пройдет гладко. — Пия с любовью наблюдала за лошадьми, которые с жадностью набросились на овес в кормушке.

— А что ваш муж? — спросил Боденштайн.

Пия подняла голову и посмотрела на шефа. Улыбка исчезла с ее лица.

— Мой муж? А что он?

— Не скучает по лошадям?

— Нет, — коротко ответила Пия и посмотрела на часы. — Ну, здесь все. Мы можем ехать.

Боденштайн понял, что его коллега не настроена говорить о своем супруге.

— Во всяком случае, вы не можете пожаловаться на недостаток работы, — сказал он, когда они шли назад к машине.

— Определенно нет, — подтвердила Пия и вновь улыбнулась. — Но мне это нравится. После шестнадцати лет, проведенных в шикарных, смертельно скучных и стерильных городских квартирах, я наконец могу выгребать лошадиный навоз и копать руками в земле. Я больше никогда не хотела бы жить по-другому.

Дом Боденштайна располагался в одном из лучших жилых районов Келькхайма. На первый взгляд он казался невзрачным бунгалом, но впечатление обманчиво: они вошли в просторный холл с галереей на первом этаже. Дом был довольно большой. Пара ступеней вела вниз, в просторную гостиную с прекрасным панорамным видом через сад на весь Келькхайм и Фишбах. В холле появился молодой человек с короткими темными волосами и в довольно грязной футболке, сопровождаемый псом, достававшим юноше до колена. Собака радостно бросилась к Боденштайну, словно он вернулся из кругосветного путешествия.

— Привет, Лоренц, — обратился Боденштайн к молодому человеку. — Спасибо, что позвонил. Разреши представить тебе Пию Кирххоф, мою новую коллегу. Фрау Кирххоф, это Лоренц, мой старший сын.

Молодой человек примерно двадцати двух лет улыбнулся и подал Пие руку. У него было симпатичное, чуть насмешливое лицо, и через пару лет он, пожалуй, будет очень похож на отца.

— Извините меня за мой внешний вид, — сказал Леренц. — Я купил себе английский ретроавтомобиль, и он требует приложения определенных усилий.

— Надеюсь, ты не притащил фрау Дёринг в гараж, — пошутил Боденштайн.

— Нет, — усмехнулся молодой человек. — Она в кухне. Мы беседовали.

— Хорошо. Спасибо, — кивнул Боденштайн.

Пия последовала за ним в просторную кухню, в которой даже готовка доставила бы ей удовольствие. За кухонным столом сидела фрау Дёринг, держа перед собой стакан воды.

— Извините, что я беспокою вас дома... — Она хотела было встать.

— Ничего страшного, — улыбнулся Боденштайн. — Сидите, пожалуйста.

Они с Пией также сели за стол.

— В компьютере моего мужа я наткнулась на одно сообщение, — начала Анна Лена Дёринг, — и почти уверена, что оно имеет какое-то отношение к исчезновению дочери доктора Керстнера. Морис Браульг — деловой партнер моего мужа в Бельгии, и я знаю, что он часто проворачивает весьма сомнительные сделки. Ему принадлежат грузовики, на которых в Германию контрабандой доставляется передекларированная британская говядина.

— Так... — Внимание Боденштайна мгновенно пробудилось. Он смутно помнил, что имя Морис он уже сегодня где-то слышал.

— Вот. — Анна Лена Дёринг протянула ему лист бумаги. Она сидела на краешке стула как изваяние и, чувствовалось, была напряжена. Ее пальцы были сцеплены, макияж смазался, а глаза покраснели и опухли. Женщина явно плакала. Боденштайн перевел взгляд с нее на лист бумаги. Это была распечатка сообщения, полученного по электронной почте.

Привет, Фред. Куколка прибыла благополучно. Отъезд производился через Бордо, как и планировалось, и уже состоялся. Является ли местопребывание окончательным? Клиенты в США, как и прежде, имеют наибольший интерес! Срочно сообщи мне. Маршрут еще можно изменить.

Морис.

Боденштайн передал листок Пие. Мейл был отправлен двадцать шестого августа, в пятницу, то есть за сутки до смерти Изабель. На следующий день после обеда Изабелле сказала своему мужу, что их дочь находится в таком месте, где он никогда ее не найдет.

— Почему вы пришли к выводу, что этот мейл имеет какое-то отношение к ребенку? — спросил Боденштайн.

Анна Лена Дёринг посмотрела на него долгим взглядом.

— Я знаю достаточно много о делах моего мужа, — тихо ответила она наконец. — Его транспортно-экспедиционное агентство осуществляет поставки по всему миру в большом объеме, чем это известно официально. В этих кругах принято называть женщин куклами и, соответственно, девочек — куколками. Изабель с помощью моего мужа отправила свою дочь куда-то за границу, и я боюсь, что ее продадут людям из США, которые хотят взять приемного ребенка.

В течение какого-то времени Боденштайн и Пия не могли проронить ни слова.

— Фрау Дёринг, — Пия наклонилась вперед, — если ваш муж участвует в криминальных махинациях и вам об этом известно, вы должны об этом сказать. Иначе вы совершаете уголовно наказуемое деяние как осведомленное лицо.

Мимолетная безрадостная улыбка скользнула по ее лицу.

— Вы ведь знаете моего мужа, — возразила она. — Он не замедлит расправиться со мной, если будет опасаться, что я расскажу полиции о его делах. Для него человеческая жизнь не представляет особой ценности.

— Но...

— Я его боюсь, — прошептала Анна Лена. — Но я не хочу, чтобы Миха потерял свою дочь. Я вернулась к мужу только затем, чтобы иметь что-нибудь на руках против него. Если

он попытается причинить мне зло, я использую против него то, что мне о нем известно.

— Мы не станем делать ничего, что могло бы подвергнуть вашу жизнь опасности, — убедительно заверил Боденштайн.

— И все-таки, — Анна Лена печально кивнула и опустила глаза, — если понадобится, вы это сделаете. Когда вы найдете убийцу Изабель, у вас появится новое дело и вам уже будет все равно, что произошло со мной.

Фрау Дёринг замолчала и прикусила нижнюю губу. В ее глазах заблестели слезы.

— Я должна идти. — Она встала. — Спасибо, что уделили мне время.

Боденштайн проводил ее до двери и через некоторое время вернулся назад.

— «Морис», — сказала Пия. — Это имя упоминал Ягода в одном из записанных разговоров.

— Верно, — задумчиво кивнул Боденштайн. — Появляется все больше фрагментов пазла, а дело целиком пока обозревается с трудом. На правильном ли мы пути вообще?

— Думаю, да. — Пия уперлась подбородком в руки. — Во-первых, мы ищем убийцу Изабель Керстнер, но я думаю, что каким-то образом все связано. Проблема заключается в том, что число подозреваемых увеличивается практически с каждым часом. Ягода, Кампманн, теперь еще Гарденбах...

— Гарденбах? — удивленно переспросил Боденштайн.

— Да. Вы не думали о том, что он имел серьезный мотив? Уже тот факт, что он спал с Изабель, делает его потенциальным подозреваемым. Прокурор мог бояться за свою карьеру. Возможно, он сначала убил ее, а затем застрелился сам.

— Я вас умоляю, фрау Кирххоф!

— Такое уже случалось, — ответила Пия. — У Гарденбаха были честолюбивые планы. Он хотел стать министром юстиции, после этого, возможно, даже федеральным прокурором. У него была семья, безупречная биография и очень много всего того, что можно потерять. В подобной ситуации и не такие становились убийцами.

— Возможно, он совсем ничего не знал об этих киносъемках, — размышлял Боденштайн.

— Совершенно определенно он знал. И совершенно точно этот фильм уже достиг своей цели, — заверила Пия. — Мой деверь что-то рассказывал о препарате, разрешенном к применению. Для Ягоды сейчас на карту поставлено все. Он должен успокоиться, по крайней мере, до тех пор, пока этот препарат не появится на рынке — и таким образом спасет фирму.

Боденштайн бросил на коллегу одобрительный взгляд:

— Логично.

— В любом случае Ягода, а не Дёринг распорядился перетрясти квартиру в поисках этих DVD-дисков, — сказала Пия. — Насколько я понимаю, у него был очень серьезный мотив.

— Но и алиби тоже, — возразил Боденштайн. — У него были гости, которые совершенно точно могут свидетельствовать, что он весь вечер провел дома.

— Конечно, — подтвердила Пия. — Убил он ее тоже не сам. Но даже из-за одного только шантажа, факт которого можно доказать с помощью DVD-дисков и записанных телефонных разговоров, мы должны получить ордер на его арест.

— Нет, — вздохнул Боденштайн, — этого недостаточно. У меня пока не все состыковывается. Действительно ли он искал этот диск? Или совсем другой?

Они растерянно посмотрели друг на друга.

В кухню вошел Лоренц в сопровождении собаки. Очевидно, парень принял душ, так как его волосы еще блестели от влаги. На нем была чистая рубашка и свежие джинсы.

— А где Роза? — спросил Боденштайн.

— Послушай, папа, — молодой человек покачал головой, — честно говоря, иногда я по-настоящему боюсь за тебя. Разве ты не отвозил ее сегодня утром в школу? Ты не помнишь, что у нее с собой была дорожная сумка?

— Ах да! — Боденштайн скорчил гримасу. — У нее экскурсия с классом.

Лоренц улыбнулся.

— Я иду за пиццей. Может, вам тоже что-нибудь принести?

— Вы уже ели что-нибудь сегодня? — поинтересовался Боденштайн у своей коллеги.

Внезапно Пия почувствовала, насколько пуст ее желудок. С утра она съела только сэндвич, а в обед — «Твикс». Этого было явно недостаточно.

— Немного, — ответила она. — Но я не хочу доставлять вам хлопот.

— Мне это не сложно, — уверил ее Лоренц фон Боденштайн. — Так что?

— Мне салат и пиццу с тунцом, — сказал Оливер. — А вам, фрау Кирххоф? Я вас угощаю.

— Ну, тогда, — она улыбнулась, — тоже салат и пиццу с анчоусами и чесноком. Если уж грешить, то основательно.

Боденштайн достал из холодильника воду и отправился в погреб за бутылкой вина. Пия, оставшись в кухне одна, огляделась по сторонам. На стене висели сушеные травы, на полу стояли миски для собаки, на подоконнике — стопка кулинарных книг, а на магнитно-маркерной доске в несколько слоев размещались различные почтовые открытки, билеты в кино и всевозможные записочки. Стену над столом украшала чудесная акварель, изображающая ландшафт Прованса. Здесь жила счастливая семья. Невольно Пия вспомнила свою холодную, всегда идеально убранную кухню в стиле «хай-тек» во франкфуртской квартире. Хеннинг не хотел ни детей, ни домашних животных, не терпел ярких красок и беспорядка, поэтому их дом с минималистическим интерьером всегда был безликим. Совершенно внезапно Пия поняла, что она слишком долго тянула с разводом. Она тоже хотела иметь такую кухню, как эта, уютный живой беспорядок, корзинку на столе с темно-коричневыми бананами, собачьи волоски в углах комнаты и гору обуви перед дверью в гараж.

— Кстати, вы можете спокойно курить, — сказал вдруг Боденштайн, неожиданно появившись сзади, и она испуганно вздрогнула.

— Нет-нет, — быстро ответила Пия. — В доме, где не курят, я могу воздержаться.

— Моя жена дымит как фабричная труба, — усмехнулся Боденштайн. — Где-то была пепельница.

Он выдвинул несколько ящиков, прежде чем нашел штопор. В кухню вошла кошка, быстро огляделась и, сделав элегантный прыжок, оказалась на коленях Пии.

— Это Багира, — объяснил Боденштайн и достал из навесного шкафа по три бокала для вина и воды. — Она здесь хозяйка. Моя жена любит из каждой своей поездки привозить нечто, нуждающееся в постоянном уходе. Багира, если я не ошибаюсь, из Монголии.

— Понятно, — улыбнулась Пия и погладила кошку, которая, мурлыча, уютно устроилась у нее на коленях.

— Вы любите кошек? — Оливер стянул с себя галстук, налил вина и сделал глоток.

— Я люблю всех животных, — ответила Пия. — Я бы с удовольствием завела себе собаку. Но пока меня целыми днями нет дома, это невозможно. Кошки самостоятельны, а для собаки нужно больше времени.

— Да, время требуется определенно. — Боденштайн подвинул к ней бокал. — Мы себе позволяем этот наш зверинец только потому, что наши дети еще живут здесь. Козима в основном целыми днями находится на своей фирме.

— На своей фирме?

— Десять лет назад она создала свою собственную фирму по производству фильмов и делает документальные картины, которые снимает сама со своей командой. Причем в таких местах, о существовании которых я раньше и не подозревал. Ваше здоровье!

Боденштайн и Пия чокнулись.

— Новая Гвинея, Монголия, Таджикистан, Суматра. — Он вздохнул и криво улыбнулся. — Невероятно.

— Это наверняка интересные и волнительные рассказы, — вздохнула Пия.

— Не для меня, — возразил Боденштайн. — Я, скорее, простой обыватель, и мне привычнее рутина. Для Козимы же это смерти подобно. Лоренц пошел по ее стопам. Он сейчас как раз стажуется на телевидении и уже пару раз был вместе с матерью в экспедиции. У Розали, скорее, мои интересы. В следующем году она заканчивает школу и хочет поступать на юридический.

— А я совершенно не знаю, каковы мои предпочтения. Раньше я всегда хотела посмотреть большой мир, потом два семестра отучилась на юридическом и поняла, что это не мое. В двадцать два года я поступила в полицию, и мне это очень нравится.

— Вы ведь семь лет не работали. Почему? — осведомился Боденштайн. Он осознавал, что вторгается в очень личную сферу жизни своей коллеги, но любопытство взяло верх.

— Так захотел мой муж. — Пия гладила Багиру за ушами. — Он хотел иметь домашнего сверчка для дома и плиты.

— Но это все не про вас. — Боденштайн внимательно посмотрел на нее.

— Мне потребовалось довольно много времени, чтобы самой это понять, — не задумываясь сказала Пия. — Но сейчас у меня все в порядке.

— Остерманн должен завтра заняться этим Морисом. Я хочу знать, кто этот человек и где мы его можем найти. Кроме того, он должен выяснить, какие рейсы из Бордо были в эту пятницу. Может быть, в списке пассажиров будет какая-нибудь ссылка на ребенка.

— У Дёринга рыльце в пушку, и его жене это известно. — Пия закурила сигарету. — Но она не хочет ничего говорить, так как опасается своего мужа.

— И не напрасно, сказал бы я. Дёринг умеет внушать страх. — Боденштайн откинулся назад. — Хотя мы и нарыли массу вещей, которые, без сомнения, являются противоправными и даже криминальными, но, к сожалению, расследование нашего дела вряд ли продвинулось хотя бы на миллиметр.

Первый визит в это утро Боденштайн нанес старшему прокурору. Он намеревался добиться получения ордера на арест Ганса Петера Ягоды, прежде чем предъявить ему видеофильмы и записи телефонных разговоров. Прокурор колебался, пока Оливер не пояснил, что в деле замешан его высокопоставленный коллега и в связи с этим история обрела совсем иную силу действия.

— Если Ягода узнает, что нам известно, — сказал он, — то он не будет молча ожидать наших дальнейших действий. Я пока не в курсе, как все это связано, но уверен, что Ягода шантажом, с помощью этих фильмов сексуальной направленности, хотел расчистить себе путь. В отношении его фирмы началось следствие, но внезапно все заявления были отозваны.

Это было непросто, но Боденштайну все же удалось убедить прокурора, что Ягода, находясь на свободе, может существенно помешать расследованию.

Записи, которые Изабель Керстнер делала в своей записной книжке, выглядели как короткий дневник. Очевидно, для определенных имен она изобрела условные обозначения, так как книжка была полна постоянно повторяющихся символов, завитков и комбинаций букв. Ее телефонная книга была практически не зашифрована, при этом она, правда, часто опускала имена или фамилии. Старший прокурор Гарденбах фигурировал как «Гарди». Изабель записала номера его служебного и мобильного телефона. За последние полгода она встречалась с ним девять раз. К сожалению, записи прекратились за четыре дня до ее смерти, так что непонятно, знала ли она о встречах, как это было с Ягодой в субботу вечером, заранее или все происходило неожиданно. Из компании «Телеком» тем временем были получены полные выписки со счета ее мобильного телефона, осталось дожидаться еще профиля перемещения телефона. Легко дешифровывались денежные суммы, которые Изабель Керстнер педантично записывала. В пятницу, девятнадцатого августа, она получила от Кампманна три тысячи евро, а в июле ее вознаграждение от некоего «\$» в целом составило двадцать четыре тысячи евро. Вскоре удалось выяснить, что обозначение «\$» относилось к Гансу Петеру Ягоде, так как именно от него регулярно начиная с апреля поступало большинство наиболее крупных платежей.

— В период с марта до середины августа она получила от Ягоды семьдесят восемь тысяч евро, — сообщил Андреас Хассе после сложения всех зафиксированных платежей.

— И ей этого было недостаточно, — заметил Венке. — Такая алчная маленькая дрянь!

— Во всяком случае, она сразу же купила себе «Порше», — сказал Хассе. — Мелочь, учитывая заработок.

Боденштайн слушал вполуха и одновременно перебирал фотографии, которые они обнаружили в тайнике под полом. Он рассматривал старые снимки, где Изабель была еще ребенком. На них были изображены мужчина лет пятидесяти в роговых очках, привлекательная женщина, полноватый молодой человек и маленькая девочка. На обороте детским неразборчивым почерком было написано: «Папа, мама, Валентин и я — 1981». Были фотографии лошадей с Изабель и без нее, старые и новые фотографии смеющихся людей, инструктора по верховой езде Кампманна, запечатленного с очень важным видом, и другая его фотография в кругу захмелевшей от пива компании в баре комплекса; фотографии

доктора Керстнера, который с гордой улыбкой держит на руках светловолосого маленького ребенка, и целая серия нерезких крупнозернистых черно-белых фотографий, на которых были изображены полная женщина и мужчина в костюме и с галстуком. На нижнем поле фотографий дата — «19 апреля 1997 г.». Внезапно Боденштайн вздрогнул, как будто его ударило электрическим током.

— У нас есть лупа? — взволнованно спросил он.

— Где-то была. — Катрин Фахингер вскочила и через минуту вернулась с увеличительным стеклом.

— Что там? — поинтересовалась Пия.

Не ответив, Боденштайн склонился над черно-белыми фотографиями, которые он разложил перед собой на поверхности стола, и напряженно исследовал их с помощью лупы. Затем он выпрямился.

— Вы узнаете этого мужчину? — спросил он своих сотрудников, передвинув снимки по столу ближе к ним.

Пия, Остерманн, Бенке, Хассе и Катрин Фахингер стали рассматривать фотографии.

— Это Гарденбах, — сразу определил Франк Бенке.

Боденштайн медленно кивнул:

— Но кто эта женщина? И как эти фотографии попали к Изабель?

— Позвольте узнать, что это за фотографии? — осторожно спросил Бенке.

— Я еще точно не знаю, — ответил главный комиссар.

В этот момент вошел курьер из суда и принес ордер на арест.

— Пойдемте, фрау Кирххоф, — сказал Боденштайн. — Сейчас мы навестим нашего друга Ганса Петера Ягоду.

Ягоды не было в офисе, но дама в приемной, более осведомленная, чем та, что была накануне, сообщила, что в первой половине дня его можно застать дома, в Кронберге. Дом Ганса Петера Ягоды оказался, как ни странно, обычным бунгало с четырехскатной крышей и коваными решетками на окнах. Правда, располагался он на достаточно большом участке земли, который имел размеры поля для гольфа и был столь же тщательно ухожен. Входную дверь открыла женщина лет тридцати пяти. Ростом почти с Боденштайна, она была не просто полная, а скорее жирная. В молодости она, вероятно, считалась привлекательной, но теперь контуры ее лица заплыли слоем жира. На ней были клетчатые бриджи для верховой езды и напоминающая палатку темно-зеленая рубашка поло с надписью «Гут Вальдхоф». Ее блестящие темные волосы были заплетены в косу. Боденштайн сразу вспомнил о презрительных комментариях на кассете с автоответчика Изабель Керстнер. Ягода сказал о своей жене «жирная курица», и Изабель сразу же назвала ее «моржом».

— Вы фрау Ягода? — вежливо спросил Боденштайн. Когда она кивнула, он представился и представил ей Пию Кирххоф. Женщина смерила Пию пронизывающим взглядом с ног до головы, а на Боденштайна, напротив, взглянула лишь мельком, без малейшего интереса.

— Мы бы хотели поговорить с вашим мужем. Он дома?

— Зачем он вам нужен?

— Нам необходимо поговорить именно с *ним*. — Боденштайн не собирался раскрывать ей свои карты.

— Подождите здесь. — Фрау Ягода наконец отступила назад. — Я позову его.

Она оставила дверь открытой, повернулась и тяжело зашагала в глубину дома.

— Настоящая валькирия, — заметил пораженный Боденштайн.

— Нечто гротескное, — пробормотала Пия, представив хрупкого Ганса Петера Ягоду рядом с этим подобием женщины.

Боденштайн с любопытством рассматривал интерьер. Стены из бутового камня и мощные деревянные балки производили впечатление сельского дома, с которым совсем не сочетались светлый пол из гранита и тонкие провода низковольтного галогенового освещения. Мебель в деревенском стиле мать Боденштайна уничижительно обозначила бы как «гельзенкирхенское барокко», хотя она стояла явно недешево.

Через несколько минут появился Ягода. Сегодня на нем был не тонкий джемпер, а пропитанная потом серая футболка с белыми спортивными брюками.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Чем обязан?

Его жена со свирепым выражением лица возвышалась за ним, как гора плоти. Она была выше своего мужа на целую голову.

— Мы бы хотели поговорить без свидетелей, господин Ягода, — сказал Боденштайн.

— Конечно, — кивнул тот. — Пройдемте в мой кабинет.

Они были вынуждены протиснуться мимо фрау Ягоды, так как она не сделала ни единого движения, чтобы посторониться. Совершенно очевидно, ей не понравилось, что ее проигнорировали. Кабинет находился на тыльной стороне дома, и из него через панорамные окна открывался потрясающий вид на Таунус.

— Итак, — Ягода движением руки указал на два кресла и сам уселся за старомодный письменный стол из дуба, — что случилось?

— Вы знаете человека по имени Морис Браульт? — спросил Боденштайн и положил ногу на ногу.

— А я должен его знать?

— Предположительно, да. Вы упоминали его имя в разговоре с Изабель Керстнер.

На лице Ягоды не дрогнул ни один мускул. Он мог бы прекрасно справиться с ролью игрока в покер.

— Ах да. Морис... Его фамилии я не знаю, — сообщил он. — Что с ним?

— Мы бы хотели выяснить, кто он и какое отношение вы к нему имеете.

— Морис — француз или бельгиец. Он деловой партнер Дёринга.

— А как вы с ним связаны? — спросила Пия.

— Морис раньше владел пакетом акций «ЯгоФарм».

— Раньше. — Пия кивнула. — С каких пор он им больше не владеет?

— Какое это имеет значение?

— Когда мы вчера приходили к вам, — сказал Боденштайн, не ответив на прозвучавший вопрос, — то видели господина Кампманна, управляющего вашего комплекса, выходящим из здания фирмы. Что он там делал?

— Наша бухгалтерия занимается также расчетами конноспортивного комплекса, — ответил Ягода без запинки. — Поэтому он бывает в фирме по необходимости.

— В костюме и галстук? Может быть, у него есть еще другая должность, кроме инструктора по верховой езде?

Ягода посмотрел на Боденштайна непонимающим взглядом, но в его глазах появилось настороженное выражение.

— Почему вы так думаете?

— В прошлом он не случайно время от времени осуществлял для вас нелегальные подставные продажи ваших предъявительских акций.

— Я думал, вы занимаетесь расследованием смерти Изабель Керстнер. — Лицо Ягоды внезапно стало напряженным. — Что за вопросы вы задаете?

Взгляд Боденштайна упал на телевизор, стоявший в мебельной стенке позади письменного стола Ягоды.

— Вы можете об этом поразмышлять. У вас здесь нет случайно DVD-плеера? Мы хотели бы продемонстрировать вам один фильм.

— Пожалуйста. — Ягода пожал плечами и встал, чтобы включить телевизор и DVD-плеер.

Пия вставила диск и нажала клавишу «play». Ганс Петер Ягода смотрел фильм без явного волнения, но положение его корпуса говорило об очевидной испытываемой неловкости.

— Вы знаете кого-нибудь из этих господ? — спросил Боденштайн. — Фрау Керстнер должна быть вам очень хорошо знакома.

— Откуда у вас этот фильм? — спросил Ягода хриплым голосом.

— Это к делу не относится. — Пия поставила другой диск. На экране появилось лицо Изабель.

Сегодня воскресенье, шестое августа две тысячи пятого года, — раздался ее голос. — *Ровно девятнадцать тринадцать.*

Ягода побледнел, его взгляд прилип к экрану, и, пока Пия проматывала диск вперед, она и Боденштайн заметили, что Ягода нервно проглотил слюну. Маленькие капельки пота выступили у него на лбу, пальцы теребили шариковую ручку. Часть фильма была просмотрена без комментариев.

— Разве вы не знали о существовании этого видео? — тихо спросил Боденштайн.

Ответа не последовало.

— Вы действительно каким-то образом... гм... хотели оказать влияние на ваших клиентов и деловых партнеров с помощью такого рода компрометирующих роликов?

Молчание.

— Это вы в поисках этого DVD-диска устроили обыск в квартире фрау Керстнер, а затем, когда квартира уже была опечатана прокуратурой, вывезли оттуда всю мебель?

— Выключите, — прошептал Ягода сдавленным голосом и отвернулся. Он так сильно вспотел, что у него под мышками на серой футболке образовались темные пятна.

— Вы лгали, утверждая, что никогда не спали с Изабель Керстнер, — сказала Пия. — Почему вы не сообщили правду?

Боденштайн положил диктофон на стол и включил его.

...Я хочу еще раз увидеть тебя сегодня вечером, — раздался голос Ягоды. — *Я весь день думаю только о тебе.*

Я сегодня не могу, — возразила Изабель. — *Я занята.*

Да ладно, моя сладкая. Ты мне нужна! Меня воротит от моей старухи, этой жирной курицы. Ты сводишь меня с ума.

Боденштайн выключил диктофон. Ягода, дрожа, ловил воздух, затем закусил губу и закрыл глаза.

— Фрау Керстнер имела неделикатную привычку записывать телефонные разговоры на свой автоответчик, — усмехнулась Пия. — Мы охотно представим вам и другие диски. В них

речь идет о деньгах и об этом Морисе, который, как мы предполагаем, продавал для вас акции, так как вы не могли этого делать, будучи председателем правления «ЯгоФарм». Изабель спрятала кассеты вместе со своей записной книжкой под половицей паркета в своей квартире. Почему она это сделала? Она хотела таким образом оказывать на вас давление? Может быть, она пришла к такой идее, так как вы шантажировали ваших деловых партнеров с помощью сексуальных фильмов?

— Я на это ничего не скажу. — Ягода вновь открыл глаза. — Я бы хотел поговорить со своим адвокатом.

— Это ваше право, — кивнул Боденштайн. — Но позже. А сейчас вы поедете с нами.

— Это почему же? — Ягода, казалось, был ошеломлен.

— Фрау Керстнер шесть дней назад умерла насильственной смертью, — напомнил ему Боденштайн и достал из внутреннего кармана своего пиджака ордер на арест. — После всего, что мы услышали и увидели на этих дисках, нам представляется, что вы имеете какое-то отношение к ее смерти.

И Боденштайн предъявил Ягоде ордер.

— Но вы не можете меня арестовать! — внезапно выкрикнул тот. Его лицо стало смертельно бледным. — Вы знаете, какие катастрофические последствия это будет иметь для моего бизнеса?

— Для разнообразия вы могли бы также поговорить с нами начистоту, — предложил Боденштайн, — и ответить на наши вопросы. Что, например, связывало вас с прокурором Гарденбахом?

Ягода на пару секунд задумался, затем покачал головой.

— Я не скажу больше ни слова, — заявил он.

— Хорошо. — Оливер поднялся. — Возьмите с собой какие-то вещи. Может случиться так, что некоторое время вам придется ночевать за государственный счет.

Боденштайн приехал домой ранним вечером. Он размышлял о том, как же случилось, что такой честлюбивый и умный человек, как Гарденбах, мог впутаться в столь банальное дело, как любовная связь на стороне. Он думал о Ягоде, который во второй половине дня, проконсультировавшись со своим адвокатом, заявил, что по предъявляемым ему обвинениям не скажет ни единого слова. На вопрос о том, что связывало главного прокурора Гарденбаха с Изабель Керстнер, он также промолчал, как и на неоднократно высказанное Боденштайном предположение о том, что Изабель его шантажировала. Несмотря на резкий протест со стороны его адвоката, Ягода был помещен в следственную тюрьму. Там он должен был находиться до утра и поразмышлять о том, не лучше ли было бы сотрудничать с полицией. Бенке и Остерманн дожидались ордера на обыск в офисе «ЯгоФарм» и в частном доме Ягоды.

Боденштайн не думал, что Ягода самостоятельно осуществил убийство Изабель Керстнер. Вероятно, он его организовал, когда понял, что с лояльностью молодой женщины дело обстоит плохо. Главный комиссар был почти уверен, что она шантажировала Ягоду, но чего она при этом хотела? Еще больше денег? В любом случае она поставила Ягоду в безвыходное положение, если он пошел на то, чтобы от нее избавиться. Но где и как подстерег убийца свою жертву? Ездил ли она еще раз домой после посещения ветеринарной клиники своего мужа и конноспортивного комплекса? Была ли у нее еще какая-нибудь встреча? У Ягоды в субботу вечером она точно не появлялась, и последний телефонный

контакт, который значился на телефонном счете ее мобильного телефона, был с ветеринарной клиникой в семнадцать шестнадцать. Разговор продолжался пару секунд. Скорее всего, она выясняла, на месте ли ее муж. Кто был мистический мужчина в машине ее умершего отца, с которым она ссорилась на парковочной площадке «Макдоналдса»? Казалось просто невероятным, что кто-то специально украл автомобиль отца Изабель, чтобы на нем приехать к ней...

Внезапно Боденштайна озарила одна мысль, и он спросил себя, почему он раньше до этого не додумался.

Судя по количеству автомобилей, припаркованных на площадке перед комплексом «Гут Вальдхоф», этим ранним вечером пятницы там еще было достаточно оживленно. Боденштайн увидел канареечного цвета джип, тот самый, к которому прислонилась молодая женщина по имени Тордис, когда они беседовали на днях. Он припарковал свой «БМВ» на единственном свободном месте и не спеша пошел к конюшне, в которой, однако, не было ни души, как и в манеже. Боденштайн обошел манеж и ощутил запах жареного мяса и древесного угля. На газоне между манежем и плацем для верховой езды был установлен большой поворотный гриль. На скамейках и садовых стульях, под большими деревьями, расположились владельцы лошадей. Они пребывали в прекрасном расположении духа, беззаботно смеялись и болтали, наслаждаясь теплым осенним вечером. Казалось, они и представления не имели об аресте Ягоды. Роберт Кампманн стоял у гриля. Улыбка мгновенно исчезла с его лица, едва он увидел Боденштайна. Он поднял двухрожковую вилку для мяса, которой переворачивал стейки, как оружие, словно ждал нападения с применением физической силы.

— Добрый день, господин Кампманн, — усмехнулся Боденштайн. — Я не хочу вам мешать. Я ищу Тордис.

Инструктор по верховой езде неуверенно посмотрел на него, затем обернулся.

— Тордис! — крикнул он и махнул своей вилкой.

Боденштайн почувствовал, как при аппетитном аромате жареных стейков и колбасок сжался его желудок. Он точно выпил сегодня уже пятнадцать чашек кофе, но еще ничего не ел.

Светловолосая девушка появилась с тарелкой в руке. Когда Боденштайн посмотрел на Тордис, на ее лице промелькнула удивленная улыбка. Он тотчас опять вспомнил об Инке Ханзен.

— Добрый вечер, — поздоровалась она. — Что же вас привело сюда?

— Я хотел бы вас кое о чем спросить, — ответил Боденштайн. — Найдется секунда времени?

— Разумеется, даже две секунды.

Разговоры на лужайке стихли. Все с любопытством смотрели в их сторону.

— Давайте пройдем к конюшне, — предложил Боденштайн.

— О'кей, — кивнула Тордис, поставив свою тарелку на стол рядом с грилем. — Не сожгите мой стейк, господин Кампманн, — шутливо сказала она, но у того, кажется, пропало всякое чувство юмора, если он вообще таковым обладал. В ответ он даже не улыбнулся.

— Что случилось? — с любопытством спросила Тордис, когда они оказались в пустом дворе перед манежем.

Боденштайн внимательно разглядывал ее лицо. Если при первой встрече в сумерках на парковочной площадке он запомнил девушку просто как достаточно симпатичную, то сейчас, при угасающих, но ярких лучах осеннего солнца, он заметил блестящие светлые глаза с густыми ресницами, выраженные скулы и прелестные веснушки на очаровательном вздернутом носике. На ней была ярко-красная футболка без рукавов, которая лишь едва прикрывала пупок, и обтягивающие «вареные» джинсы. На какой-то момент Боденштайн забыл причину своего визита.

— Вы помните наш разговор о том мужчине в кабриолете «Мерседес», которого вы видели, когда он разговаривал с Изабель на парковочной площадке «Макдоналдса»? — спросил он наконец и, когда Тордис кивнула, протянул ей смятую фотографию. Это был один из снимков, обнаруженных в записной книжке Изабель. Девушка быстро посмотрела на снимок и, задумавшись, скорчила гримасу.

— Я видела этого человека мельком, — сказала она через некоторое время и подняла глаза, — но, возможно, это был действительно он. Это брат Изабель?

— Я полагаю, что да, — кивнул Боденштайн. — Фотографии, конечно, уже года два.

— Может быть, у Михи Керстнера есть более свежая фотография шурина? — предположила Тордис.

— Хорошая идея, — улыбнулся Боденштайн. — Я его спрошу.

Тордис засунула руки в задние карманы своих узких джинсов и наклонила голову набок.

— Вы не хотите что-нибудь съесть или выпить? — предложила она.

— Спасибо, но я не хочу испортить вечеринку своим присутствием, — отказался Боденштайн, хотя это было заманчивое предложение. У него потекли слюнки при одной лишь мысли о сочном стейке со сливочным маслом и пряными травами.

В этот момент во двор въехал черный «БМВ Туринг» и направился прямо в их сторону. Они чуть посторонились.

Дама, сидевшая за рулем, была стройной шатенкой чуть за сорок, в бриджах для верховой езды и сапогах. Она остановилась перед самой лужайкой, вышла из машины и крикнула:

— Привет, Тордис!

— Привет, Бабси! — ответила Тордис. — Тебя уже заждались.

— Я побывала в трех супермаркетах, пока нашла то, что нужно. — Женщина открыла багажник, достала четыре ящика с маленькими упаковками сливок и понесла их на площадку для гриля. Там ее встретили громкими аплодисментами.

Боденштайн посмотрел на машину, и ему кое-что пришло в голову.

— Кто эта женщина? — поинтересовался он.

— Барбара Конрэди, — ответила Тордис. — А что?

— У нее тоже здесь находится лошадь?

— Две.

— Она случайно не покупала недавно лошадь у господина Кампманна?

— Покупала, — ответила Тордис с еще большим любопытством. — Правда, ей изрядно не повезло. Лошадь парализовало, как только она ее приобрела.

Боденштайн задумался. По описанию женщина походила на ту, которая приезжала к Изабель Керстнер на прошлой неделе в субботу, сразу после обеда, и беседовала с ней на парковочной площадке. Что она хотела?

Если эта дуреха заставит своего старика раскошелиться, я позабочусь о том, чтобы

лошадь никогда не дошла до турнира...

Постепенно Боденштайн начал понимать, что проделывали инструктор Кампманн и Изабель Керстнер. Кампманн продавал лошадей своим клиентам, которые ему слепо доверяли, по цене, которая значительно превосходила действительную стоимость товара. Изабель, прекрасная наездница, привлекала людей, демонстрируя лучшие качества лошади, и когда сделка осуществлялась, она получала от Кампманна соответствующую сумму. Инструктор делал все возможное, чтобы покупатели не сразу заметили, какие недостатки имеют столь дорого приобретенные лошади, и зарабатывал еще дополнительно на аренде боксов, объезде и занятиях. Это были ловкие и одновременно очень коварные махинации.

— Часто Кампманн продает лошадей людям здесь, в конюшне? — спросил Боденштайн.

— Да, — подтвердила Тордис. — Почти все клиенты купили своих лошадей у него. Я, правда, никогда не стала бы этого делать.

— Так-так. А почему?

— Потому что я не хочу, чтобы он обвел меня вокруг пальца, — откровенно поведала Тордис. — Здесь, конечно, нельзя говорить об этом вслух — это было бы оскорблением его величества, но я твердо убеждена, что все лошади, которых он покупает, имеют некую проблему, которую он скрывает.

— Проблему? — переспросил Боденштайн.

— Да, — кивнула она. — Или они больны, или вышел их срок.

Это было как раз то выражение, которое Кампманн употребил в разговоре с Изабель Керстнер.

— Вышел срок... — повторил Боденштайн. — Это означает, что они не способны принимать участие в турнирах?

— Верно.

Позади манежа кто-то звал Тордис.

— Думаю, мой стейк готов, — предположила она. — Вы пойдете со мной? Вы ведь можете съесть стейк, не рассматривая это как подкуп, не правда ли?

— В другой раз — с удовольствием. — Оливер не поддался искушению и улыбнулся. — Спасибо за информацию.

На ночном столике Боденштайна настойчиво пищал мобильный телефон. Спросонья он с трудом нашупал выключатель и телефон и бросил взгляд на часы. Это могла быть только Козима.

— Да? — пробормотал он.

Но это была не Козима, а Пия Кирххоф.

— Я вас разбудила? — спросила она.

— Да. — Боденштайн опять закрыл глаза и откинулся назад. — Сейчас половина третьего ночи.

— О, в самом деле? — Голос Пии звучал очень бодро и довольно взволнованно. — Послушайте, шеф, я знаю, что за женщина изображена вместе с Гарденбахом на этих черно-белых фотографиях. Это Марианна Ягода.

Боденштайн открыл глаза и зажмурился от света.

— И это пришло вам в голову в половине третьего ночи?

— Марианна Ягода девятнадцатого апреля тысяча девятьсот девяносто седьмого года встречалась с прокурором Гарденбахом, — продолжала Пия. — Четвертого апреля, то есть

за пятнадцать дней до этого, ее родители погибли при пожаре на их вилле во Франкфурте. При расследовании, которое вели специалисты Управления уголовной полиции земли, выяснилось, что это мог быть поджог. Поэтому дело было передано в прокуратуру Франкфурта.

Теперь Боденштайн чувствовал себя по меньшей мере столь же бодрым, как и его коллега.

— Догадайтесь с трех раз, кто тогда был ответственным прокурором.

— Гарденбах? — предположил Боденштайн.

— Точно. — Пия казалась очень довольной. — Дальнейшее расследование не велось.

Дело было закрыто. Через год прокурор Гарденбах купил прекрасный домик в Хофхайме.

— На что вы намекаете?

— Марианна Ягода подкупила Гарденбаха.

— Почему вы так решили?

— Когда Марианна вышла замуж, — сказала Пия, — возник семейный скандал, так как папа Дрешер не признал своего зятя. В течение нескольких лет Марианна и ее родители не имели никаких контактов. В начале девяносто седьмого года планы Ганса Петера Ягоды по выпуску акций на биржу перешли в горячую фазу: все, чего ему не доставало, — это необходимый стартовый капитал. И затем — как ловко! — умирают родители Марианны, и она в одно мгновение становится миллионершей.

Боденштайну потребовалась пара секунд, чтобы переварить информацию.

— Откуда вам все это стало известно? — спросил он.

— Ночные интенсивные информационные поиски, — скромно ответила Пия, — и хорошие отношения с тонким знатоком высшего общества Франкфурта. Дрешеры были щедрыми хозяевами и покровителями искусства. Собственно говоря, семейное состояние должно было быть вложено в фонды поддержки искусства, но прежде, чем Дрешер дал соответствующие распоряжения, он приказал долго жить.

Некоторое время Боденштайн обдумывал услышанное.

— Вы не сможете все это доказать, — усомнился он. — Здесь возможны различные случайности.

— Кроме меня, у кого-то уже были подобные подозрения, — сказала Пия. — На обратной стороне фотографии стоит печать детективного агентства «Штайн», которое, к сожалению, больше не существует, так как господин Штайн в мае девяносто седьмого года погиб в автомобильной катастрофе. Это, конечно, на самом деле может быть случайностью.

— А где вы сейчас?

— В офисе.

— Я буду через двадцать минут.

Боденштайн был немало удивлен, увидев Пию сидящей за письменным столом, заваленным кипой бумаг, компьютерных распечаток и папок. В воздухе, пропитанном густым дымом от бесчисленных сигарет, можно было «вешать топор».

— Почему вы ночью не спите? — спросил Боденштайн, беря себе стул.

— Я наверстаю. — Пия придвинула к нему стопку распечатанных газетных статей. — Здесь отчеты прессы о пожаре на вилле, расследовании и извещении о смерти Герберта Штайна, детективного агента. Ему было всего двадцать восемь, когда он во время пробежки был сбит машиной. Водителя так и не нашли. Странно, не правда ли?

Боденштайн пробежал глазами газетные вырезки. Сообщения о Марианне Ягоде, которая явилась единственной, глубоко скорбящей наследницей.

— Она унаследовала пятьдесят миллионов марок, — удивился Боденштайн.

— Кроме того, пивоварню, недвижимость, акции, коллекции произведений искусства, скаковых лошадей и прочие мелочи, — подтвердила Пия кивком головы. — «Морж» оказался золотой рыбкой.

Боденштайн продолжал читать дальше. В одной из статей речь шла о борьбе за власть в правлении пивоварни Дрешера после смерти шефа, которой Марианна Ягода положила конец, уволив без лишних церемоний «наследного принца» своего отца. Здесь же была газетная заметка о трагической смерти частного детектива из Франкфурта. Сообщения из различных биржевых журналов о стремительном восхождении Ганса Петера Ягоды. Потом Боденштайн еще раз взял черно-белые фотографии. Нет сомнений — женщина рядом с Гарденбахом была Марианна Ягода.

— Гарденбах и супруги Ягода были знакомы, — сказала Пия. — Он им однажды уже помог. Но, очевидно, старого дела было недостаточно, чтобы еще раз заполучить Гарденбаха в качестве помощника, поэтому пришлось применить новые репрессии. А именно — с помощью Изабель Керстнер.

— Как у нее оказалась эта фотография?

— Н-да! — Пия вздохнула. — Думаю, девушка была довольна хитра. Возможно, что-то поведал Гарденбах, когда спал с ней.

— Такими фотографиями просто так не разбрасываются, — покачал головой Боденштайн.

— Наверняка они и не валялись просто так где попало. — Пия развернула стул таким образом, чтобы лучше видеть шефа. — Хотите услышать мою теорию?

— Выкладывайте. — Оливер приготовился с интересом слушать. При расследовании ничего нельзя исключать, даже, казалось бы, абсурдные гипотезы.

— Итак, — Пия закурила сигарету, — Гарденбах не захотел больше получать откаты от Ягоды, поэтому тот натравил на него Изабель Керстнер. Она ложится с ним в постель и таким образом добывает материал для шантажа. Может быть, она действительно чувствовала расположение к этому человеку или только пользовалась им. Гарденбах рассказывает ей о Марианне Ягоде и о смерти ее родителей, и она видит в этом шанс получить для себя инструмент давления в отношении Ягоды. И она уговаривает его передать ей фотографии...

— Стоп! — прервал Боденштайн ее словесный поток. — Гарденбах никогда и никому не передал бы такие фотографии.

— А вдруг!

— Гм... — Боденштайн задумался. — Изабель Керстнер попыталась шантажировать Марианну Ягоду своей осведомленностью...

— ...и у нас уже появилось следующее лицо с серьезным мотивом убийства.

Оба посмотрели друг на друга.

— Слишком смелая теория, — усмехнулся Боденштайн.

— Как и всегда. — Пия не собиралась так легко сдаваться. — Но супруги Ягода на сто процентов шантажировали Гарденбаха. Теперь Нирхоф должен будет согласиться, что нам необходимо решение о проведении обыска в его доме.

— И нам надо поговорить с Марианной Ягодой.

— Я бы этого пока не делала, — покачала головой Пия. — В отношении нее я бы придумала кое-что еще...

В это воскресное утро в отделе К-2 не было никого, кроме Боденштайна. Пия около восьми утра закончила свою добровольную ночную смену, дав обещание, что в течение всего дня будет на связи. Все остальные сотрудники тоже находились в зоне доступа. Оливер не придумал ничего лучше, кроме как заняться горами скопившихся бумаг, которые он давно должен был обработать. Лоренц куда-то уехал, Розали еще была в Риме со своим выпускным классом, а Козима уже два дня не звонила, но это он считал хорошим знаком.

Боденштайн дождался подходящего времени и позвонил по домашнему телефону приятелю, который был руководителем франкфуртского отдела по борьбе с экономическими преступлениями и мошенничеством. Еще два дня назад Оливер совершенно официально запросил информацию по делу «ЯгоФарм», и вновь полученные данные не позволяли ему ждать до следующей недели. То, что он узнал от своего коллеги, было невероятно любопытно. Отдел по борьбе с мошенничеством уже давно держал под прицелом компанию «ЯгоФарм» и ее председателя правления Ганса Петера Ягоду в связи с инсайдерской торговлей и другими предполагаемыми уголовно наказуемыми деяниями. Для обвинения материалов постоянно было недостаточно, так как, несмотря на все усилия и предположения, нельзя было предъявить какие-либо однозначные доказательства. В июне по распоряжению прокуратуры расследование было окончательно прекращено. Боденштайн не мог не признать ловкость Ягоды. Шантажируя старшего прокурора Гарденбаха, он дал себе передышку, в ходе которой с помощью нового препарата пытался поставить свою неблагополучную фирму на твердую почву, по меньшей мере в финансовом отношении.

Сразу после обеда зазвонил телефон. Комендант «Цауберберга», внимательный читатель газет и восторженный почитатель криминальных сериалов, на заднем дворе здания нашел одну-единственную дамскую туфлю. Так как он выяснил из газет, что полиция ищет вторую туфлю убитой девушки, а также зная, что каждая деталь может иметь огромное значение для расследования дела, то пренебрег всеми приказами, ранее строго им соблюдаемыми, и позвонил в уголовную полицию, не обсудив это предварительно со своим руководством. У Боденштайна не было запланировано никаких срочных дел, и он обещал незамедлительно приехать в Руппертсхайн, чтобы посмотреть на туфлю. Час спустя мужчина гордо и взволнованно предъявил ему обувь, которая, к сожалению, столь же мало походила на фирменное изделие марки «Маноло Бланик» с левой ноги Изабель Керстнер, как «Порше» — на «Шкоду». Тем не менее Боденштайн поблагодарил, положил туфлю в пластиковый пакет, чтобы не очень огорчать услужливого мужчину, и сел в машину. В этот

момент он вспомнил о приглашении Инки Ханзен. *Заезжай как-нибудь на чашку кофе, если будешь где-нибудь в этих краях...* Он был как раз поблизости. И у него не было никаких планов.

Старый крестьянский дом абсолютно не затронули реконструкционные работы в ветеринарной клинике. В саду перед домом в изобилии цвели летние цветы и с любовью обрезанные розы. Газон был тщательно пострижен. Боденштайн чуть помедлил, прежде чем открыть ворота, и пошел к входной двери. Он улыбнулся, когда увидел старомодный шнур дверного звонка, и позвонил. В глубине дома раздался мелодичный звон, и через некоторое время он услышал звук приближающихся шагов. Сердце внезапно сделало скачок, когда Оливер увидел перед собой Инку.

— Я видела, как ты шел, — сказала она. — На самом деле я думала, ты появишься раньше.

Она повернулась, и Боденштайн пошел за ней в дом.

— Здесь, пожалуй, вряд ли что-то изменилось, — констатировал он. — Замечательно.

— Замечательно? — Инка насмешливо подняла брови. — Я бы с удовольствием сделала что-то более современное, но со строительством клиники я пока исчерпала все свои финансовые ресурсы.

Они посмотрели друг на друга.

— Я пришел не вовремя? — спросил Боденштайн. — Я не хочу мешать.

— Ты не мешаешь, — возразила Инка. — Сегодня спокойно. Мой ребенок улетел. Лошади получили все необходимое, бухгалтерия потерпит.

Они прошли на террасу и сели в уютные ротанговые кресла в перголе, заросшей фиолетовой глицинией. Это был один из дней золотого бабьего лета. Теплый полуденный воздух отдавал ароматы летней сирени и лаванды, которая густо росла возле террасы.

— Расскажи о себе, — попросила Инка. Она села напротив него на ротанговый диван, поджав под себя ноги и рассматривая гостя с растущим любопытством.

Боденштайн обрисовал свою жизнь за последние годы, упомянув жену, детей и работу. Ему оказалось тяжело беседовать с ней просто и непринужденно. Вдруг он спросил себя, хорошая ли это была идея — прийти сюда. Все эти годы он не думал о том, как сильно ему всегда нравилась Инка. Чувства, которые, казалось, давно были забыты, вспыхнули с такой остротой, что это его напугало.

— А ты? — спросил он наконец. — Чем занималась с тех пор, когда мы виделись в последний раз?

Мимолетная тень промелькнула на ее лице.

— Два семестра учебы за границей превратились в десять, — сказала она через некоторое время. — Вероятно, я бы осталась в Америке, если бы с моим отцом не случилось несчастье. Мама попросила меня вернуться.

Инка убрала со лба непослушные пряди волос.

— Я долго размышляла. В Америке у меня была прекрасная работа в одной из престижных клиник в Кентукки. В конце концов решение приняла моя дочь. «Мы не можем оставить бабушку в одиночестве», — заявила она, и все сразу стало ясно. Ну вот, так я и вернулась в Руппертсхайн.

Она посмотрела на него.

— Ты все еще вспоминаешь турниры, урожаи сена и занятия по верховой езде у твоего деда?

— Вряд ли, — сказал Боденштайн. — Только когда я снова увидел тебя, все сразу опять вернулось.

— У меня тоже. В последние семь лет вся моя жизнь вращалась лишь вокруг клиники.

— У вашей клиники хорошая репутация.

— Да, — кивнула она. — Если все так пойдет и дальше, вскоре мы будем иметь приличную прибыль. — Инка немного помолчала. — Надеюсь, так оно и будет.

Боденштайн понимал, что она имела в виду.

— Я не думаю, что Керстнер имеет какое-то отношение к смерти жены, — заметил он.

— Я тоже не могу себе этого представить. — Инке, казалось, стало легче.

У Боденштайна не было желания говорить с ней о деле. Он не хотел, чтобы Инка думала, будто он пришел к ней с целью что-нибудь разнюхать.

— Почему ты приехал сюда? — спросила она наконец.

Да, почему? Из-за детского желания двадцатипятилетней давности, которое он, как думалось, давно забыл и переварил в глубинах своих воспоминаний, пока случайно не встретил ее три дня назад? В своей юности они были неразлучны: Инка, Квентин, Ингвар Симоне и он. Как она разбилась, эта крепкая дружба? Боденштайн вспомнил лето 1979 года, когда этот доктор Хагштедт приехал со своими лошадьми в замок Боденштайн. Лошадей звали Латус Лекс и Фиорелла. Хагштедт предоставил их Боденштайну для верховой езды. Он должен был с этими лошадьми принимать участие в турнирах, поэтому всю зиму работал с животными в маленьком манеже, тренировал их и обучал. Но все вышло иначе. Тяжелое падение при полевой езде внезапно разрушило все его планы на будущее. Ингвар взял обеих лошадей, и что из этого вышло, давно стало историей: с Латусом Лексом Ингвар участвовал в своем первом конкурсе класса «S», на Фиорелле он стал чемпионом Европы среди юниоров. Боденштайн вздохнул. Он долго тогда спорил с судьбой. Был бы он сегодня знаменитым жокеем, если бы не тот несчастный случай? Лошадей получили Ингвар и Инка. Уже спустя три года, на свадьбе Симоне и Романа Райхенбаха, они считались парой. Но вскоре после этого произошло что-то, что заставило Инку уехать в Америку. Собственно говоря, это была ирония судьбы, что теперь все они опять оказались здесь: Ингвар Руландт, Инка и он. Боденштайн чувствовал, что Инка смотрит на него.

— Латус Лекс и Фиорелла, — громко сказал он.

— Бог мой! — Она скептически рассмеялась. — Ты шутишь.

— Тогда это было архисерьезно, — возразил он. — Все мое детство я был твердо убежден в том, что однажды буду управлять замком Боденштайн и жить на доходы от конного бизнеса.

Инка стала серьезной и внимательно посмотрела на него.

— После несчастного случая ты отстранился ото всех, как будто считал нас виновными в этой истории.

— У Ингвара остались мои лошади, — Боденштайн с удивлением обнаружил, что об этом в самом деле до сих пор тяжело вспоминать. — Я был инвалидом и чувствовал себя преданным и обманутым им. Каждый день я видел вас, тебя и Ингвара. Это было невыносимо для меня.

— Для меня это было так же невыносимо, — ответила Инка. — Мы всегда были хорошими друзьями, но ты в одночасье не захотел больше иметь со мной ничего общего.

— У меня складывалось впечатление, что все было совершенно иначе. — Боденштайн слегка улыбнулся. — У Ингвара была совесть нечиста по отношению ко мне, а ты была на

его стороне.

— Это неправда. — Инка покачала головой. — Но от жалости к самому себе ты больше ничего не замечал. Ты ни разу не дал мне возможности с тобой поговорить. Я думаю, ты всегда был закрытым и немногословным, но внезапно ты стал...

Боденштайн почувствовал, что затронул опасную сферу, но он не мог иначе. Он хотел знать, что она тогда о нем думала.

— Я стал — кем? — спросил он.

Инка, казалось, почувствовала себя неловко и смущенно.

— Ах, ладно! — Она скрестила руки на груди и посмотрела в сторону. — Это все старые истории.

— Да, ты права. Все давно прошло. Мы все пошли своим путем. Кто знает, кому все это было нужно?

Стало совершенно тихо. Ее смущение перекинулось на него, и Боденштайн хотел помолчать. Вдруг Инка подняла голову и посмотрела на него долгим странным взглядом. Когда она вновь заговорила, то делала это осознанно легко и как будто невзначай.

— Мои отношения с Ингваром начались лишь значительно позже, — сказала она. — всю мою юность был один-единственный парень, в которого я была влюблена, и это был ты. Я любила тебя с тех пор, как научилась думать, и всегда надеялась, что ты это заметишь, но этого не произошло.

Сон начал расплываться и таять, и Боденштайн проснулся, так как солнце светило ему прямо в лицо и звонил его мобильник. Он потянулся и нащупал телефон. Который час?

— Боденштайн, — пробормотал он.

— Это Гарденбах, — услышал он нерешительный женский голос. — Извините, пожалуйста, за беспокойство.

Главный комиссар вскочил, но сразу пожалел, что сделал столь резкое движение. Тупая боль железным обручем сковала его голову и напомнила ему о двух бутылках красного вина, которые он опустошил минувшей ночью. Но еще хуже, чем похмелье, было чувство вины, которое его мучило. Ему снился постыдно реалистичный сон об Инке. Постепенно возвращалось воспоминание о встрече накануне; его мозг отказывался понимать, какую глубокую рану он вскрыл и какую кашу заварил. Ситуация могла перейти в иную стадию, но раздался звонок одного из владельцев лошади, который был клиентом Инки. Он просил незамедлительно приехать. Тем не менее своей затуманенной головой Оливер воспринимал произошедшее почти как супружескую измену.

— Фрау Гарденбах, — проговорил он, стараясь собраться с мыслями, — вы ничуть меня не побеспокоили. Я вас слушаю.

— Я долго думала над нашим разговором, — начала жена погибшего главного прокурора. — Извините, что я почти выгнала вас из дома, но я... Мне очень трудно осознать, что мой муж в действительности был не тем человеком, за которого я принимала его все эти годы. Я... я нашла кое-что, что могло бы вас заинтересовать. Вы не могли бы ко мне заехать?

— Да, конечно, — подтвердил Боденштайн.

— Я вас жду. До встречи.

И она тут же положила трубку. Оливер зажмурился от беспощадного яркого солнечного света и набрал номер Пии.

— К сожалению, я не в состоянии вести машину, — сказал он, коротко изложив ей причину того, почему она нужна ему этим воскресным утром. — Вы не могли бы за мной заехать?

— Конечно. Через полчаса я буду у вас.

Боденштайн, неуверенно ступая, поплелся в ванную комнату и чуть не споткнулся о собаку. Та, лежа перед дверью его спальни, терпеливо ждала, когда хозяин выйдет из комы, накормит ее и как минимум выпустит в сад. Какое-то время Боденштайн рассматривал в зеркале свое небритое и утомленное после бессонной ночи лицо, упершись руками в край раковины. В эту минуту он решил воздерживаться от дальнейших контактов с Инкой. После обильного душа, двух чашек крепкого кофе и долгого телефонного разговора с Козимой, находящейся на другом конце земного шара, он вновь обрел душевное равновесие. Разговор с Инкой казался ему сейчас только далеким сном. Он вновь энергично закрыл за собой дверь в прошлое. Так будет лучше.

Документы, которым старший прокурор Гарденбах в деле «ЯгоФарм» не дал хода и, следовательно, успешно препятствовал расследованию, помещались в двух картонных коробках, какие обычно используют при переезде для упаковки вещей, и были скрупулезно сброшюрованы, что свойственно щепетильному человеку. Сверху, на папках, в первой

коробке лежал конверт, адресованный Боденштайну. Все сотрудники отдела К-2 были вызваны в комиссариат и теперь сидели в переговорной комнате за большим столом, с физиономиями, на которых было написано ожидание. После того как фрау Гарденбах посмотрела фильм с невольным участием в главной роли ее мужа, она пришла к заключению, что больше нет смысла покрывать человека, нарушившего супружескую верность. Исключительно ради детей она попросила Пию и Боденштайна, насколько это возможно, не упоминать имя ее мужа в официальных сообщениях. Боденштайн открыл конверт и пробежал глазами написанное от руки письмо. У него побежали мурашки по коже, как будто на него вылили ушат холодной воды.

Уважаемый господин Боденштайн, — читал он, — когда Вы будете читать эти строки, Вам уже будет известно, что я оказался слишком труслив, чтобы вынести последствия моих действий. Так как Вы, как руководитель уполномоченного отдела К-2, будете вести расследование моего дела, я адресую это письмо Вам. Может быть, в интересах моей семьи Вам удастся не допустить муссирования моего имени в прессе. В качестве приложения я передаю Вам документы по делу “ЯгоФарм”, которые я задержал. В течение нескольких месяцев мы преследовали Ягоду по пятам, но я допустил ошибку, когда попался на удочку этой девочки. Я думаю, мне не оставалось ничего другого. Я знаю, что должен был действовать иначе. По крайней мере, оставаться честным. Люди допускают ошибки. Возможно, меня бы посадили, но я смог бы жить дальше. Однако меня шантажировали, и моя жизнь стала бессмысленной. Этого я не мог себе простить. И я знал, что никогда не смогу искупить своей вины.

С уважением, Йоахим Гарденбах.

— Вот вам и Ягода, — сказал Боденштайн и вручил письмо своим сотрудникам. — Документы передадим завтра во Франкфурт, в отдел по борьбе с мошенничеством. Но сначала мы их просмотрим. Может быть, мы найдем здесь еще ниточки, которые ведут к пожару на вилле, при котором погибли два человека.

После трех ночей, проведенных в следственной тюрьме Вайтерштадта, Ганс Петер Ягода казался слегка измотанным. Когда он сидел напротив Боденштайна в его кабинете, ощущалась его нервозность и одновременно негодование. Молчание давалось ему со все большим трудом, и вдруг он взорвался.

— Боже мой! — воскликнул Ягода высоким, почти срывающимся голосом. — Вы вообще понимаете, чем это грозит, если вы будете и дальше удерживать меня здесь из-за этих смехотворных обвинений? Моей фирме настанет конец! Я несу ответственность за несколько тысяч рабочих мест, если вы понимаете, что это означает!

Его адвокат, вкрадчивый тип, имеющий привычку попеременно сдвигать очки то на голову, то на переносицу, попытался утихомирить клиента, но Ягоду, казалось, больше не устраивала стратегия отказа от дачи показаний.

— Именно по этой причине я не могу понять, почему вы наконец не выскажетесь по всем обвинениям, — холодно произнес Боденштайн.

— Что же вы хотите услышать? — Нельзя было не заметить, что Ягода подавлен.

— Если можно, правду. Вы обыскивали квартиру Изабель Керстнер? Да или нет?

— Мой подзащитный не будет отвечать на этот вопрос, — быстро проговорил доктор Петерс, но Ягода не стал протестовать.

— Нет, — ответил он, не обращая внимания на возрастающую нервозность своего адвоката.

— Господин Ягода, — Пия Кирххоф откашлялась, — нам известно, что вы шантажировали старшего прокурора доктора Гарденбаха с помощью видеофильма, так как он вел в отношении вас расследование в связи с инсайдерской торговлей и мошенничеством.

Ягода побледнел и быстро посмотрел на адвоката, который бросал на него умоляющие взгляды.

— Нам также известно, что вы таким же образом шантажировали некоторых из ваших бывших акционеров, которые на вас заявили, — продолжала Пия, — и не в последнюю очередь — директора и руководителя кредитного отдела банка вашей фирмы. Но это нас совсем не интересует, так как мы ищем убийцу Изабель Керстнер.

— Кто такой Морис Браульг? — попытался выяснить Боденштайн. — Вы встречались с ним и фрау Керстнер двадцать третьего августа, мы знаем это из дневника Изабель. Какова была цель той встречи?

Крылья носа Ягоды задрожали.

— Нам давно известно, как в действительности обстоят дела фирмы «ЯгоФарм». Фирма обанкротилась. Наши коллеги из отдела по борьбе с экономическими преступлениями и мошенничеством готовят сейчас обвинение против вас на основании затягивания с объявлением о банкротстве. Мы знаем, что конноспортивный комплекс в Келькхайме зарегистрирован на имя вашей жены и что официально вам принадлежит немногим больше, чем одежда, которую вы носите. Вы об этом заранее побеспокоились, так как точно знали, что «ЯгоФарм» лопнула.

Ягода смертельно побледнел, его ресницы затрепетали. В какой-то момент Боденштайн стал опасаться, что мужчина упадет в обморок.

— Не оказывайте давление на моего клиента... — начал адвокат, но Боденштайн

оборвал его.

— Вы должны посоветовать вашему подзащитному открыть наконец рот, — резко сказал он, — так как иначе и вы от него ничего больше не получите.

— Что вы имеете в виду? — вскочил доктор Петерс, и его очки соскользнули со лба на нос.

— Господин Ягода уже вряд ли сможет заплатить вам гонорар, — спокойно улыбнулся Боденштайн, — а это наверняка было бы для вас серьезным убытком, не правда ли?

Доктор Петерс сел и уже открыл рот, чтобы возразить, но здесь вмешался Ягода.

— Я не собирался никого шантажировать с помощью видео, — глухо проговорил он, опустив голову. — Это была идея Изабель.

Недовольный доктор Петерс снял очки и скорчил гримасу, как будто у него разболелся зуб.

— Это была идея фрау Керстнер — снимать фильм во время полового акта? — Голос Боденштайна стал жестким. — И вы думаете, мы вам поверим?

— Нет, я имею в виду... я... — Ягода подыскивал нужные слова. — Я в отчаянной ситуации. После обвала Нового рынка мне всегда удавалось спасти мою фирму, но вдруг все свихнулись! Заявления акционеров, прокуратура, угрозы... при этом у меня вдруг появился шанс подвести под фирму действительно солидную основу. Все, что мне было нужно, это время.

— Господин Ягода! — Доктор Петерс предпринял последнюю отчаянную попытку прервать показания своего клиента. — Вы не должны здесь ничего говорить!

Ягода словно не слышал.

— Я был всего в миллиметре от своей цели, — сдавленным голосом произнес он. — Я все перепробовал, я умолял и убеждал, но никто не хотел ничего слышать. Никто не верил, что я действительно могу с этим справиться. И тогда Изабель пришла в голову идея с фильмами.

— Я вам не верю. — Боденштайн покачал головой.

— Изабель всегда говорила только о деньгах, — продолжал Ягода, не обращая внимания на протест Боденштайна. — Она копила деньги на новую независимую жизнь. То она хотела открыть школу дайвинга в Австралии, то — организовать конюшню скаковых лошадей в Тоскане или пансионат на побережье в Мексике. В любом случае она всегда была полна идей. Однажды Изабель рассказала о предложении участвовать в производстве порнофильмов. Она серьезно обдумывала эту мысль в течение нескольких дней, затем сказала, что ей предложили слишком маленький гонорар. Но это натолкнуло меня на идею с фильмами.

— Почему вы взломали и обчистили квартиру, которая была официально опечатана? — спросила Пия, не реагируя на гримасы, которые строил адвокат Ягоды.

— Потому что я не хотел, чтобы... — начал Ягода, но передумал и замолчал.

— Потому что вы не хотели, чтобы был обнаружен фильм с участием вас и Изабель? Это было причиной?

— Да, — кивнул Ягода со страдальческим выражением лица. — Моя жена... я не хотел, чтобы она узнала. Это... это бы ее глубоко ранило.

— И вы решились на уголовное деяние, чтобы пощадить чувства вашей жены, которую на записи сами назвали «жирной курицей»? — Боденштайн поднял брови. — Сказать вам, как я это вижу? Остановите меня, если я буду не прав. Думаю, речь никоим образом не идет

о чувствах. Вам от жены срочно нужны были деньги, чтобы перебиться до того момента, когда этот препарат появится на рынке. Вы не могли допустить, чтобы хоть что-то вызвало ее недовольство.

На какое-то время в комнате воцарилась полная тишина. Только трель телефонного звонка приглушенно доносилась через закрытую дверь.

— Господин Ягода, — упорствовал Боденштайн, — деньги вашей жены — это истинная причина обыска квартиры?

Ягода закрыл лицо руками и покачал головой.

— И возможно ли, что вы устранили Изабель, так как, будучи посвященной в ваши сделки, она стала слишком опасной для вас?

На готовности Ягоды давать дальнейшие показания теперь можно было поставить точку. Он больше не отвечал ни на какие вопросы. Он ни на что не реагировал и сидел с совершенно опустошенным видом и неподвижным лицом. Когда через пару минут Боденштайн объявил допрос окончанным, он молча поднялся и без видимого душевного волнения позволил конвоиру, который его сюда доставил, надеть на него наручники.

Пия сидела за письменным столом и печатала на компьютере отчет о допросе Ягоды. У Ягоды в любом случае был серьезный мотив. Возможно, Изабель с помощью фильма вымогала у него деньги — деньги, которых у него не было. Он опасался, что Изабель передаст фильм его жене, и тогда и ему, и его дальнейшим планам по поводу «ЯгоФарм» пришел бы конец. Но при чем здесь тогда этот спектакль с пентобарбиталом и мнимым самоубийством? Пия перестала печатать и внимательно посмотрела на монитор. Здесь было еще что-то другое, то, что до сего времени вообще еще не упоминалось, но она не могла понять, что именно. Отдельные фрагменты пазла, которые, казалось на первый взгляд, сходились, в действительности оказывались неподходящими. Для выстраивания полной картинки недоставало еще многих деталей.

— Фрау Кирххоф, — неожиданно позвал Боденштайн, стоя рядом с ней, и она вздрогнула. — О чем размышляете?

— О Валентине Хельфрихе, — сказала она.

— И что?

— У него тоже есть доступ к пентобарбиталу. Я должна с ним еще раз поговорить.

— Хорошо, — кивнул старший комиссар. — А я попытаюсь побольше разузнать об этом Морисе Браульте в Федеральном управлении уголовной полиции.

В кабинете Боденштайна, который располагался по соседству, зазвонил телефон, и он вышел. Пия быстро допечатала отчет. Мысль о том, что Валентин Хельфрих мог иметь какое-то отношение к убийству своей сестры, не давала ей покоя.

Пия положила в карман фотографию, сделанную радаром двадцать седьмого августа. Потом она простояла в пробке на трассе А66 перед въездом в Бад-Зоден и опаздывала на десять минут. Стеклопанельная дверь аптеки «Лёвен» была закрыта.

— Так, замечательно, — пробормотала Пия. — С часу до трех обеденный перерыв.

В нерешительности она стояла на тротуаре перед аптекой, раздумывая, следует ли ей подождать или уехать, когда из въезда позади здания выехал золотистый кабриолет «Мерседес». За рулем сидела женщина, а рядом, на месте пассажира, — Валентин Хельфрих. Пия направилась к машине, помахивая при этом рукой. Женщина раздраженно опустила

стекло и подозрительно посмотрела на нее.

— Добрый день, господин Хельфрих, — сказала Пия.

— А, дама из уголовной полиции! — воскликнул аптекарь. — Вы ко мне?

— Да, конечно, — кивнула Пия. — Мы можем где-нибудь недолго поговорить? У меня к вам есть еще пара вопросов.

Женщина сдала назад, и Пия последовала за машиной во двор, где находились вход для поставщиков аптеки и вход в «Леопольд-пассаж».

— Красивый автомобиль, — заметила Пия, когда Валентин Хельфрих и женщина которую он представил ей как свою супругу Доротеею, вышли из машины.

— Чем могу служить? — спросил провизор, не реагируя на фразу Пии. Та достала из кармана фото с радара и протянула Валентину Хельфриху.

— Это были вы? — спросила она.

— Да, — он передал фотографию жене, — моя супруга сидит за рулем.

Доротея Хельфрих была высокой костлявой женщиной, лишенной малейшего обаяния. Она выглядела на сорок с небольшим, но на ее лице обозначились резкие линии озлобленности.

— Вы знаете, когда и где было сделано это фото?

— Там наверняка это указано. — Доротея Хельфрих в первый раз открыла рот.

— Да, разумеется, — подтвердила Пия. — Это было вечером двадцать седьмого августа, в начале одиннадцатого, при выезде из Кёнигштайна в направлении Келькхайма. Примерно за полтора часа до этого, согласно протоколу вскрытия, умерла ваша золовка Изабель.

Она дала возможность супругам Хельфрих осознать значение ее слов.

— Автомобиль принадлежит не вам, не так ли?

— Он принадлежал моему отцу, — уточнил Валентин Хельфрих.

— Я это знаю, — кивнула Пия. — Но ваш отец умер четыре года назад. Почему вы до сих пор не перерегистрировали машину?

— До недавних пор она стояла в гараже дома моих родителей в Гиссене. — Хельфрих пожал плечами. — Я забрал ее лишь пару недель назад, когда продал дом.

— Вы были на этой машине не только около двадцати двух часов в Кёнигштайне, но и во второй половине дня двадцать седьмого августа на парковочной площадке «Макдоналдса» в Швальбахе.

— Да, это так, — подтвердил аптекарь. — Я встречался там со своей сестрой.

— По какому поводу? — спросила Пия.

— Известно, по какому, — вмешалась Доротея Хельфрих, презрительно фыркнув. — Она хотела денег, что же еще.

— От вас? Почему она требовала у вас денег?

Пия посмотрела на супругов Хельфрих, которые стояли вплотную друг к другу. Что-то в их поведении выглядело странным.

— Она хотела получить половину суммы от продажи дома. — Доротея Хельфрих не скрывала свою неприязнь к погибшей золовке. — При этом она никогда не проявляла к ним никакой заботы. Она ни разу не навестила свою мать, которая живет в доме престарелых в Бад-Зодене. Тем не менее она бессовестно требовала свою часть наследства.

Пия не могла сказать почему, но по какой-то причине она не верила, что деньги были единственной причиной встречи Валентина Хельфриха со своей сестрой.

— Георг Риттендорф рассказал моему коллеге, что пару лет назад у Изабель были

отношения с вашим близким другом. Он также рассказал, что мужчина повесился в гараже после того, как Изабель послала его на все четыре стороны. Это так?

— Да, — мрачно подтвердил Хельфрих.

— А затем она вышла замуж за доктора Керстнера, еще одного вашего близкого друга.

— К чему вы клоните?

— Где вы были в субботу вечером между семью и десятью часами? — спросила Пия вместо ответа.

— Мы ужинали с Риттендорфами в «Лимончелло» в Кёнигштайне.

— И освободились уже около десяти? Что-то рановато для субботнего вечера.

— У няни Риттендорфов было время только до десяти, — возразила Доротея Хельфрих. — У них двое маленьких детей.

— А у вас? У вас тоже есть дети?

На пару секунд Доротея Хельфрих как будто окаменела.

— Нет, — сказала она, с трудом сдерживая себя.

— Вы знаете знакомого вашей сестры по имени Филипп? — спросила Пия, когда стало понятно, что, кроме этого «нет», ждать больше нечего. — Ему лет тридцать пять, внешность, характерная для жителей юга. В записной книжке и в мобильном телефоне вашей сестры не значится никто, к кому бы подходило это описание, но ее неоднократно видели с этим человеком.

Пия заметила крохотную искру в глазах за толстыми стеклами очков, но голос Хельфриха звучал по-прежнему спокойно.

— Моя сестра заводила бесчисленные знакомства с мужчинами, — ответил он, — какие-то имена я могу и не припомнить.

Покидая аптекаря и его жену, Пия была твердо убеждена, что они ей солгали — по меньшей мере однажды. Она просила супругов оставаться в пределах досягаемости до тех пор, пока не будет проверено их алиби на субботний вечер. Так как в комиссариате не было срочных дел, она решила поехать объездной дорогой через Кронберг, полагая, что будет нелишним навестить Марианну Ягуду и спросить ее, что она делала в упомянутый вечер субботы.

Ворота владений Ягоды были открыты настежь, поэтому Пия въехала внутрь и припарковала свой автомобиль позади «Шкоды» с польскими номерами. В просторном гараже стояли «Мазерати» и «Порше Кайенн» с широко открытой дверцей багажного отделения. В багажнике лежали многочисленные туго набитые пластиковые пакеты. Странно. Пия вышла и направилась к входной двери дома, которая, к ее удивлению, была приоткрыта. Из глубины дома доносились звуки музыки и приглушенные крики. Пию охватило чувство, что здесь что-то не в порядке. Может, на Марианну напали? Может, она сопротивлялась жестоким взломщикам, вознамерившимся завладеть имуществом состоятельной женщины? Пия с беспокойством сунула руку под куртку и, достав пистолет, вошла в дом.

— Фрау Ягода? — позвала она и прислушалась, пытаясь определить, откуда доносилась музыка. Пия узнала «Scorpions», песню из альбома «Worldwide Live», звучащую с громкостью децибел двести. Ее сердце бешено колотилось и ладони вспотели, когда она осторожно передвигалась вдоль коридора. Судя по всему, здесь шел ожесточенный бой.

Повсюду валялась одежда, напольная ваза опрокинулась и разбилась на множество

мелких осколков. От пронзительного крика, следовавшего за глухими ударами, у Пии волосы встали дыбом. Правильно ли она поступает, расхаживая по дому в одиночестве? Сколько мужчин приехали на «Шкоде» с польскими номерами? Что ей делать, если ей вдруг будут противостоять четверо или пятеро вооруженных людей? Но у нее не было времени, чтобы вызвать полицейский наряд. Женщина, кажется, находилась в опасности. Пия сделала глубокий вдох, сняла оружие с предохранителя и стала двигаться вдоль стены. Наконец она решительно вошла в большую комнату.

Зрелище, которое предстало ее глазам, ошеломило; к такому она не была готова и лишилась дара речи. Марианна Ягода действительно оказалась в затруднительном положении — правда, в ином плане, нежели Пия себе представляла. Она и ее любовник так были заняты друг другом, что даже не заметили невольную зрительницу.

Разрываясь между потребностью громко рассмеяться от охватившего ее чувства облегчения и желанием немедленно покинуть дом, Пия сумела-таки незаметно уйти. Совершенно очевидно, Ганс Петер Ягода был не единственным, кто не хранил верность в этом браке. Пия прислонилась к стене возле входной двери и думала, как ей поступить. Она убрала пистолет назад в плечевую кобуру и деликатно досчитала до ста, прежде чем нажать кнопку звонка. Прошло примерно минут пять, музыка в доме смолкла и послышались звуки приближающихся шагов. В дверном проеме появилась Марианна, недовольная тем, что ей помешали, возбужденная и запыхавшаяся. В ней трудно было заподозрить женщину, муж которой находится под стражей по подозрению в убийстве.

— Слушаю вас. — Она посмотрела на Пию пронзительным взглядом, прежде чем узнала ее. — А, полиция.

— Добрый день, фрау Ягода, — ответила Пия. — Надеюсь, я не помешала. Я была в ваших краях и решила заехать, поскольку у меня есть к вам еще пара вопросов.

— Проходите. — Марианна сделала шаг в сторону.

Мужчина, который еще пять минут назад доводил ее до блаженного визга, сидел на полу и собирал осколки цветочной вазы. Пия с удивлением узнала в нем крепкого конюха из комплекса «Гут Вальдхоф».

— Мне кажется, я вас уже видела в конюшне в Келькхайме, — обратилась она к мужчине.

Тот быстро взглянул на нее, но промолчал.

— Кароль не говорит по-немецки, — сказала Марианна Ягода. — Я попросила его сделать кое-какие работы в саду. Проходите в кухню, я сейчас приду.

Пия безоговорочно приняла эту ложь и вошла в кухню, но остановилась у двери и прислушалась.

— ...Еще не готов, — вполголоса произнесла жена Ягоды. — Это не займет много времени.

— Мне нужно вернуться в конюшню, — ответил якобы не говорящий по-немецки конюх. — Кампманн будет недоволен, что я долго отсутствую.

— Что тебе Кампманн? Подожди меня наверху, я сейчас приду.

Пия не разобрала ответ поляка, но в его голосе не прозвучало особого восторга.

— Предупреждаю тебя, — пренебрежительно засмеялась Марианна. — Ты думаешь, я тебе так хорошо плачу, потому что ты великолепно убираешь боксы?

Через некоторое время она пришла в кухню, открыла холодильник и спросила Пию:

— Вы тоже хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — вежливо отказалась Кирххоф.

Марианна пожала плечами, достала бутылку воды из холодильника и стакан из шкафа. Пила она большими жадными глотками.

— А где ваш сын? — поинтересовалась Пия.

— В интернате на Бодензее. Он приезжает домой только на выходные. — Марианна откинула длинные темные волосы на спину и села за кухонный стол. — Чем я могу вам помочь?

— Я хотела узнать у вас, что вы делали в тот вечер, когда погибла Изабель Керстнер.

— Я находилась здесь. У нас было много гостей. Почему вы об этом спрашиваете?

— Простая формальность, — улыбнулась Пия. — Могло случиться так, что у вас здесь собралось чисто мужское общество и вы не захотели к нему присоединиться.

— Тогда действительно была чисто мужская компания, — подтвердила Марианна Ягода. — Деловые партнеры моего мужа. Но так как я принимала гостей, мое присутствие было необходимо.

— Ваш муж сказал нам, что в тот вечер он ждал Изабель Керстнер, которая тоже была приглашена, но она не пришла.

— Да, это так, — подтвердила Марианна. — Он был очень недоволен тем, что она не приехала. Она ведь занималась обслуживанием клиентов и получала за это зарплату.

Пия полистала свою записную книжку.

— Вы знаете, что именно делала Изабель за деньги, которые она получала?

Марианна Ягода бросила на нее недоверчивый взгляд:

— Что вы имеете в виду?

— Обслуживание клиентов. Как это следует понимать? Она подавала кофе? Встречала клиентов в аэропорту? Или...

— На что вы намекаете? — Голос Марианны звучал резко.

— Ну хорошо. — Пия бросила на женщину быстрый взгляд. — В квартире Изабель мы нашли целую стопку фильмов, которые запечатлели ее интимные отношения с разными мужчинами. Ваш муж был столь любезен, что рассказал нам, что все эти мужчины в большинстве случаев являлись бывшими деловыми партнерами «ЯгоФарм».

— В самом деле? — Недоверие на лице Марианны Ягоды сменилось любопытством, и, когда она опять заговорила, в ее голосе послышалась циничная насмешка: — Вот почему она так много зарабатывала... Я всегда задавалась вопросом, отчего она обходится моему мужу в десять тысяч евро в месяц.

— У вашего мужа тоже были отношения с Изабель, — сообщила Пия и с напряжением стала ждать реакции.

К ее удивлению, Марианна звонко рассмеялась.

— Да что вы! — Она сделала презрительный жест рукой. — Мой муж вообще не интересуется такими тощими бабенками.

— Боюсь, вы ошибаетесь. — Пия положила на стол диктофон.

— Что вы себе позволяете? — Марианна Ягода прекратила смеяться, искра гнева появилась в ее темных глазах. — Мой муж любит меня, он бы никогда...

...Меня тошнит при мысли об этой жирной курице, — донесся из диктофона голос Ягоды. — Пыхтящий бегемот! Давай же, скажи, что ты сделаешь со мной, когда я к тебе приеду, это меня заводит...

Марианна Ягода, сжав губы, смотрела на диктофон, ее лицо как будто окаменело, руки

сжались в кулаки.

— Этот лживый червяк... — наконец злобно процедила она.

— Вы не знали, что ваш муж состоит в интимных отношениях с Изабель? — Пия убрала диктофон.

Марианна подняла глаза от столешницы и посмотрела на Пию.

— Черт подери! Конечно нет! — ответила она сдавленным голосом. — Его счастье, что он в следственной тюрьме.

Она, казалось, была глубоко потрясена этой довольно беспощадной правдой, и Пия почти начала испытывать к ней определенное сочувствие. Но потом она опять вспомнила о родителях Марианны, которые умерли мучительной смертью, отравившись угарным газом, и, возможно, не без причастности к этому их жадной до денег дочери.

— Когда я познакомилась с моим мужем, я не была такой толстой, как сейчас, — проговорила вдруг Ягода. — Я, правда, никогда не была стройной, но после беременности я поправилась. Сначала на десять килограммов, потом на двадцать. Моему мужу это нравилось. Он это всегда утверждал. — Она опустила взгляд. — Всегда говорил мне, что будет любить меня такой, какая я есть.

— Но он ведь с вами больше не спал? — предположила Пия. — Конюх находится сегодня здесь не для того, чтобы поработать в саду?

Марианна выпрямилась.

— Послушайте, — проговорила она почти с угрозой, — я действительно толстая, но тем не менее я женщина. Мне только тридцать семь лет. Это унижительно, и я знаю, что люди вроде вас смеются надо мной и считают противоестественным, если такая толстуха, как я, испытывает сексуальные желания. — Уголки ее рта задрожали. Казалось, Марианна вот-вот расплачется, но она быстро взяла себя в руки и резко встала. — Вас еще что-то интересует?

Пию интересовало многое, но она решила, что на этот раз беседу лучше завершить. Марианна Ягода должна спокойно еще раз переварить все, что она только что узнала.

Боденштайн, пролистав записную книжку Изабель Керстнер, начал постепенно понимать взаимосвязь, которую до сего времени ни он, ни его сотрудники не замечали.

— Добрый день, шеф. — В его кабинет вошла Пия Кирххоф. — Я только что была у Марианны Ягоды и могу вам сказать, что...

— Посмотрите сюда. — Боденштайн придвинул к ней записную книжку, и Пия склонилась над страницами.

— Что вы имеете в виду? — возбужденно спросила она.

— Вот. — Боденштайн указал на запись от двенадцатого августа. — Как мы могли это не заметить?

— «Анна. Фотографии Гарди и Фэтти», — прочитала Пия и скептически покачала головой. — Анна? Анна Лена Дёринг?

— Я думаю, что да, — кивнул Боденштайн. — «Гарди» — это Гарденбах, а «Фэтти» [\[13\]](#) Изабель назвала Марианну Ягodu. Это нам известно из записной книжки. Может быть, Изабель получила фотографии вовсе не от Гарденбаха, а от Анны Лены Дёринг? Давайте-ка мы сейчас к ней съездим.

В начале седьмого Боденштайн припарковал свой «БМВ» напротив дома доктора Керстнера, где они рассчитывали найти Анну Лену Дёринг. Но жилище выглядело темным и

пустым. По пути Пия рассказала о своем разговоре с супругами Хельфрих и о приключении в доме Ягоды.

— Вы верите, что Ягода ничего не знала о своем муже и Изабель? — спросил Боденштайн.

— Она казалась оскорбленной и потрясенной. Во всяком случае, она ни разу не поинтересовалась своим мужем. Если вы спросите меня, то, на мой взгляд, она это знала и поэтому ему изменяла.

Боденштайн набрал номер ветеринарной клиники, в глубине души надеясь, что трубку возьмет Инка. Но там вообще никто не ответил, а потом включился автоответчик. Боденштайн вспомнил, как Риттендорф ему объяснял, что они сразу перезванивают, так как автоответчик заставляет срабатывать звуковой сигнализатор у дежурного ветеринара. Он продиктовал свой номер мобильного телефона на автоответчик и отключил телефон.

— Мы еще не спрашивали Риттендорфа, что он делал в субботу вечером, — нарушила молчание Пия.

— Для этого не было повода.

— А может, наоборот, — сказала Пия. — Мне в голову пришла мысль, что Хельфрих и Риттендорф вполне имели основания убить Изабель. На ее совести была смерть одного из их друзей, того самого, который повесился в своем гараже. И потом еще... Михаэль Керстнер.

— Казнь из мести за друзей? — Боденштайн с сомнением посмотрел на свою коллегу.

— Что-то в этом роде. Вспомните о том гербе студенческого сообщества.

Боденштайн задумчиво наморщил лоб. Эта мысль уже не казалась ему слишком абсурдной.

— Но, как хорошие друзья, они должны были все-таки знать, что Керстнеру важно выяснить, где находится его дочь, — возразил он.

— Возможно, они не хотели убивать Изабель, а только собирались выбить из нее признание. Что-то пошло не так, и она погибла.

— Ветеринары и фармацевты знают, как действует пентобарбитал.

— А если они хотели ее только одурманить?

— Нам надо проверить алиби обоих. — Боденштайн посмотрел на часы. Было половина девятого. После недолгих раздумий он решил поехать в ветеринарную клинику.

Руппертсхайн как будто вымер. Уже почти стемнело. Когда они припарковали автомобиль на пустой парковочной площадке, Пия заметила, что ворота во двор не были закрыты полностью, но внешнее освещение не включено. В жилом доме тоже не было света. Ее взгляд упал на административную часть здания. Ей показалось, что она увидела мелькающий то здесь, то там луч света от карманного фонарика. Она обратила на это внимание шефа. Внезапно у обоих возникло ощущение, что здесь что-то не так.

— Пошли внутрь, — тихо произнес Боденштайн и достал из плечевой кобуры «кольт» 38-го калибра.

Пия кивнула и во второй раз за день взяла в руки оружие. Боденштайн прислушался в темноте, напрягая все органы чувств, но, кроме собственного дыхания, дыхания помощницы и отдаленного фыркания лошади, не было слышно ни единого звука. Где-то залаяла собака, затем вступила другая, потом обе замолчали. На улице за клиникой проехал автомобиль, шум мотора стих вдали. Пия открыла ворота. Их скрип показался громким, как пулеметный огонь. Они крались в тени стены через двор, в центре которого стоял припаркованный внедорожник доктора Керстнера. Боденштайн, идущий впереди, сразу застыл на месте.

Дверь, ведущая в административную часть здания, захлопнулась, и к стене дома приближались поспешные шаги. Боденштайн и Пия напрягли каждый мускул, сняли с предохранителя револьверы и приготовились увидеть какую-нибудь мрачную фигуру. Человек, завернувший за угол, пронзительно вскрикнул и испуганно отступил назад, когда вдруг заметил перед собой двух человек с оружием.

— Что вы делаете здесь в темноте? — спросил Боденштайн, отчасти вздохнув с облегчением и одновременно разозлившись, когда увидел помощницу ветеринара Сильвию Вагнер.

— О господи! — Веснушчатая схватилась за шею и прислонилась к стене. — Как вы меня напугали, черт подери!

— Мы думали, в офис проникли грабители, — объяснил Боденштайн и убрал револьвер в кобуру.

— А что вы здесь вообще ходите? — стала допытываться молодая женщина. Она, казалось, уже оправилась от испуга.

— Мы искали доктора Керстнера, — ответила Пия. — Мы были у него дома, но там его нет. Тогда мы оставили сообщение на автоответчике, но нам до сих пор никто не перезвонил.

— И не мог позвонить, — возразила Сильвия. — Нет электричества. Я хотела покормить лошадей, так как у меня сегодня дежурство, но когда я сюда пришла, то обнаружила, что электричества нет. Ничего не работает: нет света, не работают компьютеры, не работает автоответчик.

— В четверть седьмого автоответчик еще работал, — сказала Пия. — Вы знаете, где находится распределительный бокс с предохранителями?

— Да, — кивнула Сильвия, — рядом с операционной. Поскольку там нам потребуется ток высокого напряжения, новый бокс был установлен там.

Она пересекла двор, вынула связку ключей и уже хотела открыть дверь, когда заметила, что та уже открыта.

— Странно, — пробормотала она и вынула из кармана куртки фонарик.

— Разрешите. — Боденштайн взял у нее из рук фонарь. — Я пойду первым.

Тревожное чувство, которое только что его покинуло, вернулось. Оливер осветил просторное помещение, и то, что он увидел в свете фонарика, заставило его вздрогнуть.

— Что это? — прошептала фрау Вагнер.

— Вызовите «Скорую помощь», — скомандовал Боденштайн. — Немедленно!

Он пересек помещение и опустился на колени рядом с лежащим на полу человеком. Пия схватила фонарь и осветила своему шефу, пытавшемуся нащупать пульс на сонной артерии лежащего мужчины.

— О господи! — закричала Сильвия, увидев, что это Керстнер. Он лежал у стены в луже крови, в неестественно скрюченной позе и без сознания.

— Делайте же то, что я вам сказал! — грубо прикрикнул на нее Боденштайн и начал развязывать шнур, которым у доктора были связаны руки за спиной. Тут он понял, чем связали мужчину. Это был кабель, тянувшийся непосредственно к розетке тока высокого напряжения. Если бы кто-нибудь щелкнул выключателем, то через тело Керстнера прошло несколько сотен вольт и, вероятно, он был бы уже мертв.

Боденштайн распутал кабель и, лишь убедившись в том, что к питанию больше ничего не подсоединено, включил главный рубильник. Тут же вспыхнул яркий неоновый свет.

Керстнер здорово пострадал и находился в бессознательном состоянии. Одновременно с каретой «Скорой помощи» приехал Риттендорф со своей женой. Потрясенные, они молча наблюдали за тем, как санитары несли потерпевшего в машину.

— Куда вы отправите мужчину? — осведомился Боденштайн у врача «Скорой».

— В Бад-Зоден. У них сегодня вечером дежурство по экстренным вызовам.

Только когда автомобиль с сиреной и проблесковым маячком отъехал, Риттендорф обрел дар речи.

— А где может быть Анна Лена? — спросил он.

— Мы ее тоже ищем, — ответил Боденштайн. В последние полчаса он забыл, зачем вообще сюда приехал.

— Около шести они оба были у нас. — Риттендорф снял очки и протер глаза. — У Михи сегодня ночное дежурство. Он заехал, чтобы взять звуковой сигнализатор. У нас сейчас только один, другой сломался. И Анна Лена была с ним.

Боденштайн внезапно вспомнил слова фрау Дёринг, сказанные ему в пятницу вечером. *Если он попытается причинить мне зло, я использую против него то, что мне о нем известно...* Может быть, Фридрих Дёринг узнал, что его жена ушла к Керстнеру? Не он ли так отделал доктора? Но где тогда Анна Лена?

Дом Дёринга выглядел столь же пустым, как ранее — дом доктора, и Оливер с Пией поехали непосредственно в больницу в надежде, что им удастся поговорить с Керстнером. По дороге Боденштайн позвонил доктору Флориану Клэзину, который тоже не знал, где находится его сестра. В последний раз он говорил с ней в субботу, тогда она была у Керстнера.

Перед дверью больницы слонялись несколько пожилых мужчин в халатах. Они курили, с любопытством поглядывая на посетителей. Дверь в отделение экстренной помощи находилась слева, позади лифтов. Комната ожидания была пуста.

Боденштайн позвонил в дверь с матовым стеклом, табличка на которой указывала, что, возможно, придется какое-то время подождать, прежде чем вам откроют. Так оно и вышло. Спустя почти пять минут появилась медсестра с начальственным выражением лица и явно не в духе.

— Слушаю! — рявкнула она.

— Уголовная полиция Хофхайма, — сказал Боденштайн. — К вам доставили некоего Михаэля Керстнера. Мы можем поговорить с его лечащим врачом?

— Минуту, — коротко ответила дама, и дверь захлопнулась.

Опять прошло несколько минут. Затем дверь открылась, и к ним вышел молодой врач в голубом халате, которого, судя по бейджу, звали Ахмед Джафари. Боденштайн представился и назвал причину своего визита.

— Как себя чувствует господин доктор Керстнер? — спросил он.

— Он получил довольно серьезные повреждения, — ответил врач, — но сейчас пришел в сознание.

— Мы можем с ним поговорить? Это срочно.

Доктор Джафари поднял брови.

— Как правило, мы не уполномочены... — начал он.

— Мы расследуем дело об убийстве, — прервал его Оливер несколько более грубым тоном, чем обычно. — На прошлой неделе была убита жена доктора Керстнера, и мы полагаем, что тот же самый убийца хотел также разделаться и с ним.

Это было не совсем правдой, но возымело свое действие. Врач, находившийся под сильным впечатлением от услышанного, широко раскрыл глаза и обещал немедленно сообщить о состоянии здоровья Керстнера.

— Я выйду покурить, — сказала Пия.

— Я пойду с вами, — ответил Оливер.

В холле они наткнулись на Клэзинга. Тот с угрюмым лицом шагал в направлении отделения экстренной помощи.

— Если эта свинья сделала что-то с моей сестрой, я его прикончу. — Клэзинг сжал руки в кулаки. — Этот тип — психопат.

— Думаете, ваш зять имеет к этому какое-то отношение?

— Конечно, — фыркнул Клэзинг. — Запугивание с помощью физического насилия — это его стихия. Вы ведь это тоже заметили, не так ли?

— Ваша сестра рассказывала мне, что она предположительно знает, где находится дочь Керстнера, — сообщил Боденштайн. — Она была убеждена в том, что ее муж приложил руку к исчезновению ребенка.

— Я думаю, такое вполне возможно, — хмуро согласился Клэзинг. — Я сказал Анне еще несколько лет назад, что она должна уйти от этого типа. Он убил свою первую жену голыми руками.

— Я знаю, — кивнул Боденштайн. — Поэтому я и беспокоюсь за вашу сестру. Она намекнула, что ей многое известно о ее муже и что у нее также есть доказательства его криминальных махинаций. Она вам никогда не говорила, о чем идет речь?

— К сожалению, нет. — Клэзинг скорчил гримасу и провел рукой по волосам, как бы выражая этим жестом свою беспомощность. — Моя сестра всегда поддерживала этого подлеца, даже когда он ее избивал. Она хотела быть с ним счастливой, несмотря на насилие, и ему удалось полностью отстранить ее от нас. Собственно говоря, только благодаря Михе она наконец воскресла.

— Мы попытаемся с ним сейчас поговорить, — сказал Боденштайн. — Может быть, он расскажет, что случилось.

В этот момент зажужжал его мобильный телефон, и он с нетерпением схватил трубку.

— Это Тордис... Я не помешала?

— О... нет-нет. Как ваши дела?

— Все нормально. — Она выдержала короткую паузу. — Я не хочу вас надолго задерживать. Я еще в конюшне. Полчаса назад здесь появилась фрау Ягода и отправилась к Кампманну. Она выглядела так, словно вот-вот взорвется. Вокруг ходят слухи, что Ягода арестован.

— Да что вы! — воскликнул Боденштайн, изображая удивление.

— Я понимаю. Здесь — в конюшне, во всяком случае, — что-то происходит. Возможно, вам будет это интересно.

— Хорошо. Спасибо. — Он размышлял над тем, что именно она имела в виду, как вдруг кое-что вспомнил. — Да, Тордис, вы случайно не видели сегодня вечером в конюшне Фридрихельма Дёринга или его жену?

— Нет. Анну я не видела уже целую вечность, а Фредди был здесь в последний раз в четверг, — ответила Тордис. — Я узнала об этом случайно, так как лентяй Кампманн жаловался сегодня, что вот уже несколько дней вынужден выезжать лошадей Фредди.

Боденштайн представил себе ее улыбку.

— Послушайте, — сказала она чуть погодя, — я вспомнила кое-что еще, насчет этого Филиппа. Он ведь был...

В этот момент в телефоне что-то зашумело и затрещало, и ее слова исказились. Затем разговор прервался.

— Черт возьми! — выругался Боденштайн.

— Вам нужно немного отойти от больницы, — посоветовала Пия. — Здесь мобильники плохо работают.

Он отошел на пару метров, и тут опять зазвонил его телефон.

— Что-то со связью, — пожаловалась Тордис. — Мы можем где-нибудь встретиться? Прямо сегодня вечером?

— Боюсь, что освобожусь довольно поздно. — Оливер бросил взгляд на часы.

— Ничего, — возразила Тордис. — Просто позвоните мне. Все равно когда.

— Я позвоню, как только освобожусь, — пообещал он.

Когда Боденштайн шел назад в больницу, он гадал с легкой усмешкой, действительно ли Тордис что-то знала или же просто замыслила с ним небольшое «рандеву». Да это и не так важно. Все равно лучше, чем сидеть дома и думать об Инке Ханзен и упущенных возможностях.

Керстнер лежал в отдельной палате в хирургическом отделении. Доктор Джафари неохотно выделил Боденштайну только пять минут, и ни секундой больше. У Керстнера было тяжелое сотрясение мозга и перелом носа и скулы. Доктор выглядел действительно ужасно, и у Оливера почти не возникало сомнений в том, что это была работа Дёринга. Именно так выглядела Анна Лена, когда на прошлой неделе появилась в комиссариате. У Керстнера на лице налились кровью несколько ушибов, нижняя губа была зашита, как и рана на лбу. К его левой руке была подсоединена капельница. Он выглядел очень бледным и находился в каком-то оцепенении. Несмотря на это, доктор пытался что-нибудь вспомнить.

— Последнее, что я помню, — пробормотал он не очень разборчиво, — это внезапный удар по голове.

— Фрау Дёринг в этот момент находилась с вами?

На обезображенном лице Керстнера появился испуг. Вероятно, он о ней совершенно забыл, что неудивительно.

— Анна! — Он приподнялся, но со стоном вновь откинулся назад. — Господи! Где она?

— Мы, собственно говоря, надеялись, что вы нам это скажете, — ответил Боденштайн.

— Она исчезла, — добавил Клэзинг мрачным голосом. — Подумай же, Миха. Не заметил ли ты на парковке какой-нибудь незнакомый автомобиль? Может быть, ты кого-то видел? Возможно, был какой-нибудь странный звонок?

Керстнер отчаянно покачал головой.

— Не звонил ли Дёринг своей жене в последние три дня? — поинтересовалась Пия.

— Я... я не знаю. — Керстнер схватился правой рукой за голову и невольно застонал.

Боденштайн ощутил глубокое сочувствие к этому человеку, на которого свалились, кажется, все несчастья. В дверном проеме появился доктор Джафари и энергично постучал по наручным часам.

— Не тревожьтесь так сильно. — Боденштайн положил руку на руку Керстнера. — Отдыхайте и поправляйтесь. Мы найдем фрау Дёринг, и вашу дочь тоже найдем, я вам обещаю.

Керстнер медленно кивнул, но его глаза наполнились слезами беспомощности. В тот момент, когда Боденштайн хотел отнять свою ладонь, он схватил ее и крепко сжал.

— Господа! — настойчиво сказал врач, стоя у двери.

— Еще одну минуту, — попросил Боденштайн и сделал знак Пие и Клэзину, чтобы они вышли.

— Я не мог этого сказать, пока Флориан был здесь, — прошептал Керстнер сдавленным голосом, и в его взгляде отразилось отчаяние, — но Дёринг знал, что Анна у меня. Он звонил ей вчера вечером и угрожал, что произойдет нечто ужасное, если она немедленно к нему не вернется. Он ее обругал, и здесь она, вероятно, совершила ошибку.

— Теперь уже достаточно, — вмешался врач. — Немедленно покиньте помещение.

Боденштайн не реагировал. Он ближе наклонился к Керстнеру, и у него побежали по коже мурашки, когда он услышал, что сделала Анна Лена.

— Я хотел завтра утром поехать вместе с ней к моим родителям, — голос Керстнера был едва слышен, и фразы, очевидно, давались ему с трудом, — но сейчас уже слишком поздно.

Он замолчал, с трудом переводя дыхание, затем начал кашлять. Боденштайн с испугом увидел, что он кашляет кровью.

— Видите, что вы наделали! — Доктор Джафари сердито и озабоченно отеснил в сторону Боденштайна и склонился над своим пациентом. Затем он нажал кнопку сирены. Чуть позже в комнату влетели две медсестры.

— Прошу вас, — проговорил Керстнер, тяжело дыша, и в отчаянии протянул руку. Из уголка его рта стекала тоненькая струйка крови. — Вы должны найти Анну Лену! Пожалуйста!

Боденштайн вышел в коридор.

— Ну что там? — бросился к нему доктор Клэзинг. — Что он вам еще сказал?

— Я думаю, ваша сестра в серьезной опасности. Она уверила Дёринга, что знает о нем то, из-за чего он может отправиться за решетку, и пригрозила ему, что даст этому ход.

Клэзинг побледнел.

— Фрау Кирххоф, — Оливер повернулся, собравшись уходить, — немедленно организуйте общий розыск Дёринга и его супруги. Пошлите людей на его фирму и к нему домой. Все полицейские наряды должны вести поиск его автомобиля и автомобиля его жены.

Когда они вышли через стеклянную дверь на парковочную площадку больницы, Боденштайн спросил Пию, знает ли она, как послать смс-сообщение.

— Смс? — Пия остановилась и недоуменно посмотрела на своего шефа. — А кому вы хотите послать смс?

— Это не имеет значения, — улыбнулся Боденштайн. — Так вы знаете или нет?

— Разумеется, знаю.

— Тогда покажите мне, пожалуйста.

Пия взяла мобильный телефон шефа и объяснила ему, как это делается.

Боденштайн забрал свой телефон и под удивленным и любопытным взглядом Пии начал писать первое в своей жизни смс. Ему казалось неприличным звонить Тордис в десять минут двенадцатого. Если она еще не спит, то получит эсэмэску, а если спит, то увидит завтра утром, что он не забыл о своем обещании.

— Так, — сказал он, подойдя к своему автомобилю, — теперь нажать «о'кей»...

«отправить»... супер! Совсем просто! — Он поднял голову и улыбнулся Пие.

— С вами все в порядке, шеф? — осторожно спросила она.

— Я три дня практически не спал, — ответил Боденштайн, — я безрезультатно преследую убийцу, и моя жена находится за десять тысяч километров от меня. А в остальном все замечательно.

Пия с сомнением посмотрела на него и с трудом подавила зевок.

— Вы напоминаете человека, который сунул палец в розетку, — улыбнулась она. — Я смертельно устала.

— Поспите пару часов, — предложил Боденштайн. — Я попрошу центральный офис, чтобы мне позвонили, если вдруг что-то случится. Если Дёринг сегодня ночью объявится, я об этом узнаю. Уверен, что он где-то запер свою жену. Мы прилипнем к нему, как жевательная резинка, и если нам повезет, он приведет нас к ней. Я ни в коем случае не хочу рисковать. Фрау Дёринг не должна оказаться в опасности из-за того, что мы задержим ее мужа-психопата.

Он вздрогнул, когда пропихнул его телефон.

— А, — устало улыбнулась Пия, — вот уже и ответ пришел.

Боденштайн с любопытством прочитал смс.

Вы знаете «Лайт энд саунд» в Боккенхайме? Или для вас это уже поздно? — написала Тордис.

«Лайт энд саунд» Оливер прекрасно знал, так как там уже полтора года по выходным Лоренц работал диджеем. Боденштайн сконцентрировался на том, чтобы сформулировать ответ. Он все равно сейчас слишком взбудоражен, чтобы идти спать.

Смогу быть там через полчаса, — написал он.

Когда он включил передачу заднего хода, опять пискнул его телефон. Тордис явно владела способностью написания смс-сообщений значительно лучше, чем он.

Я в бистро. Рада встрече.

— Я тоже, — пробормотал Боденштайн и дал газу.

«Лайт энд саунд» располагался в Боккенхайме по соседству с Ляйпцигерштрассе и был одним из наиболее популярных в настоящее время клубов. Боденштайн удивился, увидев, сколько молодых людей ходит на дискотеку по понедельникам. Он, без сомнения, оказался здесь самым возрастным посетителем, но больше всего выделялся тем, что на нем был галстук. Тордис с парой молодых девушек сидела за столиком в углу бистро, где музыка звучала не так громко и позволяла разговаривать, не надрывая горло. Как только Боденштайн подошел к столику, ее знакомые засобирались.

— Вам вовсе не обязательно уходить, — возразил он.

— Нам уже пора, — сообщила одна из девушек, и от него не укрылось, как она быстро подмигнула Тордис. Очевидно, она заранее проинформировала подруг.

— Вы хотите что-нибудь выпить? — спросила она Боденштайна. — Тут делают фантастические коктейли.

— Я бы выпил «Кайпиринью», — улыбнулся он.

На Тордис была облегающая светло-голубая блузка с глубоким вырезом, которая идеально подходила к ее глазам, и узкие черные брюки, которые могут себе позволить только обладательницы стройных фигур. Она махнула одному из официантов, молодому парню с волосами, уложенными гелем. На его плечах, покрытых соляренным загаром,

красовались выполненные с богатой фантазией татуировки. Тордис сделала заказ.

— Вы часто так поздно посещаете подобные заведения? — Боденштайн ослабил узел галстука.

— А почему бы и нет? — Тордис тоже улыбнулась. — Дома я знаю каждого.

— А сколько вам лет? — поинтересовался Боденштайн.

Тордис усмехнулась и подперла подбородок рукой.

— Достаточно, чтобы после десяти вечера принимать алкоголь в общественном месте, — ответила она. — Мне двадцать один. А вам?

— Больше. — Старший комиссар тоже ухмыльнулся, но потом стал серьезным. — Вы хотели сообщить мне что-то об этом Филиппе.

— Да, верно. — Тордис вздернула свой очаровательный носик. — Я сначала думала, что это не так важно, но сегодня вдруг вспомнила, что Изабель мне однажды рассказывала, кто такой этот Филипп. Она сказала, что он успешный кинопродюсер и предложил ей сняться в главной роли в одном из его фильмов.

— Так... — Боденштайн слушал с интересом.

— Хотя за это она никогда бы не получила «Оскар». — Улыбка Тордис была чуть ироничной. — Он ведь снимает порно.

Боденштайн вспомнил, что Ягода рассказывал нечто в том же духе.

— Филипп — сын Фредди Дёринга от первого брака, — продолжала Тордис. — Большую часть времени он живет в Аргентине. Но у его кинофирмы есть офис где-то здесь, во Франкфурте. Изабель как-то раз развеселило то, что в паспорте он значится не как Филипп Дёринг, а как Фелипе Дуранго.

Эта новость ошеломила Боденштайна. Сын Дёринга! Аргентина!

Появился официант и поставил на стол напитки и тарелку со снеками. Тордис взяла свой бокал и приветственно подняла его.

— Изабель что-нибудь рассказывала про него? — допытывался Боденштайн, забыв про «Кайпириню». — Вы можете что-то вспомнить?

Тордис, казалось, была чуть разочарована. Ожидала ли она от этой встречи действительно большего?

— Однажды она сказала, что могла бы заполучить любого мужчину, стоит ей захотеть. Единственная проблема заключалась в том, что мужчины, которые ей нравились, не имели бабок, а без денег это все пустое. Исключением стал Филипп, который еще не был старым хрычом, а денег у него куры не клевали.

— Она рассказывала про него что-нибудь еще? — спросил Боденштайн. — У нее с ним могло быть что-то серьезное?

— Понятия не имею, — пожалала плечами Тордис, потягивая через соломинку коктейль.

— Что вы можете сказать о Дёрингах? Вы хорошо их знаете?

— Не особенно. Фредди может быть очень вспыльчивым, особенно если выпьет. Пару раз он здорово избил Анну, однажды даже на глазах у всех, пока не вмешались Кампманн и еще один мужчина. Анна немногословна. Она всегда пытается произвести впечатление, будто она счастлива.

— У Дёринга были отношения с Изабель.

— Ни у кого не было серьезных отношений с ней, — покачала головой Тордис. — В Изабель было что-то такое, что сводило мужчин с ума. Она получала удовольствие от того, что соблазняла мужчин. Ей необходимо было ощущение, что она может завоевать любого из

них.

Боденштайн подумал о том, что Риттендорф сказал об Изабель Керстнер. *Она не могла пережить, если ей не удавалось приручить какого-либо мужчину.* Это соответствовало действительности.

— А что скажете о Кампманне? — спросил Боденштайн.

Тордис посмотрела на него задумчиво и без улыбки.

— Н-да... — Она вертела в руках бокал. — Изабель объезжала его лошадей, которых он готовил на продажу. Они часто проводили время вместе, но официально были всегда на «вы». Сюзанна, как бы то ни было, ужасно ревновала его к Изабель.

— Отсюда это перевоплощение...

— Да! — Тордис презрительно засмеялась. — Она сбросила двадцать килограммов, и потом эти перекрашенные волосы... Я даже не могу сказать, что в ней вообще есть настоящего. При этом она только действует на нервы своему мужу.

— Так что после был Кампманн. Дёринг и его сын. И еще Ягода.

— Ганс Петер? — Тордис, похоже, была удивлена.

В этот момент завибрировал телефон Боденштайна, лежавший рядом с его бокалом.

— Извините, — сказал он и взял трубку.

Звонили из центрального офиса с сообщением, что час назад водная полиция в районе Дойчхерренуфер на уровне мельницы обнаружила в Майне труп женщины. Судя по описанию, речь может идти об Анне Лене Дёринг.

— Я буду через десять минут, — пообещал Боденштайн.

— Что-нибудь случилось? — полюбопытствовала Тордис.

— Да, я, к сожалению, должен идти. — Боденштайн кивнул и сделал знак проходившему мимо официанту.

— Действительно что-то случилось или вы инсценировали важный звонок, чтобы отделаться от меня?

Боденштайн какое-то время не находил слов от предположения, будто он способен на столь изощренную хитрость.

— В Майне обнаружили труп женщины, — сухо сказал он. — Не исключено, что это фрау Дёринг.

— О господи! Это ужасно! — Тордис была обескуражена.

— Я не знаю, действительно ли это она, но я должен туда поехать.

— Можно я поеду с вами?

— А вам не надо поспать?

— Ночью я обхожусь тремя часами сна, — заявила девушка.

— Ну как хотите. — Мыслями Боденштайн был уже на берегу Майна, где нашли труп женщины. — Но вы останетесь в машине, согласны?

— Разумеется. — Тордис старательно закивала, ее глаза взволнованно блестели.

Свет мигающих маячков полицейских автомобилей отражался в чернильно-черной воде Майна. Боденштайн припарковался на обочине позади патрульной машины. По дороге они почти не разговаривали, и Боденштайн вновь ощутил то внутреннее напряжение, которое всегда охватывало его, когда он ехал на место обнаружения трупа. Оливер думал об обещании, данном Керстнеру, об отчаянии мужчины и о том горе, которое он уже пережил. Каким кошмаром было бы для него после потери ребенка узнать, что погибла женщина, которую он любил! Боденштайн отчаянно надеялся, что обнаруженная в Майне женщина окажется не Анной Леной Дёринг.

— Подождите меня здесь, — попросил он Тордис. Девушка подавленно кивнула.

Главный комиссар вышел из машины и кивком поприветствовал полицейского. Пригнувшись, пролез под желтой заградительной лентой и по полоске газона направился вниз, к берегу. Там кипела активная деятельность. Яркий прожектор освещал участок на береговом склоне. Всего в нескольких метрах от берега в воде покачивался катер водной полиции.

— Доброе утро, — сказал Боденштайн присутствующим. Те поздоровались в ответ.

Здесь были полицейские, коллеги из франкфуртского отдела К-2, сотрудники отдела по сохранности следов, полицейские водной полиции, а также два полицейских водолаза и люди из военизированной пожарной охраны. Со многими из них он уже встречался при аналогичных нерадостных обстоятельствах. Труп уже положили в специальный мешок. Он узнал врача, производившего осмотр трупа. Это был доктор Хеннинг Кирххоф, который формально еще оставался мужем его коллеги.

— Доброе утро, Боденштайн. — Врач поднялся. — Скверная привычка центральной диспетчерской всегда звонить мне, если они что-нибудь находят в воде. Это я о том, что живу в Заксенхаузене.

— Хотя бы не так далеко. — Боденштайн присел на корточки и посмотрел в раскрытый мешок. Обезображенное лицо женщины не позволяло произвести опознание. При одной мысли о том, какой кошмар пришлось пережить этой несчастной в последние минуты и секунды своей жизни, он невольно содрогнулся от ужаса. Сделал ли это Фридрих Дёринг, который, предполагая, что его жена осведомлена о представляющих для него опасность тайных махинациях, так жестоко расправился с ней и потом сбросил в реку?

— Здесь кто-то поработал тяжелым инструментом, — предположил Кирххоф. — Думаю, кувалдой или чем-то в этом роде, а потом еще добавил что-то едкое, вероятно, соляную кислоту. Она пролежала в воде не дольше одного или двух часов. Но умерла она не от травм на лице. Ей перерезали горло. Она полностью истекла кровью.

По временным рамкам все сходилось. Анну Лену Дёринг в последний раз видели около шести часов вечера, примерно в семь на Керстнера напали в клинике. Сейчас был час ночи.

— Когда наступила смерть? — Боденштайн поднялся, продолжая рассматривать изувеченный труп женщины.

— Трудно сказать, — пожал плечами Кирххоф. — У трупов, которые находились в воде, ректальная температура не информативна.

— Возраст? — Оливер в упор смотрел на погибшую. Ее длинные темные волосы напоминали переплетенные водоросли, и общий вид казался еще более ужасным оттого, что

женщина утратила какие бы то ни было человеческие черты лица. У Анны Лены Дёринг были длинные темные волосы.

— Предположительно около тридцати. — Судебный врач задумчиво поджал губы.

— Одежда, украшения, особые приметы?

— Ничего. Она была совершенно голая. — Кирххоф склонился над трупом и взял поочередно обе руки своей правой рукой в перчатке, чтобы более тщательно их рассмотреть. Никакой метки, которая осталась бы от кольца. — Он встал. — Завтра в середине дня, после вскрытия, я смогу вам сказать больше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хорошо. Вы сможете найти меня по мобильному телефону. До тех пор, пока не будет доказано обратное или женщина не объявится живой и здоровой, мы, к сожалению, должны исходить из того, что погибшей является Анна Лена Дёринг.

Оливер отвернулся, ощутив сильнейшую подавленность. В это мгновение его профессия вызывала в нем глубокое отвращение.

— Увидимся завтра утром в отделении судебной медицины, — сказал он Кирххофу и, сжав зубы, добавил: — Дёринг вообще-то должен опознать труп.

Врач кивнул и стянул латексные перчатки.

— Я слышал, вы уже пару недель работаете с моей женой, — обронил он как бы походя.

— Да, это так. Уже целый месяц.

Доктор Хеннинг Кирххоф был мужчиной высокого роста с темной, тщательно расчесанной бородой. Гладкий высокий лоб и тонкие губы придавали ему сходство с братом. Привлекательный, образованный, эрудированный и хладнокровный, он прекрасно знал себе цену. В какой-то момент Боденштайну показалось, что Кирххоф хотел еще что-то спросить, но потом отвел взгляд.

— Передавайте ей привет от меня, — сказал он.

— Обязательно, — кивнул главный комиссар. — Спокойной ночи.

Он двинулся вверх по береговой дамбе. Тордис вышла из машины и стояла, прислонившись к крылу его «БМВ».

— Ну как? — спросила она. — Это Анна?

Боденштайн заметил, что она, казалось, действительно поняла, что за всем этим кроется трагедия. В ее глазах он не увидел ни малейшей жажды сенсации, и от этого его симпатия к молодой женщине возросла.

— К сожалению, это пока невозможно установить, — сказал он. — Мы должны дождаться результатов завтрашнего вскрытия. Садитесь в машину. Где вас высадить?

— Я приехала в город на пригородном поезде. Моя машина стоит в Бад-Зодене у вокзала.

— Почему? — Боденштайн посмотрел на нее через крышу автомобиля. — Вы были так уверены, что найдете кого-то, кто вас отвезет назад?

Тордис бросила на него скептический взгляд и презрительно фыркнула.

— Я думала, вы не такой, — проговорила она, к его удивлению, — но вы, очевидно, расцениваете мое желание помочь вам как флирт. Большое спасибо. Вы стары для меня ровно на двадцать лет.

Боденштайн ошеломленно смотрел на нее и чувствовал, как его лицо и шею заливают краской. Он ощущал себя идиотом. Старым идиотом. Сначала он хотел ей возразить, но потом

осознал, что и в самом деле на какое-то время предположил, будто она хотела с ним пофлиртовать.

— Что за глупости! — коротко сказал он. — Садитесь. Я отвезу вас до вашей машины.

— Не трудитесь. Я поеду на поезде.

— Сейчас поезда уже не ходят.

— Тогда я возьму такси.

— Я думал, вы не такая, — передразнил ее Боденштайн.

— Что вы имеете в виду?

Они все еще смотрели друг на друга через крышу автомобиля.

— Обидчивая маленькая девочка.

— Я не обидчивая, — холодно возразила она. — И маленькой девочкой я была десять лет тому назад.

— Так вы едете или нет? Я ужасно устал и хочу сегодня ночью поспать хотя бы пару часов. — Старший комиссар сел за руль и с трудом подавил улыбку, когда девушка уселась рядом. Он развернулся и поехал вдоль Музейной набережной, а затем по мосту через Майн мимо главного вокзала. Все это время Тордис высокомерно смотрела вперед и молчала.

— Я согласен, — кивнул Боденштайн, когда они проезжали мимо франкфуртского торгово-выставочного комплекса. — В какой-то момент я действительно предположил, что вы ожидали от нашей встречи немного большего, чем «Кайпирина» и труп в воде.

Тордис неподвижным взглядом смотрела через ветровое стекло, и прямая гордая осанка ее тела говорила о том, что она обижена. Это вызывало у Боденштайна сожаление. Она ему помогла.

— О'кей, — неожиданно повернувшись к нему, Тордис улыбнулась полукокетливой-полусмущенной улыбкой, которую Боденштайн уже видел у нее раньше. — Вы меня раскусили. Я надеялась, что понравлюсь вам и этот вечер выльется в нечто большее, чем то, что произошло в действительности.

От этого признания Оливера пронизал необычный трепетный страх, и одновременно он злился, что позволил этой молодой девушке так себя спровоцировать.

— Так-так... — только и сказал он, после чего нажал на газ, оставляя позади окраины Франкфурта.

— Я не как Изабель, — Тордис отвела взгляд и стала опять смотреть в окно, — но вы мне нравитесь, несмотря на то что уже немолоды, заносчивы и много о себе воображаете.

Боденштайн поднял брови.

— Это не слишком тонкий английский намек, — пошутил он.

— Я американка. Мы привыкли действовать напрямик.

— Да, тогда это все объясняет. — Боденштайн включил сигнал поворота и перед торговым центром «Майн-Таунус» съехал с трассы А66, чтобы направиться в Бад-Зоден.

Взгляд Оливера скользил по ее лицу. Он задавался вопросом, что она собой представляет. Неужели она предполагала, что ей удастся так легко его соблазнить, что он повезет ее к себе домой или даже переспит с ней прямо в машине? К его собственному удивлению, Оливер заметил, что подобные мысли не кажутся ему столь неприятными. С чего бы это он вдруг стал столь восприимчив к женской привлекательности? Может, причиной тому отсутствие Козимы или встреча с Инкой Ханзен?

Некоторое время спустя он остановился у курортного парка в Бад-Зодене рядом с желтым «Судзуки», но Тордис и не собиралась выходить.

— Спасибо за информацию, — сказал Боденштайн. — Вы нам очень помогли.

Молодая женщина подняла взгляд, и в ее глазах возникло выражение, манящее и обольстительное одновременно, заставившее пронзительно зазвонить тревожный колокольчик в голове Боденштайна.

— Счастливо добраться до дома, — пожелал он с прохладцей. — Спокойной ночи.

Фридрих Дёринг приехал домой в четверть седьмого и был задержан у входа экипажем патрульного автомобиля. Когда спустя полчаса туда приехал Боденштайн, Дёринг был вне себя от ярости.

— Что это за второразрядная комедия? Что вообще произошло? — кричал Дёринг, несмотря на ранний час и не обращая внимания на соседей. Он был небрит, выглядел напряженным и утомленным после бессонной ночи.

— Откуда вы сейчас приехали? — спросил Боденштайн.

— Какое вам дело? — буркнул Дёринг. — Как вам пришло в голову задержать меня здесь, возле собственного дома?

— На это у меня есть свои причины. — Боденштайн оставался спокойным. — Так где вы были этой ночью? И где ваша жена?

— Понятия не имею, — пожал плечами Дёринг. — Я не видел ее с пятницы. Потому что она уехала от меня и помчалась к этому своему маленькому придурочному ветеринару!

Внезапно он понял, что сказал больше, чем изначально хотел сказать.

— Так... — Боденштайн поднял брови, как будто только что услышал эту новость. — Где вы были вчера вечером между восемнадцатью и двадцатью часами?

— Я не произнесу ни звука! — прорычал Дёринг. — Я хочу попасть в свой дом.

— Вчера вечером на Керстнера напали в его клинике, — сообщил Боденштайн, — а ваша жена бесследно исчезла.

— Мне очень жаль, — ответил Дёринг с сарказмом.

— Это вы избили Керстнера и похитили вашу жену?

— У вас безумные фантазии, — ерничал Дёринг. — С какой стати я бы стал это делать?

— Возможно, с такой, что ваша жена знает о вас некоторые вещи, которые могли бы принести вам немало неприятностей, — предположил Боденштайн. — Ваш друг Ягода, который вот уже пару дней живет за государственный счет, многое рассказал. — Боденштайн отметил, как оцепенел Дёринг. — Например, о вашем общем друге Морисе Браульте. Или о тайнике с видеозаписями, которыми он шантажировал своих клиентов. Блестящая идея — удержание клиентов силовым приемом. Глупо со стороны господина Ягоды, принимая во внимание тот факт, что прокурор Гарденбах оставил подробное признание, прежде чем застрелился. Сейчас мы знаем все о темных сделках «ЯгоФарм» и многое знаем о вас, господин Дёринг.

— Обо мне нечего знать, — возразил Фридрих, но озлобленность в его глазах сменилась озабоченностью.

Вероятно, он еще не слышал об аресте Ягоды и начинал понимать, как близко от пропасти находится сам.

— Вы сейчас поедете со мной во Франкфурт, в морг. — Боденштайн посмотрел на часы. — Вчера ночью в Майне был обнаружен труп женщины, и мы предполагаем, что это может быть ваша жена.

— Вы не имеете права меня принуждать, — запротестовал Фридрих.

— Ошибаетесь, имею. — Боденштайн открыл дверь своей машины. — Прошу вас, господин Дёринг.

Через полчаса Дёринг с раздраженным лицом стоял в ярком свете неоновых ламп прозекторской института судебной медицины и пристально смотрел на жестоко обезображенный и все еще не опознанный труп женщины. Он порывисто отвернулся. Боденштайн внимательно наблюдал за ним, но мыслями был где-то совсем в ином месте. Оливер был не из тех мужчин, чье эго требовало, чтобы женщины ему навязывались, но недвусмысленная дерзость Тордис ему, без сомнения, польстила. Что было бы, если бы он дерзнул ее поцеловать? Что бы она сделала, если бы он...

— Почему вы принуждаете меня опознавать каких-то мертвых людей? — вырвал его из далеких мыслей голос Дёринга.

— Это ваша жена? — спросил Боденштайн.

— Нет, черт подери! — Дёринг энергично покачал головой. — Это не она. Я буду жаловаться лично на вас и на ваши методы министру внутренних дел, Боденштайн! То, что вы здесь делаете, — это психотеррор!

— Почему вы уверены, что эта погибшая женщина — не ваша жена?

— У моей жены была операция по поводу аппендицита, — резко ответил Дёринг. — Я знаю тело своей жены. Эта слишком полная. Я могу идти?

— Конечно. — Боденштайн постарался скрыть от Дёринга, насколько он облегчил его состояние своим признанием. — Если хотите, я могу распорядиться, чтобы вас отвезли домой и...

— Оставьте ваши пустые разговоры, — прервал его Дёринг. — Это будет иметь для вас определенные последствия, я вам обещаю.

Боденштайн пожал плечами и открыл дверь в коридор.

В холле он увидел Пию Кирххоф, которая вела энергичную беседу с супругом, — Хеннинг по-прежнему сохранял свой статус. На нем поверх костюма уже был надет зеленый халат. Боденштайн вышел из здания института судебной медицины. Дёринг прошел мимо, не попрощавшись и доставая на ходу из кармана брюк мобильный телефон. Боденштайн смотрел ему вслед, наблюдая за тем, как он, разговаривая по телефону, пересек улицу и направился к стоянке такси. Неожиданно появилась Пия.

— Ну как? — спросила она.

— Это не она, слава богу. Но с сего момента мы не должны спускать глаз с этого типа.

— Наши люди уже следуют за ним. — Пия кивком головы указала на серебристый «Опель», в котором сидели мужчина и женщина в гражданской одежде.

В эту секунду зажужжал ее мобильный телефон.

— О, добрый день, господин доктор Риттендорф, — ответила она, потом некоторое время слушала, что ей говорил Риттендорф, и, поблагодарив его, закончила разговор.

— Что он хотел? — поинтересовался Боденштайн, но Пия уже набирала какой-то номер.

— Секунду, — пробормотала она. Затем сообщила кому-то номер автомобиля и подняла глаза. — Вчера вечером без четверти семь один мужчина, гуляя в поле со своей собакой, заметил темно-зеленый «Джип Чероки», который стоял на полевой дороге позади ветеринарной клиники. Мужчина с трудом передвигается, и, так как автомобиль преградил ему дорогу, он постучал по стеклу. Водитель чуть приоткрыл окно и сказал, что тому

следовало бы похудеть. На незнакомце были солнечные очки, хотя уже совсем стемнело.

— Вот как, — скептически проговорил Боденштайн.

— Мужчина явился к Риттендорфу, чтобы на это пожаловаться. Он постоянно жалуется на клиентов ветеринарной клиники, которые там паркуются. Причем оказался настолько внимательным, что запомнил номер автомобиля.

Пока Боденштайн и Пия шли к своим машинам, Пия получила сообщение о том, кто является владельцем темно-зеленого «Джипа Чероки».

— Манфред Йегер, — громко повторила она. — Тонизендерштрассе, сто двадцать четыре «б», Зоссенхайм. Все ясно, спасибо.

— Так, — сказал Боденштайн, — нам надо с ним поговорить.

Манфред Йегер жил в одном из уродливых жилых блоков в скучном квартале Зоссенхайма, который всем известен как неблагополучный район. Люди живут в социальных квартирах, в тесноте, многие из них безработные; доля иностранцев здесь высока, как ни в каком другом районе Франкфурта. Дома, которым срочно требовалась свежая покраска, были разрисованы граффити. Райтеры не пропускали даже контейнеры для мусора и двери домов. Местная администрация опустила руки. Ни один луч яркого солнечного света не проникал в узкие пространства между домами. Боденштайна всякий раз мучили угрызения совести, когда профессия приводила его в места, подобные этому. Как ужасно, должно быть, жить в таком жилом блоке, не имея никаких перспектив! Пия пару минут искала звонок Манфреда Йегера, который также частично был замазан краской. Ответил недружелюбный женский голос.

— Это полиция, — сказала Пия. — Нам нужен Манфред Йегер.

Прошло минуты две, прежде чем раздался звук дверного зуммера.

Изнутри дом представлял собой, пожалуй, еще более удручающее зрелище, чем снаружи. Некогда сверкающая напольная плитка потускнела, пахло различной едой, прогорклым пивом и мочой. Стены были выкрашены в неопределенный цвет и также измалеваны граффити. На лифте висела табличка с указанием, что подъемник находится на ремонте. Рассерженные жители верхних этажей выместили весь свой гнев на металлической двери. Боденштайн и Пия не без труда поднялись на шестой этаж. За дверью квартиры, которую лишь слегка приоткрыли, их ждала женщина в потертом халате, державшая на руках плачущего маленького ребенка.

Ей было не больше двадцати пяти, хотя выглядела она вдвое старше. Дешевый перманент испортил волосы, сползший с плеча халат источал запах застарелого пота. На ребенке не было ничего, кроме подгузника, и, кажется, его надо было срочно купать. Позади появились еще двое малышей.

— Проходите. — Женщина в разношенных плюшевых тапочках развернулась и поплелась вдоль мрачного коридора в гостиную. Комната была настолько забита всяким хламом и облезлой мебелью, что Боденштайн и Пия с трудом смогли разглядеть мужчину, сидящего перед телевизором.

— Фараоны, — объявила женщина резким голосом. — Что ты опять натворил?

Манфред Йегер был щуплым парнем немногим более тридцати, с нервным лицом хоряка и сальными волосами до плеч. Он неуверенно ухмыльнулся и погасил сигарету в переполненной пепельнице.

— Я ничего не сделал, — попытался он защититься, прежде чем Боденштайн и Пия

открыли рот. — С тех пор как я вышел из кутузки, я ничего не сделал. Можете спросить моего наблюдателя по условному освобождению.

Боденштайн задался вопросом, как этот человек, живущий на грани нищеты, мог позволить себе «Джип Чероки» стоимостью в сорок тысяч евро.

— Вы являетесь владельцем внедорожника с государственным номером F-X 122? — спросила Пия.

Глаза мужчины забегали туда-сюда, кадык на худой шее нервно заходил вверх-вниз.

— Да, это наша машина, — ответила женщина. — Пусть у нас ничего больше нет, зато есть шикарная тачка.

Она горько засмеялась, и ее муж скорчил гримасу.

— Даже такая дорогая, как «Чероки»? — спросила Пия. — Как вы можете позволить себе такую машину?

— Послушайте, я зарабатывал по-настоящему хорошие деньги. — Йегер вытер рукой нос. — У меня была приличная работа.

— И где же вы работали? — уточнил Боденштайн в надежде, что испытываемое им отвращение не слишком бросается в глаза.

— Водителем на грузовике. На сорокатоннике. Объездил всю Европу. — Йегер нащупал пачку сигарет и вновь закурил. Курил он суетливо.

— Так, — кивнула Пия, — а за что вы были осуждены?

— Наделал глупостей. Действительно неприятное дело. Но я отсидел.

— Мы можем посмотреть документы на машину? — попросил Боденштайн и увидел недоверчивый взгляд хозяина квартиры.

Покопавшись, Йегер достал из заднего кармана джинсов истрепанное портмоне и достал оттуда технический паспорт на автомобиль.

— Вау! — Пия присвистнула. — Да он совсем новый! Регистрация — в июле две тысячи пятого года!

— Да, слушайте, классная машина! — Йегер ухмыльнулся, обнажив желтые от никотина зубы.

— А как вы за нее расплачивались? — спросила Пия.

Ухмылка мгновенно исчезла с лица Йегера. Мужчина сделал еще пару затяжек, докурив сигарету до фильтра.

— Где вы были вчера вечером между восемнадцатью и двадцатью одним часом? — спросил Боденштайн.

— Он был здесь, — вмешалась женщина, подпустив в голос угрожающие нотки. — Он был здесь и не выходил из дома. Слушай, давай скажи им, что это так и было!

— Да, я был здесь, правда, — Йегер энергично кивнул, — и смотрел телевизор.

— Вашу машину видели вчера вечером без четверти семь в двадцати километрах отсюда. — Пия скрестила руки на груди. — Как вы это объясните?

— Я одолжил ее приятелю. — Взгляд Йегера блуждал по комнате. — Я это часто делаю. За что получаю потом полный бак бензина.

— Хорошо. Тогда будьте так любезны сообщить нам имя вашего друга, — попросил Боденштайн. — Где автомобиль находится сейчас?

— Внизу, на парковке, я надеюсь. — Йегер указал большим пальцем вниз.

— Слушай, давай же, назови имя твоего приятеля, — напомнила Пия, которая сумела без особого труда адаптироваться к их манере изъясняться.

— Я точно не знаю его имени, — замылся Йегер. — Все называют его Тедди.

— И ты одалживаешь новый автомобиль типу, о котором ничего не знаешь, даже как его зовут? — Пия вытаращила глаза. — Ты издеваешься над нами?

— Нет, правда нет! Все так и есть, скажи? — Он бросил на жену ищущий поддержки взгляд.

— Тедди был коллегой моего мужа по работе перед тюрьмой, — сказала она. — Он действительно нормальный парень. Всегда нам помогает.

— Так, а где ты работал? Я имею в виду перед тюрьмой. — Пия постепенно теряла терпение.

— Водителем грузовика.

— Это мы уже слышали. На какой фирме? Ну же...

— Экспедиция «Дёринг» в Эшборне.

Пока они ждали руководителя отдела кадров экспедиционно-транспортного агентства «Дёринг», Боденштайн выпил чашку эспрессо.

Герберту Рюкерту едва перевалило за пятьдесят. Это был полный мужчина с блестящей лысиной и красным лицом, типичным для людей, страдающих гипертонией.

— Мы хотели бы поговорить с вашим сотрудником, которого зовут Тедди, — сообщил Боденштайн после того, как представился. — Дама в приемной не могла понять, о ком идет речь, но вы как руководитель отдела кадров наверняка осведомлены о прозвищах ваших сотрудников.

По лицу полного мужчины стало понятно, что он испытывает неловкость.

— У нас был водитель, которого так называли, — ответил он, немного замывшись, — но он у нас больше не работает.

— Для начала нам было бы достаточно узнать его настоящее имя и последний адрес, — невозмутимо проговорил Боденштайн.

— Я не уполномочен предоставлять справки, — холодно возразил Рюкерт.

— Вы уполномочены, — раздраженно сказала Пия. — Вы даже обязаны. Мы расследуем убийство.

Даже у Боденштайна почти иссякло ставшее притчей во языцех терпение.

— Имя и адрес, — коротко потребовал он без присущей ему тактичности. — Иначе вы получите уведомление в связи с чинением препятствий следствию. Итак, пожалуйста, поживей!

Руководитель отдела кадров Рюкерт, похоже, испугался. Он прошел за стойку приемной, взял телефонную трубку и поручил кому-то найти последний адрес Теодора ван Ойпена. Через три минуты Боденштайн и Пия вышли из здания.

— Я сейчас думаю о пасте, красном вине и лопнувшем алиби, — поведал Боденштайн по дороге к машине.

Пия бросила на шефа удивленный взгляд. Он подал ей ключи от авто и объявил:

— Поедем в Кёнигштайн в «Лимончелло». Вы знаете, где это?

— Да, знаю. — Пия села за руль «БМВ».

По дороге в итальянский ресторан Боденштайн сделал три звонка. Он поручил Бенке и Остерманну через полицейскую базу данных навести справки о Филиппе Дёринге, псевдоимя — Фелипе Дуранго, Манфреде Йегере и Теодоре ван Ойпене. Затем позвонил

паре, осуществляющей слежку за Фридрихом Дёрингом, и выяснил, что Дёринг взял такси, поехал домой и, очевидно, не планировал куда-либо уезжать. Состояние Керстнера все еще не позволяло с ним беседовать. Оно оставалось тяжелым, но его жизни уже ничто не угрожало. Между тем Боденштайн серьезно беспокоился об Анне Лене Дёринг, так как при разговоре с ее братом выяснилось, что она не появлялась ни у него, ни у родителей.

— А что с «лопнувшим алиби»? — поинтересовалась Пия у своего шефа, когда они поднимались по лестнице ко входу в «Лимончелло».

— Я размышлял о вашем вчерашнем предположении. — Боденштайн остановился. — Хельфрих и Риттендорф как раз ужинали, когда Изабель умерла. Чтобы вечером доехать отсюда до Руппертсхайна, требуется примерно минут семь. Таким образом, у них было достаточно времени и имелись все необходимые средства.

— И каков их мотив?

— Возможно, действительно месть, — ответил Боденштайн. — Риттендорф так или иначе ненавидел Изабель. Ее брат тоже не пылал к ней особой любовью. Они встретились после обеда и поссорились. Изабель требовала свою часть наследства. Кроме того, она в течение многих лет унижала и мучила Керстнера, их очень близкого друга.

— О чем я и говорила, — усмехнулась Пия и последовала за шефом вверх по ступеням.

Через полчаса они сидели за столом в полупустом фешенебельном ресторане, заказав по бокалу «Кьянти» и тортеллони алла нонна^[14]. Им уже было известно, что супруги Хельфрих и Риттендорф в период между семью и десятью часами покидали стол лишь на несколько минут, чтобы выйти в туалет. Это подтвердил не только владелец итальянского ресторана, но и, независимо от него, один из официантов. Боденштайн подробно пересказал Пие свой разговор с Тордис и ее слова о Дёринге.

— Все становится еще более туманно. — Боденштайн задумчиво жевал тортеллони. — У всех есть алиби, пусть даже весьма шаткое.

— У всех, за исключением инструктора Кампманна и его жены, — подтвердила Пия.

— Кампманн... — кивнул Боденштайн. — Но зачем ему убивать Изабель? Она приносила ему деньги.

В поисках убийцы они затратили столько усилий и обнаружили столько мусора, что при этом, возможно, упустили нечто существенное. Ни Дёринг, ни Ягода не были главными действующими лицами в этой трагедии. Даже если они и имели к ней какое-то отношение, ни один из них не убивал Изабель Керстнер. Из-за следов и подозрений Боденштайн почти забыл, что его задачей является расследование убийства молодой женщины. Все остальное из того, что им удалось выявить, относится к сфере задач других отделов.

— Возможно, это не был кто-то непосредственно из них, — предположила Пия. — Подождем, пока отыщется этот Тедди. Возможно, Изабель была слишком опасна для Дёринга и Ягоды и они решили убрать ее с дороги с помощью своего приспешника. Только когда ее уже не стало в живых, им пришло в голову, что они не знают, где находятся эти фильмы.

— Если честно, — Боденштайн отодвинул от себя пустую тарелку и провел рукой по лицу, — я вообще больше ничего не понимаю. Я потерял нить, если она вообще имела место во всей этой истории.

Вернулась усталость, парализовавшая его мысли. Его мозг был затуманен. Оливер чувствовал себя как когда-то в школе: готовясь к контрольной работе, бесконечно долго

зубрил уроки, а открыв тетрадь, в какой-то миг понимал, что ничего не знает. Опыт научил его: если дошел до этого состояния, есть только один выход — полностью отключиться. Если повезет, то туман рассеется и он опять будет в состоянии ясно мыслить.

— Прошлой ночью я не сомкнул глаз, — наконец промолвил главный комиссар и зевнул. — Пожалуй, мне надо пару часов поспать... — Ах да, — вдруг вспомнил он, — ваш муж просил меня передать вам привет!

— Спасибо, — ответила Пия, — все в порядке. Я с ним уже виделась сегодня утром.

— У меня сложилось впечатление, что он вас все еще любит, — заметил вскользь Боденштайн. Несмотря на усталость, его все же интересовала личная жизнь его новой деловой коллеги.

— Ваше впечатление вас не обмануло, — сказала Пия. — Мы договорились о встрече в выходные. Мой муж хочет посмотреть мое новое пристанище.

Фридрих Дёринг, вернувшись домой после посещения института судебной медицины, немедленно отправился в душ. Потом он уселся за свой письменный стол и сделал пару телефонных звонков. Положение было более серьезным, чем он предполагал, и этим он был обязан именно своей жене и Изабель Керстнер. Мужчина злобно фыркнул, открыв скрытый за книжным шкафом сейф, который уже дважды помог уйти ему от ответственности за сокрытие нарушений налогового законодательства. По глупости он не знал, насколько подробно жена осведомлена о его махинациях, поэтому необходимо уничтожить все. Конечно же, вскоре он бы это выяснил, Анна Лена не сможет вечно хранить это свое упрямое молчание. Внутри кипела жгучая ярость. Ягода подтвердил в присутствии полицейских, что он стоит за сексуальными видеофильмами, которые снимала Изабель! Как можно быть таким непроходимым болваном? Именно сейчас, когда все складывалось наилучшим образом и с этой маленькой распутной интриганкой было покончено, у парня сдали нервы! Фридрих презирал слабость и ненавидел дилетантство. И то и другое Ягода продемонстрировал сразу в один день, хотя на протяжении нескольких лет он не давал никакого повода даже для малейших сомнений.

Пропуская через уничтожитель документов целые горы папок и толстых пачек бумаг и наблюдая неподвижным взглядом, как все его бесценные, подобранные за долгие годы средства принуждения превращаются в клочки бумаги, Фридрих ощутил непреодолимую потребность уничтожить кого-нибудь собственными руками. Было половина шестого, когда Дёринг прополз под письменным столом и развинтил отверткой корпус своего компьютера, чтобы удалить из него жесткий диск. Когда он увидел, как содержимое мусорного мешка зашло в камине пламенем, его необузданная ярость перешла в холодную жажду мести.

У Боденштайна бешено колотилось сердце, когда он очнулся от кошмарного сна, в котором замерзал в ледяном озере, находясь по шею в воде. Когда он открыл глаза, ему потребовались пара секунд, чтобы понять: он все еще лежит в ванне. Вода за это время стала ледяной, а за окном была непроглядная темень.

— Черт возьми! — ругнулся он и попытался выпростать свое заочневшее тело из ванны. Зубы стучали от озноба, и, когда он наконец выбрался из воды и одеревенелыми пальцами нажал выключатель, у него чуть подогнулись колени. Все его тело распухло от воды, из-за неестественной позы в ванне болел затылок.

Оливер, спотыкаясь, вышел из ванной. Сознание помутилось от усталости, а от

пронизывающего холода его трясло. С ужасом заметил, что уже без четверти десять. Он пролежал в ванне почти семь часов и спал как убитый! Дрожа и стуча зубами, главный комиссар принялся искать свой мобильный телефон. Когда он обнаружил его в кармане пиджака, оказалось, что аппарат был выключен — разрядился аккумулятор.

— Проклятье, проклятье, проклятье, — шептал он самому себе.

Потом, надев трусы, попытался вспомнить, где он в последний раз видел зарядное устройство. Нашел его в кухне. Его руки так дрожали, что понадобилось какое-то время, чтобы подключить кабель и заставить телефон опять начал функционировать. «Почтовый ящик» проинформировал его, что получено девять новых сообщений. В начале пятого трижды звонила Пия и доложила, что при первоначальном обследовании «Чероки» Манфреда Йегера были обнаружены следы крови, которые по групповой принадлежности совпадают с группой крови Анны Лены Дёринг. Автомобиль был подвергнут тщательной чистке, но тем не менее в нем были найдены волокна от одежды и пара волос. Отпечатков пальцев обнаружено не было, зато в переполненной пепельнице нашлись четыре окурка от сигарет иной марки, нежели «Мальборо», которые курит Йегер. В лаборатории также исследовали почву, оставшуюся в протекторах шин, под днищем и на всевозможных частях автомобиля. Манфред Йегер в феврале 2003 года был приговорен к полутора годам заключения, так как у него в грузовике при таможенном досмотре были обнаружены наркотики. Йегер сразу признался, что он занимался контрабандой самостоятельно, и так как ранее он не имел судимости и дал признательные показания, то отсидел только девять месяцев. Оставшийся срок был переквалифицирован в условное наказание. Теодор ван Ойпен не значился в базе данных полиции, не застали его и по адресу, который дал начальник отдела кадров Рюкерт. Правда, он, кажется, все еще проживал там. Двое полицейских ждут его появления около дома. Фелипе Дуранго не удалось найти в компьютере ни по его новому, ни по старому имени. В Интернете через Google было получено двести пятьдесят восемь тысяч ответов, что говорило о том, что это имя в испанском языке примерно столь же популярно, как Карл Мюллер — в немецком. После того как поиск был несколько сужен, Остерманн сконцентрировался на Фелипе Дуранго, которому тридцать два года и который является гражданином Аргентины. Его продюсерская фирма под названием «Нойе Хорицонтал» с головным офисом в Буэнос-Айресе, кроме прочих, имела филиал во Франкфурте и выпускала дешевые порнофильмы, которые поставила на поток преимущественно в Румынии и Чехии.

Дёринг по-прежнему не выходил из дома, но наблюдение продолжалось. После этого пять раз звонил кто-то с незнакомого номера, не оставив сообщения. Боденштайн отложил телефон в сторону, подошел к дивану в гостиной и лег. Лоренц сделал одолжение и взял собаку с собой. Оливер закрыл глаза и заставил свои мысли, отдохавшие целых семь часов, вновь вращаться вокруг дела Изабель. Он надеялся, что, пролежав в ванне с ледяной водой, не схватил простуду или еще что похуже. Постепенно тело согревалось, руки и ноги пощипывало. Оливер уже опять наполовину задремал, когда одновременно произошло два события: в дверь позвонили и в ту же секунду что-то с оглушительным лязгом пролетело через большое оконное стекло гостиной и ударило об его голову. Боденштайн от испуга сразу вскочил с дивана и ощупал лоб и затылок. Его сердце так колотилось, что, казалось, вот-вот разорвется на части. На сей раз он дрожал не от холода, а от страха. Он подошел к входной двери и открыл ее. Его сердце сделало еще один дикий скачок. Перед ним стояла Инка Ханзен. Ее скептический взгляд скользил по его телу сверху вниз и обратно к лицу.

— Инка! — удивленно воскликнул он и спросил себя, не спит ли он еще и не снится ли ему это. — Что ты здесь делаешь?

— Ты всегда так встречаешь гостей, у входной двери? — спросила она.

Боденштайн смущенно оглядел себя и увидел, что стоит в одних трусах.

— У тебя такой вид, будто ты увидел привидение, — сказала Инка, когда он провел ее в дом.

— Я уснул в ванне, — признался Боденштайн. — В тот момент, когда ты позвонила, что-то пролетело через окно в гостиной и попало мне в голову.

Он пощупал голову в поисках шишки и увидел на пальцах кровь. Только сейчас пришло осознание, насколько легкомысленно с его стороны было вот так просто распахнуть входную дверь, не убедившись в том, что снаружи его никто и ничто не подстерегает. Инка решительно щелкнула выключателем и бесстрашно вошла в гостиную. Огромное оконное стекло было в трещинах. Осколки стекла усыпали весь пол. Инка нагнулась и подняла с пола камень.

— Сюда лучше не заходить, — обернулась она. — Здесь все усыпано стеклом.

Боденштайн рассматривал камень в ее руке и думал, предназначался ли этот камень ему. Еще ни разу за двадцать лет работы в уголовной полиции ему лично никто не угрожал. Оливера охватил ужас при мысли, что кто-то приложил усилия, чтобы выяснить, где он живет, и затем проник к нему в сад. Кто заинтересован в том, чтобы его запугать? Инка пробралась через море осколков и опустила жалюзи на разбитом окне. Оглянувшись, она пристально посмотрела на него.

— У тебя идет кровь, — сообщила она. — Давай я взгляну.

Они пошли в кухню. Оливер сел на табурет.

Инка раздвинула его волосы и обследовала рану.

— Это просто царапина, — заметила она. — Тебе надо положить на рану лед, иначе завтра будет изрядная шишка.

— Хорошо. — Боденштайн поднял глаза. — Почему ты пришла?

— Я пару раз пыталась тебе позвонить, — сказала Инка.

— У меня разрядился аккумулятор. Я имею в виду... аккумулятор на моем мобильном телефоне...

— Да, и у тебя тоже, — улыбнулась женщина. — Очевидно, ты всю минувшую ночь провел в дамском обществе.

Боденштайн безмолвно смотрел на нее.

— Как... что... откуда ты это знаешь? — пролепетал он.

— Моя дочь рассказала. Она от тебя в полном восторге.

До Боденштайна дошло. *Моя дочь. Тордис. Я американка.* Эту схожесть он не просто вообразил себе. Слава богу, он сдержался и не поцеловал девушку.

— Я понятия не имел, что Тордис твоя дочь. — Он был растерян.

— Собственно говоря, я только хотела узнать, как дела у Михи. — Инка не отреагировала на его реплику. — В больнице мне ничего не говорят, и Георг тоже точно ничего не знает. Тебе что-нибудь известно?

— Да. У него не все в порядке. Его нужно оперировать. Он сейчас лежит в реанимации. — Боденштайн приложил усилия, чтобы вспомнить это. Он терпеть не мог спать днем, так как из-за этого нарушался весь его биоритм. Он чувствовал себя сбитым с толку и словно пребывающим в нереальности.

— О господи! — Инка всплеснула руками.

Она прекрасно выглядела. Глядя на нее, стоящую перед ним с покрасневшими щеками и слегка приоткрытыми губами, Оливер ощутил сильнейшее влечение, сравнимое лишь с острой болью. Молниеносно в воздухе растворились последние двадцать пять лет, и он вспомнил себя, восемнадцатилетнего юношу, и ту последнюю возможность перед отъездом в Гамбург, когда он мог признаться Инке, как сильно ее любит и насколько она ему нужна.

— Инка, я... я все время думаю о том, что ты сказала в воскресенье, и я... — произнес он сдавленным голосом. — Так много недоразумений и упущенных возможностей!

— Нет! — быстро прервала она его. — Пожалуйста, Оливер. Не говори ничего.

— Я тебя тоже любил, — прошептал он, — но я думал, что ты и Ингвар, что вы...

— Перестань! — проговорила она.

Он поднялся и заключил ее в свои объятия. Она уперлась руками в его грудь, но потом перестала сопротивляться и прижалась к нему.

— Слишком поздно, Оливер, — пробормотала она. — Пожалуйста, оставь все как есть.

То, что она сказала, было абсолютно разумным, но Боденштайн не хотел больше быть разумным. Таким он был всю свою жизнь.

После выпитого алкоголя Дёринг спал глубоким и крепким сном. Он лежал на своей широкой кровати и громко храпел, как всегда, когда выпивал. В процессе акции уничтожения улики он целиком опустошил бутылку водки. После этого Фридрих, едва держась на ногах, взобрался вверх по лестнице в свою спальню. Он думал, что видит сон, когда его внезапно кто-то тряхнул за плечо. Он с неохотой открыл глаза и спросонья зажмурился от яркого света. Страх пронизал все его члены, когда он увидел перед своей кроватью две фигуры в натянутых на лица масках в виде чулка. Благодаря выбросу адреналина он резко пробудился и мгновенно протрезвел.

— Эй! — Он выпрямился. — Что это значит? Что вы здесь делаете?

Ответа не последовало, но, прежде чем он опомнился, над ним склонилась одна из фигур в маске и прижала ко рту и к носу пахнущую эфиром салфетку. Дёринг попытался сопротивляться, но почувствовал, что его движения стали беспомощными. Он потерял сознание.

Полицейский Мёрле зевнул и потер пальцы. Уже десять часов сидел он в автомобиле перед домом этого Дёринга, и за минувшее время там ничего не шлохнулось, разве что около половины первого погас свет. С тех пор прошло уже два часа, и в то время, как этот тип уютно лежал в своей теплой постели, Мёрле и его коллега Надя Энгель в ту уже поосеннему холодную ночь отмораживали себе задницы. Это называлось наблюдением и считалось одним из самых скучных заданий в работе полиции. Порой это было достаточно забавно, прежде всего, если нужно было ехать за наблюдаемым объектом и при этом подвергать сомнению его водительское мастерство, но торчать ночью перед домом, притягивая к себе недоверчивые взгляды соседей, выгуливающих собак... это просто ужасно. Мёрле еще раз широко зевнул.

— Который час? — спросила Энгель сонным голосом. Они условились, что будут попеременно наблюдать и спать, и в этот момент у нее как раз был отрезок сна.

— Десять минут четвертого, — ответил Мёрле. — Парень преспокойно дрыхнет.

— Нас сменят еще только через три часа. — Надя Энгель обернулась и стала искать на заднем сиденье гражданского автомобиля, используемого для такой работы, как эта, термос с кофе. Она налила кофе себе и своему коллеге. — Теперь ты можешь спокойно спать. Я опять в форме.

Ни Мёрле, ни Энгель не заметили слабого света карманного фонарика внутри дома, за которым они наблюдали. Они не слышали легкого скрипа двери, ведущей в подвал, которая открылась и закрылась. Тем более не видели они две темные фигуры, которые протащили по газону мимо бассейна до задней части сада объемистый мешок, перенесли его через забор, окружающий сад, положили в темный автомобиль комби и, выключив фары, задним ходом поехали вниз по узкой тупиковой улице.

Когда Дёринг пришел в себя, его голова трещала, а во рту было неприятное ощущение чего-то ворсистого. Он хотел открыть глаза, но понял, что они завязаны. Затуманенное после наркоза сознание вернуло его в тревожные воспоминания. В памяти всплыли фигуры в масках, стоявшие перед его кроватью. Холодное дуновение ветра коснулось его тела, и

Фридрихельм испытал почти что панику, когда понял, что он абсолютно голый и совершенно беспомощный. Его руки и ноги были связаны и висели, ни на что не опираясь. Ярость от осознания того, что его одурманили и похитили, быстро уступила место какому-то необычно тягостному чувству.

Мысль о том, что он пережил настоящий *страх*, повергла его в невероятный ужас. На сей раз это не полиция, которая его задержала, теперь он не мог выкрутиться из создавшегося положения с помощью вспышки гнева, ловкости или смекалки. Он находился во власти решительных мужчин в черных, обтягивающих лица масках. Эти типы вытащили его из собственного дома, который он так наивно считал невероятно надежным.

— Что вы хотите от меня? — громко спросил Фридрихельм, и, хотя он желал, чтобы его голос прозвучал властно, из гортани вырвалось лишь смешное карканье. Дёрингу показалось, что он ощущает присутствие посторонних, но при этом он ничего не слышал. — Кто вы, черт подери? — прохрипел он. — Скажите же что-нибудь!

Он почувствовал, как его бедра коснулся какой-то холодный предмет, издавший жужжащий звук. И в тот же момент совершенно неожиданно по его телу прошел мощный удар тока такой силы, что Дёринг подпрыгнул и громко завыл от боли.

— Сейчас тебе наверняка стало немного теплее, а?

Он не мог ответить, так бешено колотилось его сердце. Дёринг стучал зубами, а руки и ноги дергались, и он ничего не мог с этим сделать.

— Двести двадцать вольт. Эффект — как если влезть в розетку. — Кто-то тихо засмеялся. — Вот забавная работа, гм!

Вновь удар тока, и опять тело Дёринга затряслось в конвульсиях. Пот лился ручьем. Повязка на глазах стала мокрой от слез, и он почувствовал, что у него не только текла слюна из уголка рта, но что он еще основательно обмочился. Внезапно у него пропал страх, а осталась лишь неприкрытая паника.

— Ч-ч... что... вы... х-х... хотите от м-м... меня? — Дёринг уже едва владел своим голосом, звучащим в его ушах как неразборчивое бормотание.

— Нам от тебя нужен только один-единственный ответ, — произнес чей-то голос. — Если ты будешь нам лгать, мы будем постепенно отрезать части твоего тела. Первым делом — твои яйца. Ты понял?

Дёринг затряс головой как помешанный.

— Что вам нужно от меня? — прошептал он. — Вы хотите денег?

— Нет, мы хотим знать, где твоя жена.

Волна облегчения прошла по его телу. Речь шла об Анне Лене, а он уже подумал, что это нечто более серьезное. Страх отпустил. Он имел дело не с профессионалами.

— Я не знаю, где она, — ответил он. — Я действительно не...

Прежде чем Фридрихельм произнес последний слог, он невероятно пожалел об этом, но было слишком поздно.

В половине пятого утра Анну Лену Дёринг высадили на бензино-бензольной заправке на круговой развязке в Кёнигштайне. Она досчитала до пятидесяти, как ей было сказано, затем сняла повязку с глаз и прошла пару метров до полицейского поста. Оттуда она позвонила своему брату, который, в свою очередь, через час поставил в известность Боденштайна о том, что его сестра нашлась. Оливер позвонил Пие Кирххоф. Та, конечно, уже была на ногах и находилась в офисе.

— Мне только что позвонил Флориан Клэзинг, — сообщил он. — Его сестра нашлась.

— Меня уже проинформировал коллега из Кёнигштайна, — ответила Пия. — Я просто не хотела будить вас среди ночи.

— Спасибо. Очень чутко с вашей стороны. — Боденштайн подумал, что он, наверное, постепенно стареет, так как постоянно чувствовал усталость. — Я сказал Клэзингу, что в десять часов мы ждем их в комиссариате. Есть какие-нибудь новости о Тедди и Дёринге?

— Тедди сегодня в пять часов утра пришел домой и сейчас сидит у нас в камере. Дёринг до сих пор не выходил из дома.

— Очень хорошо, — сказал Боденштайн. — Я сейчас приеду в комиссариат, и мы поговорим с Тедди и фрау Дёринг.

Он отложил телефон. К нему вернулись воспоминания о вчерашнем вечере. Инка. В его доме, в его объятиях. Со смешанным чувством разочарования и облегчения Оливер подумал о том, как холодно и отстраненно она отвергла его притязания. Горькая правда заключалась в том, что их откровенный разговор опоздал на двадцать пять лет.

Роберт Кампманн стоял перед зеркалом в прихожей. Вот уже в течение нескольких недель, в том числе и в это утро, ему совсем не нравилось то, что он там видел. Все изменилось с тех пор, как не стало Изабель. У него было ощущение, будто из его тела ушла вся энергия, вся воля к жизни и осталась лишь пустая оболочка. Надежда на лучшие времена растворилась в воздухе. Однажды все выяснится, и тогда он будет совсем уничтожен.

— Роберт? — Неожиданно позади него появилась жена.

— Что? — Кампманн нагнулся, чтобы влезть в растоптанные башмаки, которые предназначались для конюшни.

— Ты можешь отвезти детей в школу?

— Нет. — Он медленно выпрямился, и при этом его лицо обрело страдальческое выражение. Поврежденные межпозвонковые диски причиняли ему мучительную боль.

— Может быть, ты когда-нибудь скажешь мне больше трех слов за день или так будет всегда? — В голосе Сюзанны слышались ехидные нотки. Он не хотел смотреть на нее, не хотел увидеть холодный триумф в ее глазах. — Ее больше нет, — язвительно сказала она. — Тебе уже давно пора это понять.

— Я это понял, — ответил он. — Прежде всего я понял, как ты этому рада.

— Ты прав. Я рада, что это случилось. — Сюзанна скрестила руки на груди. — Теперь эта маленькая потаскушка не будет больше насмехаться надо мной, и мне не нужно больше бояться, что я неожиданно застаю тебя с ней в каком-нибудь боксе для лошадей.

Каждое ее слово причиняло Кампманну боль, словно удар ножа, но он сжал зубы и принял равнодушный вид.

Никто не должен знать, как ему не хватает Изабель. Он надел куртку и вышел из дома без дальнейших препирательств.

Сначала он выпустил собак из их пристанища, и они с лаем стали резвиться, наслаждаясь свободой. Твердым шагом Кампманн пересек двор и вздохнул, посмотрев в постепенно светлеющее небо и отметив, что сегодня будет сухой солнечный день. Это означало, что он сможет выпустить большинство лошадей на просторный выгон и ему не нужно будет выезжать всех этих дурацких животных своих уродов-клиентов. Мысль о работе еще больше омрачала его дурное расположение духа. Ему основательно надоело быть жертвой настроения его требовательных клиентов и невротички-начальницы, ему надоело

выезжать десять лошадей в день, ему надоело быть приветливым, вежливым и спокойным. Но еще хуже, чем все это, было тоскливое чувство зависимости. Роберт не мог сделать ни единого шага, ни единого движения без того, чтобы жена не проследила за ним своим аргусовым оком. Его тоска по свободе больно отзывалась в нем, как гнойная рана. Кампманн был очень близок к тому, чтобы все это бросить. Он собрал деньги на конноспортивный комплекс с небольшим отелем на юго-западе Ирландии, прямо на берегу моря. Он уже составил заявление на имя Ягоды о расторжении трудового договора, но потом Изабель, совершенно огорошив его, сообщила, что из их совместных планов на будущее, к сожалению, ничего не выйдет.

Роберт прошел вниз по мощеной дороге, достал связку ключей и открыл дверь конюшни. Затхлый запах аммиака ударил ему в лицо. Лошади начали ржать. Пятьдесят шесть лошадей ждали, когда их накормят сеном и овсом. Пятьдесят шесть боксов надо вычистить. Ему придется сделать это самому, так как Кароль сегодня опять не явился. В последние дни парень стал более строптивым и заносчивым, чем обычно. Кампманна абсолютно не задевало то, что Кароль преследовал Сюзанну, забыв обо всем на свете. Сюзанна давала парню надежду, так как предполагала, что это разозлит ее мужа, но она ошибалась. Ему все было безразлично.

На востоке появилась узкая светлеющая полоска. Через полчаса взойдет солнце, поэтому сейчас надо быстро покормить лошадей и выпустить их на выгон, прежде чем первый придурочный клиент сунет свой нос в конюшню.

Когда Роберт закрыл за собой дверь последнего бокса, то заметил, что его собаки исчезли из конюшни. Кампманн подошел к двери и громко свистнул. Обычно все три пса всегда выполняли его команды, но на сей раз они не появились. Вдали он слышал их лай и, чертыхаясь, отправился на поиски. Сюзанна опять будет орать во все горло, если собаки надумают разгрести кучу навоза.

Кампманн увидел своих псов во дворе у закрытых ворот, где они, возбужденно лая, бегали взад и вперед.

— Ко мне! — крикнул он приглушенным голосом. — Быстро, вы, глупые псы!

Реакции не последовало. Они как безумные прыгали на ворота, выли и издавали какие-то странные звуки. Кампманна охватило неприятное чувство, вытеснившее его озлобленность, когда он шел через пустую парковочную площадку. В сумеречном свете раннего утра ему показалось, что он увидел у ворот очертания человека с распростертыми руками. К сожалению, Роберт не мог больше видеть вдаль так же четко, как раньше, а для очков он был слишком тщеславен. Собаки подбежали к нему с высунутыми языками, они были очень возбуждены. Кампманн приблизился к воротам и с ужасом увидел, что это действительно очертания человека. Но он оказался совершенно обнаженным. Он не стоял у ворот, а кто-то привязал его к ним, разведя ему руки. Это выглядело так, словно он был распят. Его голова безжизненно свесилась. Кампманн робко подошел ближе. Псы подбежали к человеку, и Кампманн с отвращением увидел, как они стали обнюхивать и лизать его ноги. К своему ужасу, он понял, что это Фридрих Дёринг, на шее которого болталась картонная табличка. Его голые ноги были испещрены непонятными темными полосками. О боже! Эту ведь свернувшаяся кровь! С нарастающим изумлением Кампманн прочитал текст, написанный большими буквами на картонной табличке: «*ЛЕВИТ 24:19–20*». У ног несчастного стояла стеклянная банка, а в ней...

С трудом переведя дыхание, Кампманн сделал шаг назад, когда Дёринг шевельнулся и

тихо прохрипел. Кампманна сильно затошнило, и он неуверенной походкой двинулся к цветнику.

— Левит, глава двадцать четвертая, стихи девятнадцать-двадцать, — задумчиво проговорил Боденштайн. — Если не ошибаюсь, то это строка «Око за око, зуб за зуб».

Когда они приехали час назад, врач «Скорой помощи» и санитары как раз пытались освободить находящегося без сознания Дёринга, прикованного к воротам. Это было довольно сложно сделать без применения специальных инструментов. Боденштайну пришла в голову идея вызвать из ближайшей автомастерской механика с газовым резаком. Тем временем собрались любители зрелищ. Пришли первые клиенты конноспортивного комплекса, а также рабочие и служащие, которые трудились в офисах и фирмах, расположенных в близлежащей промзоне. Санитары сделали Дёрингу внутривенное вливание, стабилизировавшее кровообращение, и констатировали, что его действительно лишили мужского достоинства, причем довольно профессионально. В закрытой стеклянной банке в растворе формальдегида плавали отрезанные яички.

— Кто мог такое сделать? — Кампманн был на грани нервного срыва. Он сидел, дрожа всем телом, с зеленовато-белым лицом, на краю цветочной кадки из камня. Вокруг места перед воротами, где обнаружили Дёринга, служба сохранности следов снимала отпечатки следов от обуви и протекторов шин, хотя и без особой надежды на успех. Почва была сухой, и на ней перед въездом было бесчисленное множество следов от обуви, подков и шин. Боденштайн и Пия задавались вопросом, почему Дёринга приковали к воротам конноспортивного комплекса. Было ли место выбрано намеренно, чтобы его здесь в этом унижительном положении увидело достаточное число людей? Ссылка на цитату из Библии позволяла предположить, что преступник или преступники являются достаточно образованными людьми. Кто-то отомстил Фридриху Дёрингу, кто-то, кому было известно, что он — популярная фигура в «Гут Вальдхоф». Кампманн ничего не видел и не слышал, так как окна его спальни выходят на другую сторону дома.

Боденштайну бросилось в глаза, что инструктор плохо выглядел и, кроме того, похудел с тех пор, когда он видел его в последний раз.

— Господин Кампманн, — обратился он к инструктору, — вы знали, что Изабель записывала телефонные разговоры с вами?

— Какие телефонные разговоры? — растерялся Кампманн.

— Содержания мы не разобрали... — Боденштайн посмотрел на него пронзительным взглядом. — Возможно, вы могли бы объяснить нам, о чем шла речь.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Кампманн перевел взгляд на жену. Та в нескольких метрах от них разговаривала с двумя другими женщинами, в бриджах для верховой езды и сапогах, не спуская при этом с него глаз.

— Вы продавали лошадей своим клиентам, вам помогала фрау Керстнер, — подсказал Боденштайн.

— Продажа лошадей является частью моей работы, — объяснил Кампманн, внезапно насторожившись.

— Я вам охотно верю, — кивнул Боденштайн. — Но если я правильно понял, вы продавали некачественных лошадей за очень большие деньги.

Инструктор побледнел еще сильнее, чем был до этого, но его лицо оставалось спокойным.

— Думаю, вы пользовались доверием ваших клиентов и обманывали их.

— Я никого не обманывал, — решительно возразил Кампманн. — Покупатели довольны. Иначе бы они в течение многих лет не являлись клиентами моего комплекса.

— Возможно, здесь вы и правы, — сказал Боденштайн, — но, вероятно, фрау Керстнер перестала быть довольной. Я предполагаю, что она вела двойную игру, при этом получая от вас комиссионные, а в дальнейшем угрожая вам сделать ваше мошенничество достоянием гласности.

Боденштайн заметил крохотную искру испуга в глазах Кампманна, его рот панически задергался. Было ясно, что Оливер попал точно в цель. Пия сделала шефу знак, и он был вынужден оставить инструктора, правда предупредив его, что еще вернется к этому делу.

— Что случилось? — поинтересовался Боденштайн.

— Только что позвонил Остерманн, — сообщила Пия. — Ягода готов дать показания, а Морис Браульт был задержан на границе, недалеко от Аахена.

— Очень хорошо. — Боденштайн кивнул и задумчиво потер подбородок. — Ягода может подождать. Сначала я поеду к Риттендорфу. «Око за око, зуб за зуб»... Если я не ошибаюсь, это касается Керстнера и фрау Дёринг.

Когда Боденштайн вошел во двор ветеринарной клиники, он сразу увидел Риттендорфа и Инку Ханзен, которые занимались какой-то лошадью. При виде Инки у него мгновенно подскочил уровень адреналина, но он надел на лицо непроницаемую маску. Приблизившись, главный комиссар заметил, как оба обменялись быстрыми взглядами единомышленников, и предположил, что они говорили о нем.

— О, привет! — Риттендорф улыбнулся без особого восторга. — Опять вы? Может быть, хотите пройти у нас практику?

— Доброе утро. — Боденштайн оставался серьезным. — Может быть. Для разнообразия.

Риттендорф опять сконцентрировал свое внимание на ноге лошади и со знанием дела наложил повязку.

— Что привело тебя к нам? — деловито осведомилась Инка.

Боденштайн почувствовал, как растворилось в воздухе его безрассудное желание повернуть время вспять.

— Мне надо переговорить с доктором Риттендорфом, — сказал он.

Риттендорф дал владельцу лошади указания по режиму ее содержания, затем повернулся к Боденштайну и Инке.

— Итак? — Он закурил. — Что случилось?

— Где вы были минувшей ночью? — спросил Боденштайн.

— Прошлой ночью? — Ветеринар сделал удивленный вид. — Не могли бы вы несколько ограничить временные рамки?

— Разумеется. Между часом и пятью утра.

— Я был дома.

— У вас есть свидетели?

На лице ветеринара появилось ироничное выражение.

— Моя жена.

— Ваша жена исключается как свидетель, вы это прекрасно знаете.

— Да, но больше дома никого не было. — Риттендорф сунул руки в задние карманы своих джинсов и покачался на кончиках пальцев.

— Вы чувствуете себя очень уверенно, не правда ли? — Боденштайн ощутил, что постепенно начинает раздражаться.

— Уверенно? С какой стати я должен чувствовать себя уверенно или неуверенно?

— Фридрих Дёринг сегодня утром был обнаружен у ворот комплекса «Гут Вальдхоф», — сказал Боденштайн. — Он был профессионально кастрирован.

— О! — Риттендорф не был особо поражен. — Это печально.

Инка молчала.

— Не знаю, верным ли является в этой связи слово «печально». — В голосе Боденштайна прозвучала резкая нотка. — Он был подвергнут истязаниям и в обнаженном виде прикован к въездным воротам комплекса. Но, как я вижу, вас это ничуть не поразило?

Циничная улыбка мелькнула на губах ветеринара, а в его глазах за стеклами очков появилось необъяснимое выражение. Это был то ли триумф, то ли удовлетворение.

— Человек человеку волк, — пожал он плечами.

— Это из Ветхого Завета? Как и Левит, глава двадцать четвертая, стихи с девятнадцатого по двадцатый? — уточнил Боденштайн, и Риттендорф смерил его долгим взглядом.

— Нет, это Плавт. — Риттендорф оставался невозмутим. — «Homo homini lupus est».

— Прекратите ломать комедию. — Боденштайн совсем потерял терпение. — Я направлю сюда специалистов из отдела по сохранности следов. До этого никто не должен входить в вашу операционную. Нанесение телесных повреждений — это не пустяк.

Как по условному сигналу, в этот момент открылась дверь с табличкой «операционная», и из кабинета вышла Сильвия Вагнер. Ее удивленный взгляд поочередно перескакивал с Инки на Риттендорфа и Боденштайна.

— Вы можете начинать, — сказала она. — Мы закончили дезинфекцию, и лошадь уже можно уложить.

Риттендорф посмотрел на Боденштайна.

— Слишком поздно для сохранения следов, — усмехнулся он. Его наигранное сожаление было чистой иронией.

Когда Боденштайн в начале двенадцатого приехал в комиссариат, Бенке и Остерманн уже так обработали Теодора ван Ойпена, именуемого Тедди, что тот был готов давать показания.

Анна Лена Дёринг опознала в нем человека, который в понедельник вечером похитил ее и с тех пор караулил. Тедди уже много лет работал на Дёринга. Официально он числился водителем грузовика, но в действительности отвечал за всю грязную работу. На публике Дёринг никогда не появлялся в обществе Тедди, так как он всегда заботился о том, чтобы поддерживать образ серьезного бизнесмена. Присутствие рядом с ним такого молодчика, как Тедди, этому вряд ли способствовало бы. Остерманн и Бенке вышли из комнаты для проведения допросов, так как Боденштайн хотел вместе с Пией продолжить беседу.

Их взору предстал здоровый темноволосый мужчина с лицом, сплошь покрытым угрями, и с кожей, задубевшей от чрезмерно частых посещений солярия. На нем был красный спортивный костюм, горы мышц делали его движения неуклюжими. На шее, окружность которой соответствовала размеру его бедра, натянута броская золотая цепочка плоского плетения. Даже если он испытывал по отношению к Фридриху Дёрингу прямо-таки собачью преданность, то понимал серьезность своего положения и искренне

признался: по заданию Дёринга он выследил Керстнера и Анну Лену Дёринг, нанес ветеринару удар, связал его и похитил женщину. По приказу шефа для этой акции он одолжил джип у Манфреда Йегера. После того как он оставил Анну Лену связанной в охотничьей сторожке Дёринга под Реннеродом в Вестервальде, он привел в порядок джип и отогнал назад, затем поехал на собственной машине обратно в Реннерод. По дороге он выполнил еще один приказ: швырнул камень в окно гостиной дома Боденштайна. Услышав это, Пия бросила на шефа вопрошающий взгляд, на который Оливер, однако, не отреагировал.

— Дальше, — обратился он к Тедди. — Итак, вы поехали назад в эту сторожку...

О причине похищения Тедди ничего не знал, но признался, что освобождение Анны Лены Дёринг не планировалось.

— Я должен был ее караулить, пока шеф с ней не поговорит, — объяснил Тедди. — А затем следовало ее прикончить.

У Пии мурашки побежали по коже от того хладнокровия, с которым этот человек рассказывал о планируемом убийстве. Поскольку Тедди никогда не подвергал сомнению приказы Дёринга, то он также не колебался, когда тот позвонил ему среди ночи и истерически закричал, что надо немедленно отвезти Анну Лену в Кёнигштайн, к полицейскому посту.

— Дёринг звонил вам вчера ночью? — переспросил Боденштайн. — В котором часу это было?

Тедди поскреб голову и, задумавшись, скорчил отвратительную гримасу.

— Примерно в половине четвертого, — сказал он наконец.

— После этого он вам больше не звонил?

— Нет.

— Вам что-нибудь говорит имя Морис Браульт?

Тедди опять на какое-то время задумался. Боденштайн нетерпеливо барабанил костяшками пальцев по столу.

— Да.

— Да — что? Откуда вы его знаете?

— Я работал на него, прежде чем перешел к Дёрингу.

— Хорошо. Когда вы видели Браульта в последний раз?

— Недели две назад.

— А где? По какому поводу? — Боденштайн закатил глаза. Из этого парня нужно воистину все выуживать!

— Он мне позвонил, — сказал Тедди, — по поводу специального заказа.

— Продолжайте, — надавил Боденштайн.

— За это всегда платят дополнительные бабки. Морис просил, чтобы я съездил в Бордо.

— В Бордо? — переспросила Пия. — Зачем? Что это за поездка?

Тедди напряженно размышлял.

— Я должен был отвезти в Бордо ребенка.

Боденштайн и Пия переглянулись.

— Ребенка?

— Да, — кивнул Тедди, — девочку. Я забрал ее в Эшборне.

— Какое отношение к этому имел Морис Браульт?

— Он организует такие дела, — пожал плечами здоровяк.

— Итак, — резюмировал Боденштайн, — вы по указанию Мориса Браульта забрали ребенка в Эшборне, в транспортно-экспедиционном агентстве «Дёринг». Верно?

— Да, — подтвердил Тедди. — Она глубоко и крепко спала. Я выехал в три утра, это было в пятницу на позапрошлой неделе. Я ехал одиннадцать часов. В четыре я был в Бордо, в порту.

— И что там происходило? — продолжала Пия.

— Я отдал ребенка капитану яхты шефа для его сына.

— Как зовут сына вашего шефа?

Тедди, кажется, удивил этот вопрос.

— Дёринг, конечно, — ответил он, — Филипп Дёринг.

— Он тоже при этом присутствовал?

— Нет. Он ведь в Аргентине. Я отдал ребенка капитану. Потом я поехал назад.

— В тот же день?

— Да. В промежутках пару часов поспал, но в воскресенье утром я уже был здесь.

Таким образом, Тедди однозначно исключался из числа возможных убийц Изабель.

— Что за яхта у Филиппа Дёринга? — спросила Пия.

— Что-то вроде яхты. Шикарная штука! Изнутри отделана деревом и вообще...

— Это моторная яхта или парусная? И какого размера? — Пия терпеливо ждала ответа.

Тедди усиленно поскреб свою сальную голову, затем его туповатое лицо просветлело.

— Я знаю, как называется яхта. Довольно забавно.

— Да, и как же?

— Яхта называется «Goldfinger»^[15]...

Остерманн без особых проблем выяснил, что «Goldfinger II» — это моторная яхта класса люкс с верфи «Фидшип», серии 45 Vantage, приспособленная для плавания в открытом море, ходит со скоростью 14,5 узла по морям Мирового океана под флагом Аргентины. В свои лучшие времена Ганс Петер Ягода, будучи тогда еще миллиардером, сделавшим себя сам, и биржевой звездой, жаждавшей сенсационных заголовков в газетах, с удовольствием приглашал сюда важных партнеров по бизнесу, журналистов и друзей, чтобы отпраздновать свои успехи на подобающем уровне. Была еще яхта «Goldfinger I», которая также являлась собственностью Филиппа Дёринга, или Филипе Дуранго, и являлась постоянным местом проведения необузданных вечеринок в портах Антиба, Ниццы, Монте-Карло или Пальма-де-Майорки. Молодой человек, должно быть, купался в деньгах.

На какое-то время в комнате воцарилась мертвая тишина. Боденштайн посмотрел на лица своих сотрудников.

— У меня такое чувство, что мы совсем близко подошли к раскрытию целой серии преступлений, так как я сейчас совершенно четко вижу, что здесь речь идет о банде преступников. Ягода, Дёринг, сын Дёринга, этот Морис — все связаны между собой.

— Торговля наркотиками, торговля людьми, — кивнул Остерманн. — Для такого профессионала в области логистики, как Дёринг, это пустяк.

— Но, к сожалению, мы не намного приблизились к убийце Изабель Керстнер, — заметил Франк Бенке. — Мои любимые кандидаты — Керстнер и Тедди — исключаются.

— Подождите. — Боденштайн поднялся. — Сейчас я буду беседовать с Анной Леной Дёринг и готов поспорить: мы узнаем именно то, чего еще не знаем.

Он оказался прав. Анна Лена, бледная, но решительная, передала Боденштайну и Пис целую кипу копий, которые раскрывали темные махинации Дёринга, начиная с ведомостей по черной зарплате и тайных телефонных номеров до счетов практически в каждом налоговом рае мира, на которые поступали доходы от незаконного бизнеса. Боденштайн листал копии.

— Почему вы были так уверены, что то сообщение по электронной почте, которое ваш муж получил от Браульта, как-то связано с Мари Керстнер? — спросил он.

— Потому что я читала подобные сообщения, в которых каждый раз речь шла о торговле людьми. — Анна Лена Дёринг отметила удивленные взгляды. Затем она глубоко вздохнула, набрав в легкие воздуха, и начала свой рассказ. Боденштайн и Пия не решались ее перебивать.

— Грузовики моего мужа редко ездят без груза и совершенно точно никогда не бывают пустыми, если они прибывают с Ближнего Востока, из Восточной Европы или из Марокко. Время от времени водителей задерживают, но они получают хорошие деньги, чтобы прикидываться дурачками или немymi. В девяноста восьми процентах всех случаев так или иначе все проходит удачно. В Бельгии существует фирма под названием «Карготранс С.А.», которая официально принадлежит женщине по имени Магали Делорье, но в действительности под этим именем скрывается мой муж. Фирма не имеет ни офиса, ни грузовиков, а только адрес почтового ящика в Генке. Через «Карготранс» выполняются заказы, которые, собственно говоря, не существуют. «Карготранс» выставляет счета экспедиции «Дёринг», а «Дёринг» переводит деньги, или наоборот. Таким образом, мой муж всякий раз переводит эти деньги самому себе. «Черные» деньги становятся «белыми». Деньги, получаемые в результате сделок по торговле людьми, сразу становятся легальными. Совсем просто. Поэтому он использует множество подобных фирм в Голландии, Бельгии, Люксембурге и Гибралтаре, но также и за океаном. Сын Фридрихельма Филипп организует все, что идет в США и Канаду, из Буэноса-Айреса. Транспортировка одного человека из Пакистана или Румынии в Америку стоит пятьдесят тысяч евро. Перевозчики получают из этой суммы лишь небольшую часть, а остальное принадлежит ему. С помощью мнимой продюсерской компании Филиппа в Германию нелегальным путем доставляются сотни молодых девушек с Востока и из Азии. Они верят, что их ждет карьера кинозвезд и свобода, но здесь они все попадают в качестве проституток в какие-нибудь бордели.

— Какую роль в деле играет Ганс Петер Ягода? — спросила Пия.

— «ЯгоФарм», — вмешался Флориан Клэзинг, — с начала до конца был чистым обманом, мыльным пузырем, так как ни разу фирмой не была оказана ни одна услуга. Просто «прачечная» для отмывания денег. Правда, никто и не рассчитывал на то, что это будет успешный мыльный пузырь. Они делали гигантскую прибыль, так как инвесторы и аналитики на удивление долго довольствовались прогнозами и стратегиями роста. Когда они захотели однажды получить факты, все рухнуло. Ягода и Дёринг уже давно увеличили в сто раз свои вложения через котировку акций на бирже и опять извлекли пользу от сделки. Деньги были переведены за рубеж.

— О! — в один голос воскликнули Боденштайн и Пия.

— Мой зять хотел отказаться от «ЯгоФарм», — продолжал Клэзинг, — но Ягода помешался на идее действительно стать звездой на Новом рынке. Он нравился себе в этой роли. Престиж, интерес со стороны средств массовой информации, шумиха вокруг его персоны — вот что ему было нужно. Внезапно он решил создать для «ЯгоФарм» солидную

основу, но Фридрих в игре не участвовал. У обоих имелась пара скелетов в шкафу. Таким образом мой зять оказывал давление на своего делового партнера.

— Откуда же вы все это знаете? — спросила Пия.

— Я уже несколько лет слежу за деятельностью своего зятя, — пожал плечами Клэзинг. — У меня есть друзья на бирже; кроме того, я проверил эти документы и кое-что сопоставил. Я только не знаю, что за средство давления имел в своих руках Дёринг против Ягоды.

— Зато мы это знаем, — возразил Боденштайн и улыбнулся, увидев удивление на лицах доктора Клэзинга и его сестры. — Я думаю, вы, фрау Дёринг, тоже это знаете.

— Простите?

— Зачем вы дали Изабель Керстнер фотографии Марианны Ягоды и прокурора Гарденбаха? — спросила Пия.

— Что за фотографии?

— Фотографии, которые доказывают, что Гарденбах еще раньше был подкуплен супругами Ягода. — Боденштайн открыл папку, вынул из нее черно-белые фотографии, передал их Клэзингу и посмотрел на Анну Лену Дёринг. — Ваш муж знал, что Марианна Ягода имела отношение к смерти своих родителей, не правда ли?

— Не совсем так, — тихо проговорила Анна Лена. Брат внимательно смотрел на нее. — Марианна действительно знала, что Ганс Петер и Фридрих что-то планировали, но она этого не делала. Они также не знают, что мне кое-что об этом известно. Гансу Петеру в преддверии котировки акций на бирже нужно было три миллиона марок, которых у него не было. Фридрих в то время тоже не располагал такой суммой свободных денег. По-настоящему разбогател он лишь благодаря «ЯгоФарм». Ганс Петер попросил в долг у своего отчима, но тот его просто послал куда подальше. И тогда Фридриху пришла в голову идея отправить на тот свет... родителей Марианны. Я в то время не поняла, что они затеяли. Только узнав о пожаре и увидев Ганса Петера, который явился к нам что-то отмечать без малейшей скорби на лице, все осознала. Я была убеждена, что полиция докопается, но этого не случилось. Фридрих организовал контроль над Марианной. Он ей не доверял, потому что она достаточно умна. Пару недель назад я выяснила, что у Ганса Петера и Фридриха появились видеофильмы, где была снята Изабель с разными мужчинами: недовольными бывшими акционерами, банкирами, адвокатами и даже кем-то из органов расследования нарушений налогового законодательства. Они шантажировали мужчин этими роликами. Как-то вечером к нам пришел Ганс Петер, он был вне себя. Они проследовали в кабинет и забыли закрыть дверь, поэтому я слышала все, о чем они говорили. Ганс Петер по глупости сам залез в постель к Изабель, и сразу появился очередной фильм с Ягодой в главной роли. Фридрих набросился на него. Он сказал, что с фильмами они могли бы еще некоторое время потянуть, пока там все не прояснится. Что он имел в виду, я не знаю. Он обещал Гансу Петеру позаботиться о том, чтобы убрать Изабель с дороги, так как она и без того слишком много знает и уже потеряла совесть. Ганс Петер сказал, что чем быстрее это случится, тем лучше, так как он намерен перевернуть всю ее квартиру, чтобы найти эту пленку. Для Фридриха важны были деньги, а Ганс Петер хотел осуществить свою мечту и расширить «ЯгоФарм». В этот момент я поняла, что у меня есть хорошая возможность посадить в лужу всех троих.

— Каким образом? — любопытствовала Пия.

— Я знала, что в сейфе моего мужа лежат фотографии. Я их взяла и анонимно послала в

конверте Изабель. К ним я приложила письмо, в котором написала, что, имея эти фотографии, она получит компромат против супругов Ягода, так как с их помощью можно доказать, что именно они стоят за смертью родителей Марианны. Мне ведь и в голову не могло прийти, что Изабель тоже знала Гарденбаха.

— Зачем ты это сделала? — Флориан был ошарашен. — Ты ведь сама нарушила закон!

— Мне было все равно, — горько усмехнулась женщина. — Я знала, что Изабель очень алчна и наверняка будет шантажировать Ганса Петера имеющимися у нее сведениями. Я хотела только одного — чтобы она оставила Миху в покое. Одновременно я желала покончить с Фридрихом. Ганс Петер предположил бы, что Изабель получила фотографии от него. В конце концов, он ему никогда не доверял.

— Вероятно, Изабель погибла из-за этих фотографий, — заметил Боденштайн.

— Я тоже это предполагала, — призналась Анна Лена, и при этом создалось впечатление, что из-за этой истории она пережила не одну бессонную ночь.

— Я думаю, тебе нужен адвокат, — сказал пораженный Флориан.

— Вы уже слышали о том, что случилось с вашим мужем? — спросила Пия.

— Нет, — покачала головой Анна Лена. — Я вообще о нем ничего не слышала. Но я не исключаю, что он мертв.

— Нет, это не так, — возразила Пия, отслеживая малейшее изменение в выражении лица женщины, — но его, очевидно, подвергли пыткам ударами тока. И кроме того, его лишили... его мужского достоинства.

— Что вы сказали? Его кастрировали? — Анна Лена перевела взгляд с Пии на своего брата.

Какое-то время она недоверчиво и рассеянно смотрела перед собой, а затем закрыла рот руками и начала смеяться. Запруду, так долго сдерживавшую страх и отчаяние, прорвало; она смеялась и смеялась, почти истерически.

— Анна Лена, — прошептал ее брат, ощущавший неловкость от столь открытого, выставленного на всеобщее обозрение удовлетворения. — Прекрати!

— Я не могу! — Она жадно ловила ртом воздух, вытирая слезы со щек. — Это просто потрясающе! Боже, это потрясающе! Как я рада, что он получил по заслугам, эта свинья!

Боденштайн стоял в тени деревьев на кладбище в Бад-Зодене. Несколько человек, пришедших на погребение: Валентин Хельфрих, его жена Доротея и одна пожилая женщина — молча наблюдали за тем, как гроб опускается в вырытую могилу. Несшие гроб мужчины отошли в сторону. Пастор сказал несколько слов, которые Оливер не расслышал. Не было ни слез, ни громких рыданий, только спокойные сдержанные лица. Изабель Керстнер за свою жизнь принесла своей семье много горя, и ее ранняя насильственная смерть вряд ли потрясла ее родственников больше, чем то, что она вытворяла при жизни. Какое чувство должны испытывать родители, провожающие в последний путь своих детей? Боденштайн знал родителей и братьев или сестер людей, которые становились убийцами и насильниками; он видел их растерянность и их ужас, но также и их беспомощность. Все они искали вину за поступки своих детей в себе, мучая себя упреками и сомнениями, и страшно от этого страдали. С неприятным чувством Боденштайн размышлял о том, что бы он ощущал, если бы его сын или дочь однажды сделали нечто подобное, и он знал, что так же упрекал бы себя в том, что, как отец, где-то в чем-то важном не справился со своей задачей.

Мужчины несшие гроб, степенно поклонились и отступили назад. Затем они ушли

вместе с пастором, оставив семью наедине с их печалью. Они сделали свою работу. Боденштайн видел, как Валентин Хельфрих подошел к открытой могиле и положил руку на плечо своей матери. Он не бросил на гроб ни землю, ни цветы. С сухими глазами он простился со своей красавицей сестрой, которая всю свою жизнь его только горько разочаровывала.

У выхода с кладбища Боденштайн заговорил с семьей погибшей Изабель Керстнер.

— Извините, что беспокою вас в этот печальный момент, — сказал он, выразив соболезнования Валентину Хельфриху и обоим женщинам. Оливер вспомнил, что мать Хельфриха страдает болезнью Альцгеймера. Возможно, она вообще не осознавала, что здесь происходило.

— Ничего страшного, — откликнулся Хельфрих, чуть помедлив.

Боденштайну бросилось в глаза, что у него усталый, почти болезненный вид, как будто он не спал уже несколько суток подряд. Его глаза покраснели, а щеки ввалились.

— Я отвезу мать, — сказала Доротея Хельфрих. — Пока.

Валентин Хельфрих помог ей усадить мать в машину. Он подождал, пока автомобиль отъедет, и опять повернулся к Боденштайну. В последние часы главный комиссар все больше склонялся к выводу, что Хельфрих, несмотря на алиби, имел какое-то отношение к смерти своей сестры. Он был одним из тех молодых смеющихся мужчин, которые были изображены на фотографии в ветеринарной клинике, близким другом Керстнера и Риттендорфа, и он резко осуждал поведение своей сестры.

— Господин Хельфрих, — чуть помедлив, начал Оливер, — с какой целью двадцать седьмого августа, после обеда, вы встречались на парковочной площадке «Макдоналдса» с вашей сестрой?

— Она мне назначила эту встречу. — Валентин Хельфрих скрестил руки за спиной. — Вы предполагаете, что я имею какое-то отношение к смерти моей сестры, не правда ли?

— У меня складывается впечатление, что вы ненавидели вашу сестру за то, что она сделала вашим друзьям, — ответил Боденштайн.

— Ненависть — это слишком сильное слово. — Голос Хельфриха звучал ровно. — Я ее презирал. Моя сестра совершала чудовищные поступки. Непростительные. На ее совести смерть одного из моих лучших друзей, а жизнь другого она превратила в ад. Она вела себя невероятно грубо по отношению к родителям. Но ненависти у меня к ней не было.

— В отличие от вашего друга Георга Риттендорфа, — добавил Боденштайн.

— Да, верно, — устало кивнул Хельфрих.

— Так что хотела от вас Изабель?

Хельфрих ответил не сразу.

— Мы с женой несколько лет мечтали о ребенке, и все напрасно, — проговорил он наконец, казалось, без всякой связи. — Мы подали заявление о намерении усыновить ребенка, но для такой процедуры в Германии мы оба уже слишком стары. О других вариантах не было и речи. Это случилось в мае, когда Изабель захотела получить аванс от своей части наследства. Я ей отказал. Пока жива моя мать, ей принадлежат деньги моего отца и я ими распоряжаюсь. Это я и сказал Изабель. Тогда она попросила у меня займы. Такое происходило часто. Я сказал, что больше не дам ей денег, потому что она их не возвращает. Она настаивала.

— Сколько денег она у вас просила?

— Пятьдесят тысяч евро.

— Немало. — Боденштайн задумался. Ведь в мае Изабель Керстнер уже проворачивала сделки с Ягодой и Кампманном. — Она вам не сказала, для чего ей нужны деньги?

— Не напрямую. Она лишь сказала, что ей это нужно для инвестиций в ее будущее. И просила меня ничего не говорить об этом Михе.

— И что? Вы выполнили ее просьбу?

— Да, — кивнул Валентин Хельффрих. — Ведь их брак и без того был только фарсом. Микха и Анна Лена сблизилась, и я думал, что мой друг будет с ней более счастлив, чем с моей сестрой.

— Вы дали Изабель деньги? — спросил Боденштайн.

— Да, — Хельффрих снова кивнул. — Но на сей раз не без взаимной услуги.

— Вот как. И что же это была за услуга?

— Ребенок.

— Простите? — Боденштайн решил, что ослышался.

— Изабель была в тот период беременна. Она предложила отдать ребенка Доротее и мне. За пятьдесят тысяч евро.

Оливер на мгновение потерял дар речи.

— Кто был отцом ребенка? — спросил он потом.

— Я не спрашивал. Да мне это было и не важно. — Хельффрих пожал плечами. — Изабель получила деньги, а я от нее — обещание, что после рождения ребенка она навсегда исчезнет из моей жизни. На эти деньги она хотела приобрести школу дайвинга в Австралии, которую ей предложили купить по выгодной цене.

— Вы ей поверили?

— Да. Эта школа дайвинга действительно существует. Правда, мне следовало бы знать, что она может менять свое мнение так же быстро, как ветер — свое направление. Спустя пару недель о школе дайвинга речи больше не шло, зато она стала ездить на «Порше».

Хельффрих снял очки и потер веки.

— В субботу утром она позвонила и сказала, что хочет со мной поговорить. С глазу на глаз. Она предложила время и место встречи, и я приехал. Изабель сообщила мне, что она сделала аборт, так как у нее возникли какие-то проблемы, и что она в ближайшее время уедет из Германии. Я был ошарашен. То легкомыслие, с которым она распорядилась жизнью нерожденного ребенка, глубоко меня потрясло. Когда я стал ее упрекать, она только засмеялась и сказала, что может отдать мне «Порше», тогда она будет со мной в расчете.

В течение некоторого времени ни Хельффрих, ни Боденштайн не произносили ни слова. Было совершенно тихо, только ветер шевелил кроны деревьев.

— Вы осознаете, что то, что вы мне рассказали, является в моих глазах серьезным мотивом преступления для вас? — тихо спросил Боденштайн.

— Да. — Валентин Хельффрих снова надел очки и распрямил плечи. — Это мне абсолютно ясно. Но я этого не делал.

Боденштайн скрестил руки на груди.

— А если я предположу, — начал он, — что вы и Риттендорф схватили Изабель, убили и положили в багажник ее собственного автомобиля, чтобы позже — после того, как было обеспечено алиби в виде ужина в Кёнигштайне, — перенести на смотровую башню и сбросить вниз в надежде, что это будет воспринято как самоубийство?

Валентин Хельффрих на мгновение задумался.

— Такое могло бы иметь место, — признал он, — но этого не было. Сожалею. Мы

поужинали, потом Георг и его жена должны были возвращаться домой, так как они договорились с няней, что вернутся через три часа. Мы с Доротеей тоже поехали домой. Правда, в Келькхайме мы еще что-то выпили. В коктейль-баре под названием «XXS» на Франкфуртерштрассе. Там мы были примерно до часу. Я расплачивался кредитной карточкой, потому что у меня не было больше наличных денег. Вы все это можете проверить.

— Я проверю. — Боденштайн постарался скрыть свое разочарование, вызванное сообщением о столь твердом алиби. — Где вы, кстати, были вчера ночью?

— Вчера ночью? — Хельфрих с удивлением посмотрел на него. — Когда?

— Между часом и четырьмя часами утра?

— Где же я, на ваш взгляд, мог быть? — В уголках рта Хельфриха появилось какое-то подобие улыбки.

— В камере пыток, — ответил Боденштайн. — Вместе со своими собратьями по сообществу.

Выражение полного удовлетворения в глазах Валентина Хельфриха было исчерпывающим ответом Боденштайну. Он узнал то, что хотел знать.

Ганс Петер Ягода сжался, как воздушный шар, из которого выпустили воздух, когда Боденштайн и Пия под вечер представили ему показания Анны Лены Дёринг. Он узнал, что главный прокурор Гарденбах перед своей добровольной смертью оставил письменное признание, в котором серьезно изобличал его. Его кредиторы, которых он шантажировал компрометирующими секс-фильмами, объединились и подали в отношении него иск об обмане и шантаже. Банкротство «ЯгоФарм» невозможно было затормозить, и ягоферонил, медикамент, в который он вложил все свои надежды, принес бы деньги разве что конкурсному управляющему. Ягода понял, что больше не имеет смысла молчать и лгать, и решил расставить все точки над «i». Он признался, что «ЯгоФарм» изначально действительно была образована для того, чтобы, как полагается, получать прибыль, и что из-за этого между ним и Дёрингом произошла ссора. О сложных деталях Боденштайн не хотел ничего знать, в ближайшие недели и месяцы это будет предметом разбирательства прокуратуры и отдела по борьбе с мошенничеством. Его интересовало только одно: пыталась ли Изабель шантажировать Ягodu черно-белыми фотографиями.

— Нет, — заявил Ягода, быстро взглянув на снимки. — Я эти фотографии никогда не видел. Почему меня должны были шантажировать ими?

— Вы абсолютно уверены? — настойчиво спросил Боденштайн.

— Конечно, я уверен. — Ягода провел обеими руками по лицу. — Зачем мне вам теперь еще лгать? Ведь все уже позади.

Боденштайн припарковал автомобиль на площадке перед историческими зданиями замка Боденштайн, вышел из машины и открыл заднюю дверцу, чтобы выпустить собаку. В хорошую погоду и в выходные дни парковка была переполнена, так как замок Боденштайн, который располагался внизу долины, ведущей в Руппертсхайн, был любимым местом отдыхающих, приезжающих из Франкфурта и окрестностей. В последние годы его отец и брат, женившийся на весьма предприимчивой женщине, приложили немало усилий, чтобы сделать замок Боденштайн еще более привлекательным и, прежде всего, более доходным. Наряду с организацией традиционного конноспортивного бизнеса, они привели в порядок и выгодно сдали в аренду «Лесное кафе», расположенное чуть выше замка; также во внутреннем дворе регулярно проводились культурные мероприятия. В самом замке, где вырос Оливер, находился ресторан высшего класса, шеф-повар которого в прошлом году был награжден поварским колпаком по версии «Го Мийо» и звездами «Мишлен».

У Боденштайна не было желания встречаться с братом. Он хотел остаться наедине со своими мыслями, поэтому прошел мимо ворот во двор и направился по асфальтированной дороге к замку и перекрестку, от которого посыпанные щебнем тропы вели в Фишбах и в Руппертсхайн. Собака с восторгом носилась по убранным полям, радуясь неожиданной прогулке после нескольких дней домашнего заточения. Оливер шел по направлению к Руппертсхайну. Всякий раз, когда дело заходило в тупик, он надеялся с помощью пешей прогулки внести немного ясности в свои мысли. Накануне вечером Боденштайн поехал в больницу в Хёхст, надеясь поговорить с Дёрингом, но тот еще пребывал в шоковом состоянии и под воздействием сильных транквилизаторов. Бельгийская полиция арестовала Мориса Браульта по обвинению в похищении детей, и прокуратура уже направила запрос о выдаче преступника. Бенке, Хассе и Остерманн проверили всех гостей, которые двадцать седьмого августа были дома у Ягоды. Независимо друг от друга каждый из них признался, что подвергался шантажу со стороны Ягоды; кроме того, они подтвердили, что в течение всего вечера хозяин не покидал дом. Марианна Ягода тоже минимум до часу ночи была там.

Оливер наблюдал за своей собакой, которая широкими кругами носилась по полю. Ночью со вторника на среду Фридрих Дёринг был похищен из собственного дома. Специалисты из отдела по сохранности следов при проведении тщательного осмотра обнаружили следы обуви в саду, прижатый к земле проволочный забор, следы от протекторов на лесной дороге позади дома Дёринга и двух усыпленных ротвейлеров. Боденштайн был твердо убежден, что в этой акции был задействован Риттендорф. Один бы он не справился, поэтому подозрение Оливера пало также на Клэзинга и Хельфриха как соучастников. Все трое отомстили Дёрингу за все, что случилось с Анной Леной. Но если бы они не узнали таким однозначно уголовно наказуемым способом, где Дёринг спрятал свою жену, вероятно, ее бы уже не было в живых. Тедди ван Ойпен в этом признался. Участие Хельфриха и Риттендорфа в убийстве Изабель Керстнер в любом случае не подтвердилось, у обоих на тот период времени, когда была убита Изабель, есть алиби. А что же Флориан Клэзинг? Нет, чушь. Известный защитник по уголовным делам никогда бы не решился на подобные действия.

Главный комиссар отчаянно надеялся на озарение, внезапную мысль, накопленный опыт, которые приблизят его к цели — найти преступника. Он медленно перебирал в

памяти всю информацию, которой они на данный момент располагали, вызывал в памяти факты и лица, задавался вопросом, кто больше других заинтересован в смерти молодой женщины. Это Дёринг и Ягода, которым, без сомнения, было что терять, Керстнер, который годами терпел унижение, и Валентин Хельфрих, по понятным причинам всем сердцем ненавидевший свою сестру. Эти четверо были теми, кто мог иметь наиболее очевидный интерес в смерти Изабель. Но ведь было еще немало людей, которым молодая женщина своими необдуманными и бестактными действиями также причинила страдания, боль и горе. Кто мог сказать, что заставляет одного человека убивать другого? Причина, которая на первый взгляд кажется пустяком, для человека, ставшего из-за отчаяния, гнева или чувства беспомощности убийцей, может быть равноценна катастрофе. Мысли Боденштайна переключились на Роберта Кампманна. Инструктор, должно быть, опасался, что Изабель может поделиться информацией об их совместных сделках с его клиентами. Алиби у него не было. Как обстояли дела с фрау Кампманн, ревнивой женой? Боденштайну пришло в голову, что он с ней вообще не разговаривал, при этом напряжение между нею и ее мужем едва ли можно было скрыть. Какую роль играла Марианна Ягода? Действительно ли она не имела представления о том, с чем была связана смерть ее родителей?..

Зажужжал мобильник, вырвав его из потока мыслей. Боденштайн достал аппарат из кармана джинсов. Это была Пия Кирххоф. Она доложила, что полчаса назад Филипп Дёринг был арестован в аэропорту Франкфурта.

— Мы, правда, не можем его надолго задерживать. — В ее голосе послышалось сожаление. — У него дипломатический паспорт.

— Этого я и боялся, — заметил Боденштайн. — Сейчас приеду. Он что-нибудь сказал о девочке?

— Пока нет. Еще кое-что: в лаборатории установили, что отпечатки пальцев и волосы в «Порше» Изабель принадлежат Кампманну.

— Я буду через полчаса. — Боденштайн положил телефон в карман, свистнул собаке и развернулся на сто восемьдесят градусов.

Филипп Дёринг, он же Фелипе Дуранго, оказался мужчиной приятной наружности с характерным мужественным лицом и очень симпатичной улыбкой. Он был похож на отца, но в нем не было присущей тому агрессивной самоуверенности. Стройный и загорелый, одетый в дорогой дизайнерский костюм. На его запястье красовались «Филипп Патек»^[16].

— Вы не имеете права меня задерживать, — пояснил он в начале разговора. — У меня дипломатический иммунитет.

По выражению лица Пии можно было легко прочесть, что больше всего на свете она бы сейчас хотела двинуть ему по физиономии. Боденштайн улыбнулся.

— У нас и нет таких намерений, — спокойно возразил он. — Садитесь, пожалуйста. Хотите кофе или еще что-нибудь?

— Я бы выпил воды. — Филипп Дёринг сел на предложенный стул, несколько растерянный и удивленный приветливым обращением.

Пия налила в стакан воды и поставила перед ним.

— Вы приехали непосредственно из Буэноса-Айреса, — начал Боденштайн после того, как молодой человек дал свое согласие на магнитофонную запись беседы. — С какой целью?

— Я узнал, что с моим отцом произошло несчастье, — сказал Дёринг-младший. — Я

должен заниматься его делами, пока он вновь не сможет это делать сам.

— Да, неприятное событие, — кивнул Оливер. — Его пытали разрядами тока и затем профессионально кастрировали.

Филипп Дёринг, который как раз хотел поднести стакан ко рту, опять поставил его на место. У него отвисла челюсть, и рот остался открытым.

— А вы этого даже не знали? — Боденштайн откинулся назад. — Да, кто-то, видно, был очень зол на вашего отца. У него, очевидно, много врагов.

Пия, скрестив руки, прислонилась к стене и слегка усмехнулась. Сейчас она поняла стратегию своего шефа.

— Врагов? — повторил Филипп, белый как стена.

— Его похитили ночью из собственного дома, предварительно усыпив собак, — продолжал Боденштайн. — Это, должно быть, решительные и бессовестные люди. Я думаю, это нелегко сделать с живым мужчиной в полном сознании...

— Прекратите! — Молодой Дёринг вскочил, его руки дрожали. — Это отвратительно!

— Прежде чем вы так опрометчиво начнете заниматься делами вашего отца, я бы на вашем месте поинтересовался у него, что привело к данной ситуации. — Боденштайн принял сочувственный вид. — Чтобы вы не стали следующим, кого нам придется в обнаженном виде и кастрированного снимать с помощью сварки с ворот, к которым вы будете прикованы. Представьте себе, они положили отрезанные яички вашего отца в банку с формальдегидом и поставили у его ног.

Оливер с удовлетворением наблюдал за реакцией молодого мужчины. Его знание людей не обмануло его. Филипп Дёринг не был особенно сильным человеком. Даже несмотря на то, что он пытался изобразить спокойствие, в его глазах читалась откровенная паника.

— Вы хотите меня запугать, — прошептал он.

— Вовсе нет. — Пия отошла от стены, взяла толстую папку и хладнокровно подала фотографии, на которых был изображен Фридрих Дёринг на воротах конноспортивного комплекса.

Филипп бросил быстрый взгляд на фотографии, скорчил гримасу и опять уселся на стул. От жажды мести не осталось и следа. Он хотел только, чтобы его собственная жизнь была в безопасности.

— Где дочь Изабель Керстнер? — спросил Боденштайн.

— В моем имении, — пробормотал Дёринг без колебаний. — Я позабочусь о том, чтобы ее немедленно отправили в Германию.

Боденштайн и Пия над его головой обменялись удовлетворенными взглядами. Филипп оказался трусом.

Боденштайн вышел из комнаты допросов и отправился в свой кабинет. Там вспомнил о женщине, которая ранним утром в субботу разговаривала с Изабель. Оливер набрал на мобильном телефоне номер Тордис Ханзен, и та почти сразу ответила.

— Привет, любительница тайн, — пошутил Боденштайн в качестве приветствия.

— Почему тайн? — удивилась Тордис. Ее голос звучал весело. — Я думала, вы, как полицейский, быстро выясните, кто я.

Боденштайн должен был признать, что в этом случае он оказался тугодумом.

— Вы забыли сообщить мне вашу фамилию, — сказал он.

— Действительно, — искренне призналась девушка. — А по какому поводу вы звоните?

— Мне нужно с вами встретиться. — Боденштайн таинственно понизил голос и с удовольствием отметил, что Тордис на пару секунд, кажется, утратила свою боевую готовность.

Через час Оливер вошел в пиццерию в Келькхайм-Мюнстере, где Тордис предложила ему встретиться. Тордис и Барбара Конрэди, в бриджах для верховой езды и сапогах, сидели за столом в углу и пили минеральную воду. Было довольно пусто, впереди у стойки скучали разносчики пиццы, уставившись в телевизор, включенный на полную громкость. Боденштайн поприветствовал Барбару, энергичную веснушчатую девушку с симпатичными ямочками на щеках.

— Я хотел спросить насчет субботы, где-то до четырнадцати часов, — пояснил он. — Примерно сразу после полудня вы были у Изабель Керстнер, и мне очень важно знать, что ей от вас понадобилось.

— Я вам могу сказать, — ответила фрау Конрэди. — В апреле я купила у Кампманна лошадь для выездки. Она стояла у него в конюшне уже месяца два, и Изабель ее объезжала. Лошадь мне очень понравилась, но Кампманн хотел за нее слишком большую сумму.

— Сколько?

— Восемьдесят тысяч евро.

Боденштайн был поражен.

— Это куча денег.

— Лошади было десять лет, она обладала отменным здоровьем и имела высокие достижения, вплоть до участия в турнирах общества «Сант-Георг», — продолжала рассказ Барбара. — Собственно говоря, цена меня устраивала. Я пару раз ездила на ней, и однажды мы договорились. Вскоре после того, как я купила лошадь, она получила травму, и я не могла участвовать с ней в турнирах. Такое со всяким может случиться. В начале июля все нормализовалось и я опять подала заявку на участие в турнире, но вечером накануне лошадь улеглась в своем боксе, и стало ясно, что она не в форме.

Барбара остановилась и сделала глоток воды.

— После этого я уехала в отпуск. Кампманн должен был в мое отсутствие выезжать лошадь, но, когда я вернулась и оседлала ее, она едва ли была пригодна для верховой езды. Я поссорилась с Кампманном и сказала ему прямо в лицо, что он не выезжал лошадь, как мы договаривались, а лишь гонял ее на корде. Этому было достаточно свидетелей, но они, разумеется, не хотели портить отношения с Кампманном и просили не выдавать их. Я разозлилась и позвонила предыдущему владельцу лошади. И тот после некоторых колебаний сказал мне, что продал лошадь, потому что она стала вообще неспособна больше участвовать в турнирах. Даже при перевозке уже возникали проблемы, а в манеже она стояла только на задних ногах, — Конрэди скривилась. — Он продал лошадь Кампманну за три тысячи евро для обучения!

— Чистейший обман, — заметил Боденштайн. — Что вы сделали?

— Кампманн отрицал, что ему это было известно, — ответила женщина. — Он утверждал, что сам заплатил большую сумму за лошадь. Я спросила его жену, но та сделала вид, что не имеет об этом никакого понятия. Тогда мне пришла в голову мысль поговорить с Изабель. Они с Кампманном были ведь закадычными друзьями. Но Изабель меня все время избегала. В субботу я застала ее дома и спросила, почему она никогда не принимала участия в турнирах с этой лошадью.

— Смотрите! — крикнула в этот момент Тордис и взволнованно указала на экран телевизора. — Это же Ганс Петер!

Все трое повернулись и прислушались к сообщению, которое передавали по телевидению. Корреспондент, стоя перед Управлением полиции во Франкфурте, подробно рассказывал о связи между банкротством «ЯгоФарм», самоубийством главного прокурора Гарденбаха, арестом Ганса Петера Ягоды и предъявляемыми ему обвинениями в шантаже.

— Этого не может быть! — Барбара Конрэди, шокированная услышанным, покачала кудрявой головой.

Боденштайн отвернулся от экрана.

— Вы, кажется, не особо удивлены, — констатировала Тордис и посмотрела на него проницательным взглядом.

Главный комиссар лишь пожал плечами и усмехнулся.

— Безумие! — Барбара Конрэди покачала головой. — Ягода всегда производил такое серьезное впечатление...

— На Новом рынке была только одна серьезная фирма? — Тордис усмехнулась. — В любом случае какое-то время мы не увидим Ганса Петера.

— Лет десять — точно нет, — подтвердил Боденштайн, но потом вспомнил, зачем он сюда пришел. — Так что вам сказала Изабель?

— Она призналась, что с лошадьё действительно не все было чисто, — ответила Конрэди. — Я хотела узнать подробности. Тогда она сказала, чтобы я потерпела еще пару дней. Вот и все.

— А что говорит об этом Кампманн?

— Абсолютно ничего. — Конрэди горько усмехнулась. — Купила так купила. Я ведь надеялась, что с помощью Изабель смогу заставить его вернуть мне как минимум часть суммы. Но теперь уже все кончено.

Тем временем в больнице Бад-Зодена Керстнера перевели в обычное отделение. Боденштайн вошел в двадцать третье отделение и постучал в дверь палаты номер четырнадцать. Керстнер с повязкой на голове выглядел еще очень бледным, но слабо улыбнулся, узнав Оливера. Вокруг его глаз образовались темные синяки, свидетельствовавшие о том, с какой силой Тедди исполнял данное ему поручение.

— Добрый день. — Боденштайн придвинул стул. — Как вы себя чувствуете?

— Лучше. — Керстнер скорчил гримасу. — Главврач только что сказал, что через день-два я смогу выписаться.

— Это хорошо, — улыбнулся главный комиссар. — Ваша дочка будет очень рада.

Улыбка замерла на лице больного. Он с трудом выпрямился.

— Моя дочка? — прошептал он.

— Разве я вам не обещал, что мы ее найдем?

— Это... это неправда...

— Правда. Она в Аргентине, но завтра сотрудница немецкого посольства привезет ее во Франкфурт. Самое позднее послезавтра она будет опять с вами.

Керстнер глубоко вздохнул, затем закрыл глаза и опять выдохнул. Слеза покатилась по его щеке, за ней другая. Он открыл глаза, и вдруг его лицо озарилось счастьем. Это очень удивило Боденштайна — он-то считал, что Керстнер на это не способен.

— Я не знаю, как вас благодарить. Я доставил вам немало хлопот, я это знаю, и мне

очень жаль, но...

— Не будем об этом, — сказал Оливер, тронутый радостью мужчины, к которому все время испытывал сочувствие.

— Но вы все еще не знаете, кто убил Изабель? — спросил Керстнер после того, как опять взял себя в руки.

— К сожалению, нет. — Боденштайн пожал плечами. — Каждое подозрение до сего времени заканчивалось тупиком, и я...

В дверь постучали, и главный комиссар замолчал. В дверях появилась мопсоподобная помощница ветеринара Сильвия Вагнер с букетом цветов. Боденштайн поднялся.

— К вам пришли. — Он протянул Керстнеру руку, которую тот с готовностью пожал. — Желаю вам скорейшего выздоровления и всего хорошего в будущем.

— Спасибо, — ответил врач. — Вам тоже всего хорошего. Может быть, мы еще увидимся при других обстоятельствах.

— Буду рад.

Оба мужчины улыбнулись друг другу, затем Боденштайн повернулся и направился к двери. И вдруг, как гром среди ясного неба, его осенила мысль, которой он напрасно ждал уже столько дней: Сильвия, незаметная помощница ветеринара, считала, что Изабель вообще не заслуживает такого мужчину, как Керстнер! Он еще раз обернулся и увидел, как молодая женщина с робкой улыбкой передает своему шефу букет цветов. Влюбленное, восторженное выражение в ее глазах говорило о многом, но Керстнер, казалось, его не замечал.

— Очень приятно, что ты пришла меня навестить, — сказал он. — Садись и расскажи, как вы без меня справляетесь.

Боденштайн вышел из палаты, но, пройдя по коридору через молочно-стеклянную дверь отделения, сел на один из стульев в большом холле, откуда можно было попасть в разные отделения больницы.

Сильвия наверняка ревновала Керстнера к Изабель, которая физически была ее полной противоположностью. Она ненавидела красивую молодую женщину, так как у нее был мужчина, в которого она сама была безнадежно влюблена, но та ни во что его не ставила. Когда у Сильвии Вагнер созрел план убить женщину?

Боденштайн вздрогнул, когда открылась дверь двадцать третьего отделения и из коридора вышла молодая женщина с опущенной головой. Она держала руки в карманах жилета. Сильвия не заметила Боденштайна, который поднялся и последовал за ней. Только в главном холле больницы он окликнул ее. Испуг в глазах женщины Оливер интерпретировал как признак того, что совесть ее нечиста.

— Что... что вы хотите? — спросила она, заикаясь.

— Я хотел бы задать вам один вопрос.

— Я тороплюсь. — Мопсообразная Сильвия, казалось, чувствовала себя весьма дискомфортно. Она чуть отступила назад.

— Вы очень хорошо относитесь к вашему шефу, доктору Керстнеру, не так ли?

Вагнер медленно кивнула.

— Вы его так обожаете, что едва могли выносить то, как с ним обращалась его жена? — Боденштайн знал, что в данный момент нарушает железное правило, которое сам же однажды установил. Это правило заключалось в том, что при допросе нельзя задавать наводящие вопросы. Именно это он и делал сейчас, но ему было все равно. Оливер был твердо убежден в том, что убийца Изабель Керстнер стоит перед ним. Это казалось

логичным, однозначным, а он устал и потерял всякое терпение — весьма неподходящие предпосылки для успешного расследования. На лице Сильвии появились смутение и испуг, взгляд ее блуждал. — Вы терпеть не могли Изабель.

— Да, — прошептала она чуть слышно. Пот выступил на ее верхней губе, она прерывисто дышала.

Боденштайн внутренне ликовал. Сейчас она выдаст все, что он хотел услышать!

— Когда вы решили ее убить?

— Что вы сказали? — Помощница ветеринара Сильвия Вагнер, которая, по мнению Боденштайна, была абсолютно бесперспективно влюблена в своего шефа и хотела освободить его от адского брака, изображала полное непонимание.

— Ах, прекратите, — поморщился Боденштайн. — Вы дождались удобного момента, когда Изабель уехала из клиники. Вы отправились следом за ней, шприц с пентобарбиталом у вас был с собой. Это не составляло для вас труда. Наконец, у вас был доступ к аптеке клиники.

— Я думаю, у вас что-то не в порядке с головой. — Сильвия постучала себе по лбу. — Это уж слишком!

— Я должен просить вас проехать со мной.

— Еще чего! — Выражение страха на ее лице сменилось раздражением. Она бросила на него презрительный взгляд и, повернувшись, направилась к выходу.

— Подождите!

Боденштайн тронул ее за плечо, но в ту же минуту невысокая, но коренастая Сильвия обернулась на удивление грациозным движением, схватила его за руку, и он полетел в воздухе, словно пребывая в состоянии невесомости. Боль пронзила его спину, когда он с грохотом упал на сверкающую черную плитку, которой был выложен пол в больничном холле. Перед его глазами кружили красные точки. С трудом переведя дух, Оливер пытался восстановить нормальное дыхание. Он был абсолютно уверен, что у него сломан позвоночник, а также, возможно, переломаны все ребра и копчик. У Боденштайна выступил холодный пот, он не мог выдавить из себя ни единого слова, когда над ним склонились чьи-то озабоченные лица.

— Быстро! — крикнул кто-то. — Мужчину надо немедленно отправить в отделение экстренной помощи!

— Хорошо, что это случилось в больнице.

— Вызовите врача!

— Нет-нет, — пробормотал Боденштайн, оцепенев от боли, — все нормально, ничего страшного.

Прибежали два санитары и врач, круг любопытных разрастался. Сумасшедшая боль постепенно стихла, и остался только ужасный жгучий стыд. Какой черт дернул его так непрофессионально поступать? Боденштайн попытался, сдерживая стоны, встать на ноги и затем поплелся к своему автомобилю. Позднее, через пару недель или месяцев, он, возможно, посмеется над этой унижительной сценой, но сейчас ему не до смеха. С закрытыми глазами он сидел в своей машине. Его теория о том, что помощница ветеринара последовала за Изабель, напала на нее, сделала ей смертельную инъекцию и после этого ночью, в крошечной тьме, притащила ее на смотровую башню, чтобы сбросить вниз, была полностью притянута за уши. Боденштайну оставалось только надеяться, что никто из его коллег не узнает об этой неловкой сцене. В окно его машины постучали, и он ужаснулся,

увидев Сильвию Вагнер. Тогда он включил зажигание и опустил стекло.

— Я хотела извиниться, — сокрушенно сказала молодая женщина. — Мне... мне... очень жаль, но...

— О боже, нет, — Боденштайн покачал головой, — это я должен перед вами извиняться! Я не знаю, что на меня нашло.

Сильвия закусила губу, но затем прыснула и расхохоталась. Боденштайн бросил на нее обиженный взгляд, но, осознав всю комичность ситуации, тоже засмеялся.

— Извините. — Сильвия вытерла выступившие от смеха слезы. — Это выглядело так комично.

— Да уж. Кто пострадал, тому не до смеха.

— Я надеюсь, вы не на полном серьезе меня подозревали? — спросила молодая женщина уже более спокойно.

— К сожалению, на полном. В какой-то момент мне это показалось абсолютно правдоподобным.

— Я действительно обожаю Миху, но я в него не влюблена. У меня есть муж и двое маленьких детей. Миха просто великолепный ветеринар и очень симпатичный человек.

— Мне действительно крайне неудобно, — признался Боденштайн. — Вы полагаете, мы могли бы просто забыть наше... гм... небольшое шоу?

— Я уже забыла, — подмигнула ему Сильвия.

— Спасибо. — Боденштайн облегченно улыбнулся и тут же скривился от боли. — В любом случае вы в отличной спортивной форме.

— Карате. — Сильвия скромно улыбнулась. — Чемпионка Германии среди юниоров в тысяча девятьсот девяносто девятом году, черный пояс.

— А вы не могли сказать об этом пораньше? — усмехнулся Боденштайн. — Я бы послал оперативную группу.

«Гут Вальдхоф» в этот по-летнему теплый послеобеденный час был пуст. На парковочной площадке стояли лишь два автомобиля. Боденштайн предположил, что один из них — желтый джип — принадлежит Тордис. Он припарковался рядом с ее машиной и нерешительным шагом направился в конюшню. При этом он тщательно следил за тем, чтобы не сделать ни одного непродуманного движения. Самое позднее сегодня вечером все растянутые мышцы пронзит невероятная боль, и он был уверен, что его спина стала синезеленого цвета от резкого удара. В проходе конюшни никого не было. Он нашел Тордис на площадке для конкур, обойдя до этого полкомплекса. Она сидела на гнедой лошади с белым пятном на лбу.

— Привет! — С удивленной улыбкой девушка осадилась рядом с ним и сдула прядь волос с разгоряченного лица. — Что вы здесь делаете?

— Я хотел полюбоваться вашей верховой ездой, — также улыбнулся Боденштайн. — Вы хорошо держитесь в седле.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Я стараюсь.

— Скажите, — Боденштайн прислонился к изгороди, — это правда, что фактическим владельцем этого комплекса является не господин Ягода, а его жена?

— Вполне возможно, — задумчиво кивнула Тордис. — Его я здесь видела редко, но она раньше приезжала сюда каждый день. Ее интерес несколько поутих только летом. С тех пор я ее почти не видела. Супруги Ягода до этого держали своих лошадей в конюшне, где

Кампманн работал инструктором по верховой езде. Но так как там все рухнуло, а здесь в те времена было абсолютно пусто, они перебрались сюда еще с двадцатью желающими и Кампманном. Спустя три месяца Ягода купили эту конюшню.

Она огляделась и понизила голос.

— Поговаривают, что Ягода купила конюшню, так как запала на Кампманна, но это ей ничего не дало. Он предпочитает тридцать шестой размер одежды. — Тордис хихикнула, потом наклонилась и с любопытством посмотрела на Боденштайна. — Скажите, что с вами случилось?

— Почему вдруг вы спрашиваете? — Оливер сделал вид, что не понимает.

— У вас огромная шишка на лбу!

Главный комиссар поднял руку, чтобы ощупать лоб, но сразу пожалел о своем необдуманном жесте.

— Так что же? — повторила Тордис с серьезной озабоченностью.

— Я боролся с каратисткой, у которой черный пояс.

— Да вы что! — рассмеялась Тордис. — Уж не с Сильвией ли Вагнер?

— Об этом потом... — Боденштайн скорчил гримасу. — Мне сейчас нужно к Кампманнам.

Глядя на Сюзанну Кампманн, невозможно было определить, как она отреагировала на неожиданный визит Боденштайна.

— Моего мужа сейчас нет на месте, — проговорила она притворно сладким голосом и улыbnулась.

— Ничего страшного. Я бы хотел поговорить с вами.

— Со мной? — удивилась фрау Кампманн, широко раскрыв глаза, но затем распахнула дверь, пропуская Боденштайна. Она провела его через безупречно убранную столовую в кухню, что его несколько удивило, и закрыла за собой дверь.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Кофе? — зашебетала она, но Боденштайн, поблагодарив, отказался.

— Речь опять пойдет о той субботе, когда погибла Изабель, — сказал он. — К сожалению, нам пока все еще не удается реконструировать весь ход того дня. Возможно, вы смогли бы нам в этом помочь.

— С удовольствием. — Фрау Кампманн внимательно на него посмотрела.

— Ваш муж рассказал нам, что Изабель около семи часов вечера еще раз приезжала сюда, в комплекс, — начал Боденштайн. — Вы об этом знали?

— Нет, — покачала головой женщина. — Ранним вечером я уехала к своим родителям.

— А в дальнейшем ваш муж также не говорил вам, что Изабель приезжала сюда еще раз?

— Нет. А почему он должен был об этом говорить? — не поняла фрау Кампманн. Что в этом особенного?

— Ваш муж часто продавал лошадей своим клиентам здесь, в конюшне, — продолжал Боденштайн, — и Изабель помогала ему, оказывая посреднические услуги. За это она получала от вашего мужа комиссионные. Вам что-нибудь известно об этом?

— Изабель объезжала лошадей, принадлежавших «Гут Вальдхоф», которые готовились на продажу. — Фрау Кампманн взяла кухонный нож и с отсутствующим видом начала им манипулировать. — Она была искусной наездницей. Конечно, она за это что-то получала.

— Двадцать процентов от восьмидесяти тысяч евро — это больше, чем «что-то».

— Кто сказал, что она так много получала? — Притворно-радостное выражение лица вмиг исчезло.

— Я это знаю. — Боденштайн с интересом наблюдал за ее мимикой. — Ваш муж осуществляет подобные сделки на свой страх и риск, не правда ли? Супруги Ягода получали лишь небольшую долю от выручки с продажи, порядочный куш он клал себе в карман.

— Мне ничего об этом не известно.

— Вы думаете, фрау Ягода что-то знает об этом?

— Наверняка нет, — возразила фрау Кампманн. — В договоре Роберта однозначно указано, что он не имеет права осуществлять сделки самостоятельно. Вся прибыль принадлежит супругам Ягода. Не думаю, что он осмелился бы это сделать. Кроме того, я бы знала, если бы он параллельно зарабатывал большие деньги.

— Вы уверены? Он же мог получать эти средства втайне от вас.

В ее глазах появилось оскорбленное и одновременно досадливое выражение, но лицо при этом оставалось каким-то загадочным.

— Если бы Изабель попыталась шантажировать вашего мужа имеющейся у нее информацией об этих тайных сделках, — сказал Боденштайн, — как вы думаете, как бы он на это отреагировал? Что было для него поставлено на карту?

— Многое, — задумчиво пробормотала женщина. Она немного помолчала. Вблизи на ее лице были отчетливо видны следы лечебного голодания и частых посещений солярия. — Мой муж не очень хороший бизнесмен. Несколько лет назад он потерял конноспортивный комплекс, который унаследовал от своих родителей. Хозяйство было продано с аукциона. Нам не осталось практически ничего, и Роберт должен был пойти работать обычным служащим, что его никак не устраивало. Однажды мы совершенно случайно познакомились в конюшне, где он работал, с супругами Ягода. У нас с ними сложились хорошие отношения. Ягода предложил моему мужу использовать его имя для одной сомнительной фирмы, через которую он совершал подозрительные сделки. За это он должен был получить сто тысяч марок наличными, и Роберт согласился. Едва ли это было рискованно, потому что в действительности эта фирма не существовала. Когда я однажды спросила Ягоду, что это, собственно говоря, за фирма, тот ответил, что это большая «фабрика-прачечная».

Фрау Кампманн засмеялась немного резким смехом.

— Понятно, что речь шла об отмывании денег. Нам было все равно. Затем супруги Ягода купили этот конноспортивный комплекс и назначили моего мужа управляющим, а меня делопроизводителем. Они щедро платят, к тому же нам не нужно оплачивать аренду дома, мой служебный автомобиль и прочие привилегии. Ягода погасил наши долги в банке. Потом появилась следующая фирма, в которой Роберт стал управляющим, и снова все шло замечательно. Между тем Ягода выставил свою фирму на биржу. Как владелец, он не имел права продавать свои акции, поэтому он дал моему мужу миллион, который мы должны были вложить в акции «ЯгоФарм». Курс акций быстро рос, Роберт продал акции и за это получил от Ягоды бонус в сто пятьдесят тысяч евро. За последние годы мы создали три или четыре фирмы, и каждый раз Роберт получал за это соответствующее вознаграждение.

Для Боденштайна это было только подтверждением его предположений. Ягода с помощью своей фирмы нелегальным путем зарабатывал огромные деньги.

— А где эти средства сейчас? — поинтересовался Оливер и задался вопросом, почему эта женщина так откровенно рассказывает ему, полицейскому, об этих крайне сомнительных махинациях.

— Легко пришло, легко ушло, — ответила фрау Кампманн, в ее голосе зазвучали горькие нотки. — Мой муж инвестировал деньги в акции, хотя не имеет об этом ни малейшего представления. Он считал, что что-то понимает в инвестициях, так как тогда ими занимался каждый. Но это уже было бы слишком.

— Это означает, что вы обанкротились.

— Так же, как и «ЯгоФарм». — Она тихо засмеялась, не весело, но смиренно. — И если Ягода сейчас еще узнает, что Роберт его обманывал, устраивая сделки по продаже лошадей, то муж лишится и этой работы.

— Я думаю, это не так просто. Вы и ваш муж слишком много знаете о криминальных сделках супругов Ягода.

— *Господина Ягоды* — возможно. — Фрау Кампманн скривила лицо. — Она же никогда ни во что не вмешивалась. Как-никак, у нее достаточно бабок. Для нее важен только этот комплекс.

Боденштайн увидел в окно, как открылись ворота и через некоторое время во двор въехал серебристый внедорожник Кампманна.

— Вы знали, что у вашего мужа была связь с Изабель?

Фрау Кампманн резко отвернулась. Ее глаза замигали. Она опять взяла нож и суетливыми движениями начала крошить овощи. Боденштайн внезапно посмотрел на эту женщину иными глазами. Сюзанна Кампманн не была образчиком самоотверженности — настоящая львица, которая, если понадобится, защитит свою собственность когтями и зубами. К этой собственности относился и ее муж, даже если он неверен.

— Ну хорошо, — сказал Боденштайн. — Вы знаете, что делал ваш муж в субботу вечером после того, как вы уехали к вашим родителям?

— Понятия не имею. — Сюзанна Кампманн смотрела в окно, наблюдая за тем, как ее супруг вышел из машины и направился к дому. — Вероятно, он что-то выпил и сидел перед телевизором. Когда я вернулась домой, он лежал на диване и спал.

— В самом деле? — Боденштайн поднял брови. — Ваш муж сказал мне, что вы той ночью вообще не возвращались домой.

— Глупости, — возразила она, — я никогда нигде не остаюсь ночевать.

Дверь открылась, и в кухне появился Роберт Кампманн. Он был бледен, и лицо его казалось напряженным.

— Добрый день, — поприветствовал он Боденштайна, затем нервно перевел взгляд на окно, как будто ждал какой-то беды, еще большей, чем уголовная полиция в их доме.

— Добрый день, господин Кампманн, — ответил Боденштайн. — Не буду вас больше задерживать, приятного дня.

Он поблагодарил фрау Кампманн за информацию и вышел.

Тордис как раз завершила занятия и снимала с лошади седло. В этот момент во двор, скрипя шинами, стремительно въехал автомобиль и остановился перед конюшней. Вслед за ним на той же скорости въехала вторая машина. Боденштайн и Тордис с любопытством посмотрели в открытое окно бокса.

— Кто это? — спросил Оливер, когда мужчина с разгневанным лицом прямым шагом зашагал в направлении дома. За ним по пятам шел второй мужчина. Боденштайн вспомнил о нервозности Кампманна. Похоже, он ожидал этого визита.

— Это доктор Хельмут Маркуардт, — объяснила Тордис. — Второй — Джон Пейден

Что это с ними?

Боденштайн смутно припоминал, что уже однажды слышал эти имена.

— Маркуардты, — пояснила Тордис с легкой иронией в голосе, — самые зависимые и самые верные клиенты великого гуру Кампманна. За последние четыре года они купили у него трех действительно дорогих лошадей для выездки, но ни одна из них не стоит и ломаного гроша.

— Так же, как было и с Барбарой Конрэди?

— Еще хуже, — ответила Тордис. — То, что Маркуардт заплатил в последние годы Кампманну только за объездку, за занятия своей дочери и сопровождение на турниры, составило сотни тысяч. Плюс сверхдорогие лошади, так что все вместе — это внушительная сумма!

— Но почему люди никогда ничего не замечали? — спросил Боденштайн.

— Никто никогда не отважился бы усомниться в честности Кампманна. — Тордис усмехнулась, но потом стала серьезной. — Если здесь кто-то открывал рот, его сразу считали склочником и начинали прессовать. Кампманны разработали беспроегршную стратегию, как наказывать людей. Она заключалась в том, что они переставали с ними разговаривать.

— Переставали разговаривать? — удивленно переспросил Боденштайн. — Они переставали разговаривать со своими клиентами?

— Здесь как в секте. — Тордис понизила голос. — Каждый жаждет только расположения Кампманна. Наказание в виде пренебрежения равносильно изгнанию. — Она хихикнула.

— Тем не менее должен же удивлять людей тот факт, что они на своих дорогих лошадях не достигают никаких успехов.

— Я верю в Роберта Кампманна, во всемогущего единственного истинного бога... — с издевкой протянула Тордис. — Ведь все они не имеют об этом никакого представления и слепо доверяют инструктору. Даже если бы им кто-то сказал в лицо, что Кампманн в действительности делает с их лошадьми, или, точнее сказать, *не* делает, они бы ни за что не поверили. Они просто не хотят этого видеть.

Тордис покачала головой. Во двор въехали еще два автомобиля с прицепами, а за ними — большой фургон для перевозки лошадей. Люди вошли в конюшню.

— Мы выезжаем, — проходя мимо и всхлипывая, сообщила Тордис какая-то девушка, очевидно дочь Маркуардта. — Мой отец вне себя от гнева!

— Кажется, кто-то все же уже понял, в чем дело, — сухо сказал Боденштайн.

— Я не хочу злорадствовать, — вздохнула Тордис, — но все-таки где-то рада. Как они все превозносили Кампманна, а он их при этом только хладнокровно обирал!..

— Мне кажется, он попал в довольно затруднительное положение, — заметил Оливер.

— Поделом ему! — В голосе Тордис слышались нотки презрения. — Это все и так слишком долго продолжалось.

— Я, вероятно, ошибся в Кампманне, — признался Боденштайн и задумчиво посмотрел в окно конюшни на дом, где жил Кампманн. — У меня создавалось впечатление, что он не особенно умный человек.

— Это верно, — подтвердила Тордис и повела лошадь в бокс. — Он завидует каждому, кто, на его взгляд, имеет больше, чем он сам. Его идол — деньги, и ради них он готов на все.

Появилась еще одна машина и подъехала непосредственно к дому Кампманна.

Боденштайн увидел Марианну Ягода, которая выгрузила себя из своего «Кайенна» и энергичными шагами направилась к дому Кампманна, где уже бурно и громко с инструктором беседовали Маркуардт, Ноймейер и Пейден.

— Жаль, — Боденштайн бросил взгляд на часы, — мне нужно еще заехать в комиссариат. Хотелось бы узнать, чем это все закончится.

— Я здесь еще побуду и представлю вам потом отчет, — пообещала Тордис.

— Вот протокол допроса Филиппа Дёринга. — Пия, войдя в кабинет Боденштайна, положила перед ним на письменный стол пару листов бумаги.

— Спасибо. — Оливер задумчиво посмотрел на нее. — Вы верите в историю, которую рассказал нам Дёринг-младший?

— На сто процентов. — Пия села на один из стульев для посетителей. — Он был слишком перепуган, чтобы лгать. К тому же у него нет оснований водить нас за нос.

Боденштайн полистал протокол, нашел нужное место и еще раз прочитал его.

— Он познакомился с Изабель через своего отца, — пробормотал он. — Она в него влюбилась, пока не заметила, что женщины его вообще не интересуют. Но тем не менее они строили общие планы на будущее и даже хотели пожениться. Как это понимать?

— Возможно, они просто спелись, — предположила Пия. — У Филиппа денег куры не клюют, и он мог предложить ей жизнь, о которой она всегда мечтала, и за это не требовал никаких особых встречных услуг.

— Да, это понятно, — Боденштайн потер глаза, — но какую выгоду в этом случае имел бы он? Этого я не могу понять.

— Действительно странно, — размышляла Пия вслух. — Несмотря на то что Филипп знал, что она спит с абсолютно незнакомыми мужчинами и при этом снимает порно на видео, он хотел на ней жениться.

На письменном столе Боденштайна зазвонил телефон.

— Мы сейчас поедem в Вайтерштадт. Я хочу еще раз поговорить с Ягодой, — сказал он Пие, прежде чем взять трубку.

Она кивнула и вышла из кабинета. Звонила Козима, чтобы сообщить и хорошие, и плохие новости.

— Я в больнице, — поведала она. — Вчера сломала себе лодыжку.

— Боже мой! Как это случилось? — Боденштайн предчувствовал какие-то неприятности.

Козима начала подробно описывать произошедшее:

— Мы ехали по ужасной местности. Наш гид думал, что мы сможем сократить путь, но, к сожалению, из-за сильных дождей пошли оползни. К счастью, все наше снаряжение находилось в двух других джипах, так как тот, в котором сидела я, сейчас лежит в ущелье глубиной метров двести.

Боденштайн закрыл глаза. Одна лишь мысль о том, что Козима чудом избежала смерти или увечья, вызвала у него боль в сердце. С этими экспедициями пора заканчивать.

— Но никто, к счастью, не получил никаких повреждений, кроме меня, — засмеялась она. — Я не могла выбраться из машины так быстро, как другие... Ты слушаешь, Олли?

— У меня пропал дар речи, — признался он. — Когда ты возвращаешься? Клянусь, я больше никогда не позволю тебе никуда уезжать, в крайнем случае...

— Я тебя плохо слышу, — прервала она его, и Боденштайн невольно усмехнулся.

— Когда ты возвращаешься? — повторил он. — Мне тебя ужасно не хватает! — Оливер помолчал некоторое время. — К тому же, — он понизил голос, — я больше не могу гарантировать тебе свою верность, потому что мне перебежала дорогу невероятно привлекательная юношеская любовь со своей еще более привлекательной

двадцатипятилетней дочерью.

У него никогда еще не было тайн от Козимы, и сейчас всю эту историю с Инкой он шутовски возвел в ранг чего-то серьезного.

— Хорошо, тогда я особенно потороплюсь, — сказала Козима на другом краю земного шара. — Раньше я могла отсутствовать четыре недели, и при этом ты не думал о нарушении супружеской верности.

— Одной причиной больше, чтобы в дальнейшем находиться поближе ко мне.

— Посмотрим, — засмеялась она, но потом стала серьезной. — Я тоже по тебе очень скучаю, дорогой. Нужно немного подождать, пока гипс высохнет, после этого мы полетим в Буэнос-Айрес и оттуда домой. Если все удачно сложится со стыковочными рейсами, я вернусь уже в субботу вечером и буду готова на все.

— Ты говоришь, в Буэнос-Айрес? — спросил Боденштайн. Вдруг ему в голову пришла одна идея. Может быть, Козима могла бы в Аргентине побольше разузнать о Филиппе Дёринге...

Некоторое время спустя Ягода сидел напротив Боденштайна и Пии в комнате для посетителей следственной тюрьмы. У него было спокойное, почти веселое лицо.

— Я где-то даже рад, что все уже позади, — признался он.

— Вам довольно долго придется сидеть в тюрьме, — напомнила ему Пия.

— Да уж, — пожал плечами Ягода, — но я ведь это заслужил. Я провернул пару сомнительных дел, но тем не менее это приятное чувство — осознавать, что избавился от жуткого давления и боязни сказать неверное слово. Это продолжительная ложь подорвала мне нервы.

— Ну, — откашлялся Боденштайн, — тогда не имеет значения, получите вы на пару лет больше или меньше.

— Что вы имеете в виду? — Ягода прекратил улыбаться.

— Мы между тем в достаточной степени уверены, что Изабель Керстнер была убита, поскольку вы боялись, что она будет вас шантажировать.

— Что вы сказали? — Ягода выпрямился. — Но это неправда.

— Я считаю это совершенно обоснованным. — Боденштайн удобно откинулся назад. — Вы шантажировали людей, и Изабель об этом знала. Когда-то вы вместе с Дёрингом позаботились о том, чтобы ваши тесть и теща отправились на тот свет во время пожара, но ей об этом также стало известно. И потом, есть порновидео с вашим участием. Изабель имела любовные связи с Кампманном и Дёрингом. Разве непонятно, что это перешло всякие границы вашего терпения?

Ганс Петер Ягода побледнел.

— Нет, — пробормотал он, — нет-нет, это все не так!

— Что же тогда так? — спросила Пия и указала на магнитофон, на который производилась запись. — Расскажите же нам вашу версию того, что произошло двадцать седьмого августа. И, если можно, на сей раз правдивую версию. У нас уже достаточно сказок на пленке.

Ягода поднялся и встал позади своего стула.

— Хорошо, — решительно сказал он некоторое время спустя. — И без того уже все в прошлом. С чего начать?

— Нам уже довольно много известно, — помог ему Боденштайн, — например, о

деятельности Кампманна в должности управляющего ваших фиктивных фирм, о платежах, которые вы производили в его адрес.

— Кампманны, — Ягода вздохнул, — были по уши в долгах и всегда стремились войти в высшее общество. Я позаботился о том, чтобы Роберт оплатил свои долги, и дал ему возможность кое-что заработать. За это он время от времени оказывал мне небольшие услуги, абсолютно ничем не рискуя.

— Вы использовали его как подставное лицо для продаж ваших акций, — вставил Боденштайн. — Это однозначно уголовно наказуемое деяние.

— Может быть. За это вы меня также накажете, но к убийству я не имею никакого отношения! — резко ответил Ягода.

— Как Изабель узнала о том, что вы имели отношение к смерти ваших тестя и тещи? — спросила Пия.

— Я почти уверен, что она это узнала от Дёринга.

— Почему он так доверял Изабель, что решил рассказать ей о столь взрывоопасном деле, которое и его касалось не в последнюю очередь?

— Фридрихельм многое рассказывает, особенно если он пьян, — ответил Ягода. — Почему бы вам не спросить об этом его самого?

— В данный момент это невозможно, — заметил Боденштайн. — Он получил повреждения и еще не в состоянии отвечать на вопросы. Но это не имеет никакого значения. Откуда Изабель узнала о сговоре с целью убийства родителей вашей жены? Она пыталась шантажировать вас фотографиями Гарденбаха и вашей жены?

Ягода вновь сел на стул и вздохнул.

— Нет.

— Вы уверены? — допытывалась Пия.

— Да, — ответил Ягода. — Я никогда не видел эти фотографии. Она хотела шантажировать меня фильмом, но я ясно дал ей понять, что ей это не удастся.

— Почему нет?

— Потому что я обанкротился. — Ягода сделал беспомощное движение руками и слабо улыбнулся. — Я беден, как церковная мышь.

— Вот как? А где деньги, которые вы заработали на подставной продаже акций «ЯгоФарм»? Вы должны были получить миллионы.

— Большую часть я истратил. Все остальное опять вложил в «ЯгоФарм». Я думал, что смогу ее возродить.

— Как на это отреагировала Изабель?

— Пришла в бешенство, — ответил Ягода. — Она была довольно неблагодарной девочкой. В течение длительного времени Изабель постоянно получала от меня деньги.

— За это она тоже оказывала вам какие-то услуги, — прервала его Пия.

— Она никогда не делала ничего такого, что не хотела делать, — сказал Ягода. — Во всяком случае, никогда не делала тайну из того, что ей нужны деньги, чтобы обрести свободу и реализовать свои планы на будущее.

— Что это были за планы? — осведомилась Пия, в то время как Боденштайн листал папку с протоколами допросов по делу, лежавшую перед ним на столе.

— Они постоянно менялись, — ответил Ягода, — я вам уже об этом рассказывал. Но потом все повернулось иначе, так как Филипп Дёринг сделал ей предложение.

— Но он же гомосексуалист. Или нет?

— Да, — Ягода задумчиво кивнул. — Я тоже сначала находил это странным, но потом мне стало ясно, что для Изабель это вообще не имело никакого значения. Ей были важны только деньги. Сеньора Дуранго в большом имении в Аргентине! Каникулы на яхте класса люкс, денег куры не клюют...

— Но почему вдруг у Дёринга-младшего возникло желание жениться на Изабель?

— Не имею понятия. — Ягода пожал плечами. — Я сначала принял это за шутку. У него наверняка были свои причины.

— Фридрих Дёринг знал что-нибудь о планах сына?

— Да.

— В самом деле? — Боденштайн нашел то место в протоколе беседы с Анной Леной Дёринг, которое искал. — Нам стало известно, что все это его очень беспокоило, и особенно тот факт, что существует достаточно компрометирующий фильм с участием вас и Изабель. Я цитирую: *...Фридрих набросился на него. Он сказал, что с фильмами они могли бы еще некоторое время потянуть, пока там все не прояснится. Что он имел в виду, я не знаю. Он обещал Гансу Петеру позаботиться о том, чтобы убрать Изабель с дороги, так как она и без того слишком много знает и уже потеряла совесть. Ганс Петер сказал, что чем быстрее это случится, тем лучше, так как он намерен перевернуть всю ее квартиру, чтобы найти эту пленку.*

Боденштайн посмотрел на Ягоду.

— Как это следует понимать? И что означает «пока там все не прояснится»?

— Под словом «там» он подразумевал Парагвай, — пояснил Ягода. — Я подал заявку на получение гражданства в Парагвае и ждал только подтверждения. Если бы здесь с «ЯгоФарм» все провалилось, я бы уехал в Южную Америку. Парагвай — одна из немногих стран, которая не имеет с Германией экстрадиционной конвенции.

— А как Дёринг намеревался устранить Изабель?

Ягода молчал почти минуту. Боденштайн и Пия терпеливо смотрели на него.

— Изабель никогда бы не приехала живой в Аргентину, — сказал он наконец. — Фридрих уже дал своим людям точные инструкции. В имении площадью триста гектаров можно без всяких проблем спрятать труп.

Это звучало убедительно. Таким образом, Ягода и Дёринг исключались из числа подозреваемых лиц. Они бы убили Изабель через пару дней, но кто-то их опередил. Этот «кто-то» освободил их от этого убийства, взяв его на себя, но одновременно расшатал камень, который, как оползень, уничтожил всю их жизнь.

— Еще один вопрос, — сказал Боденштайн. — Ваша жена в субботу вечером, когда вы принимали гостей, все время была дома?

— Да. Правда, она не постоянно находилась с нами, потому что не очень интересуется деловыми разговорами, но... — Он запнулся и поднял глаза.

— Так что? — спросили Боденштайн и Пия одновременно.

— Она пришла довольно поздно, — медленно проговорил Ягода. — Я на это не обратил внимания, так как меня больше интересовал визит Изабель, но сейчас вспомнил. Марианна пришла, когда мы уже сидели внизу, в баре.

Боденштайну удалось получить ордера на арест Роберта Кампманна и Марианны Ягоды, но фрау Ягоды не оказалось дома. Ее внедорожника в гараже тоже не было, и домработница сказала, что в последний раз она разговаривала с хозяйкой накануне. С этого

времени ее мобильный телефон отключен.

— Мы едем в «Гут Вальдхоф», где арестуем Кампманна. Может быть, он что-то знает про Марианну. Вчера во второй половине дня я видел, как она шла к дому Кампманна.

— Вероятно, она уже давно скрылась, — высказала опасение Пия.

— Для этого у нее совершенно неподходящая комплекция, — покачал головой Боденштайн. — Кроме того, у нее еще и сын в интернете.

Перед домом Кампманнов был припаркован серебристый внедорожник класса люкс с прицепом для перевозки лошадей. Боденштайн и Пия, проходя мимо, бросили взгляд внутрь прицепа и вместо лошади увидели там небрежно сложенные друг на друга картонные коробки, предназначенные для переезда. В этот момент из открытой двери дома вышел Кампманн с очередной коробкой. Он побелел как мел и посмотрел на служащих полиции взглядом, заключающим в себе смесь растерянности и страха.

— Добрый день, господин Кампманн, — сказал Боденштайн. — Что здесь происходит? Вы переезжаете?

— Я... э... — Глаза мужчины нервно бегали из стороны в сторону. — Нет... мы переоборудуем офис.

— А где ваша жена и дети? — спросила Пия.

— Они уехали к теще и тестю, — ответил Кампманн. — Мы... они...

— Господин Кампманн, — перебил его Боденштайн, — как вы, собственно говоря, отреагировали, когда Изабель сообщила вам, что выходит замуж за Филиппа Дёринга и уезжает с ним в Аргентину?

Тяжелая коробка с грохотом упала на землю, и Кампманн, застыв на месте, пристально посмотрел на Боденштайна.

— Ведь ситуация была такова, что вы какое-то время верили в то, что Изабель хотела уехать отсюда вместе с вами. Совершенно неожиданно она изменила свои планы в пользу другого человека. Это, вероятно, вас очень оскорбило.

— Что вы на самом деле делали вечером двадцать седьмого августа? — спросила Пия.

На секунду возникло впечатление, будто Кампманн сейчас упадет в обморок. Его взгляд метался, кадык двигался вверх-вниз.

Какая-то женщина среднего возраста въехала во двор на лошади и дружески махнула Кампманну, но тот никак не отреагировал на приветствие. Женщина спустилась из седла и новела лошадь к водяному шлангу, чтобы вымыть животному копыта.

Внезапно Кампманн нанес Пие сильнейший удар, от которого ее резко отбросило в сторону шефа, и после столкновения оба упали на землю. Спина Боденштайна за последние двадцать четыре часа уже во второй раз приняла на себя всю болезненность соприкосновения с жесткой поверхностью. Краем глаза он видел инструктора, который на удивление быстро помчался через двор, затем выхватил из рук пухленькой женщины поводья и ловким прыжком оседлал лошадь. У женщины пропал дар речи. Она стояла с открытым ртом, держа в руке шланг с водой, и пристально смотрела вслед своей лошади. А Кампманн уже галопировал по двору.

Пия с яростными проклятиями помчалась за ним. Боденштайн со стоном едва поднялся на ноги. Прошла почти минута, прежде чем он смог распрямиться и сдвинуться с места. Оливер успел заметить, как инструктор, пустив лошадь во весь опор, исчез за прилегающим лугом. Пия тем временем уже добежала до «БМВ» Боденштайна и запустила двигатель. Она

нажала на газ, едва Оливер успел сесть на место пассажира. Взвизгнув шинами, машина рванула с места, выехала со двора и сразу за воротами свернула на бетонированную полевую дорогу. Пока Пия проклинала комья земли, которые шины трактора оставили на дороге, Боденштайн по рации затребовал через центральную диспетчерскую оперативную группу.

— Сбежавший передвигается на лошади в направлении Хофхайма, — передал он, — от границы Келькхайма в юго-западном направлении.

Через пару сотен метров Пия обнаружила, что дальше напрямик ехать невозможно. Кампманн скакал поперек пашни и должен был вот-вот исчезнуть вдаль.

— Поезжайте направо, — сказал Боденштайн. — Ему придется объехать поле для гольфа «Хоф Хаузен». Я уверен, он хочет попытаться оторваться от нас в лесу.

Пия дала задний ход и повернула направо, затем нажала на газ и помчалась со скоростью восемьдесят километров по бетонной дороге, которая через несколько сотен метров опять резко изгибалась, и «БМВ» чуть было не соскользнул на пашню. Им, правда, пришлось сделать крюк, но на поле они могли держать беглеца в поле зрения. Кампманн, подобно самоубийце, пересек трассу В519, предварительно не удостоверившись, что рядом нет машин, и поскакал галопом по другой стороне дороги, не снижая темпа.

— Объект движется дальше в направлении Хофхайма, — передал Боденштайн в центральную диспетчерскую, — сейчас поворачивает на бывшую трассу В519, высота гольф-клуба «Хоф Хаузен фор дер Зонне».

— Вы хорошо ориентируетесь, — заметила Пия.

— Н-да, — угрюмо промычал Оливер, наблюдая за тем, как инструктор съехал с асфальтированной дороги и поскакал к приюту для бездомных животных, направляя свою лошадь через заливные луга. — Местность вокруг Келькхайма я знаю как свои пять пальцев. Кампманну не повезло.

— Нет, не повезло нам, шеф, — возразила Пия. — На машине мы дальше не проедем.

— Мы поедем через Хофхайм, — предложил Боденштайн. — Я могу предположить, какой путь выберет Кампманн.

Они поехали к городу, вскоре после въезда в него свернули направо и двинулись по бывшей федеральной трассе опять в противоположном направлении. Пие пришлось резко нажать на тормоза, когда вдруг всего в нескольких метрах от них дорогу пересекла лошадь с Кампманном в седле. В зеркало заднего вида она уже видела голубой свет проблескового маячка патрульного автомобиля.

— Что за идиот! — Пия побледнела от испуга.

— Здесь сразу налево! — закричал Боденштайн, и Кирххоф рефлексивно повиновалась.

Благодаря электронной системе поддержания курсовой устойчивости автомобиль не занесло, и на прямой как стрела улице, которая ведет к загородному ресторану «Вивайде», Пия смогла выжать из автомобиля Боденштайна почти все его лошадиные силы. Кампманн продолжал скакать в быстром темпе, но лошадь уже покрылась белой пеной.

— Долго она не протянет, и тогда он в наших руках!

Оливер и Пия видели, как Кампманн остановил лошадь и нерешительно осмотрелся вокруг. Боденштайн понял, почему остановился инструктор. Дорогу в лес ему перегородил забор из металлической сетки высотой в человеческий рост. Оливер открыл дверцу и вышел из машины. Позади него остановился патрульный автомобиль.

— Кампманн! — крикнул Боденштайн. — Будьте благоразумны! Сойдите с лошади! Вы все только усугубляете!

Инструктор бросил на него яростный взгляд, круто повернул лошадь и поскакал галопом прямо на полицейского. Боденштайн понял, что он задумал. До леса оставалось без малого метров триста. Кампманн хотел проехать небольшой отрезок вдоль дороги, чтобы объехать забор, препятствовавший его побегу.

— Надо стрелять в лошадь! — взволнованно крикнул один из патрульных полицейских и выхватил свое оружие.

— Нет! — закричал Боденштайн.

Кампманн быстро приблизился, на его лице появилось выражение яростной решительности. Его лошадь была совершенно обессилена и близка к падению. Вероятно, еще никогда в своей жизни ей не приходилось преодолевать такое расстояние в столь убийственном темпе. Кампманн направил лошадь полным галопом на дорогу. Боденштайн, который хотел подхватить животное за уздечку, усомнился в своей смелости при виде надвигающейся на него массы весом шестьсот килограммов и в последнюю секунду одним прыжком оказался в придорожной канаве.

— За ними! — крикнул главный комиссар и вновь прыгнул в машину.

У загородного ресторана на опушке леса в это обеденное время было очень оживленно. Парковочная площадка оказалась забита. Кампманн, не снижая темпа, направился к закрытому красно-белому шлагбауму в конце улицы. Люди с испугом отскочили в стороны, когда лошадь решительно остановилась перед самым шлагбаумом. Инструктора выбросило из седла, он резко приземлился на засыпанную щебнем землю и как раз вновь поднялся на ноги, когда около шлагбаума остановилась Пия. Боденштайн выскочил из машины раньше, чем «БМВ» полностью остановился. Инструктор помчался в лес. Измученная лошадь с пульсирующими боками и выпученными глазами стояла посреди дороги. Из ресторана выбежали неизменные любители зрелищ, привлеченные суматохой.

— Вызовите ветеринара для лошади! — крикнул Боденштайн одному из полицейских и вместе с Пией бросился за Кампманном.

Тот уже исчез за первым поворотом, и Оливер побежал туда же, невзирая на боль в спине. Кампманн не должен уйти! Какое-то время они бежали вдоль широкой дороги, пока Пия не поняла, что инструктор, скорее всего, метнулся в кустарник. Чертыхаясь, Боденштайн развернулся. Как назло, в этот момент на дороге не было ни единого пешехода, велосипедиста или любителя джоггинга, который мог бы видеть беглеца. Уголкем глаза он поймал движение ниже пешеходной дороги. Так и есть, это был Кампманн!

— Вон он, — сказал Оливер Пие, потом он закричал: — Остановитесь, Кампманн! Это же не имеет никакого смысла!

Инструктор никак не отреагировал на призыв и побежал дальше.

— Я попробую перерезать ему путь! — крикнула Пия и помчалась дальше по пешеходной дороге.

Боденштайн кивнул и стал пробираться через подлесок. По лицу ручьями стекал пот, мокрая рубашка прилипла к спине. Как странно, вроде совсем не жарко! Ветки хлестали его по рукам и ногам, он чуть было не споткнулся о сгнивший пенек и оступился. Но это было его удачей. Прямо перед его ногами начинался крутой обрыв — и в самом низу его лежал Кампманн! Боденштайн сел на корточки и по сухой прошлогодней листве спустился вниз, на поросшие мхом обломки горных пород. Его сердце бешено колотилось, и он хватал ртом воздух, когда приземлился внизу. Но инструктору было значительно хуже, чем ему. Кампманн сидел, скорчившись, с замутненным взглядом, по лицу бежали струйки крови, он

судорожно вцепился в свою левую руку, и его состояние было немногим лучше, чем у лошади, которую он оставил у загородного ресторана «Вивайде».

— Вы арестованы, — тяжело дыша, проговорил Боденштайн, — по обвинению в убийстве Изабель Керстнер.

Наплыв посетителей в «Вивайде», против обыкновения, затянулся примерно на три четверти часа. Кампманн, сопровождаемый двумя полицейскими, во избежание новой попытки побега был доставлен каретой «Скорой помощи» в больницу Хофхайма. Боденштайн поискал глазами лошадь, которую загнал инструктор. К своему удивлению, он увидел доктора Риттендорфа, который стоял у открытого багажника своего автомобиля.

— А, господин комиссар, — с иронией сказал ветеринар. — Вы арестовали вашего убийцу?

— Это мы еще будем выяснять, — сдержанно возразил Боденштайн. — Что с лошадью?

Риттендорф бросил на него взгляд, который сложно было истолковать определенно: смесь недоверия и любопытства.

— Мы отвезем старину в клинику. — Ветеринар сдвинул указательным пальцем съехавшие очки на переносицу и убрал свой стетоскоп в карман пиджака. — Я думаю, он оклемается.

— Хорошо.

— Это вы в ходе ваших расследований так полюбили лошадей? — спросил Риттендорф не без сарказма.

— Нет, я их всегда любил, — ответил Боденштайн. — Я вырос с лошадьми.

— Ах да! — Риттендорф оценивающе посмотрел на него. — Инка мне что-то рассказывала. — Вы брат Квентина Боденштайна, верно?

Оливер кивнул. Они говорили о нем, Инка и ее коллеги. Конечно.

— Вы, видимо, не такой уж злой человек, — заметил Риттендорф.

— С чего вы это взяли? — Настала очередь Боденштайна проявить сарказм. — Потому что я брат Квентина или потому что люблю лошадей?

— Ни то ни другое, — Риттендорф покачал головой, — а потому, что вы позаботились о дочке Михи.

— Это моя работа.

— Нет, Мари не имела никакого значения для вашего расследования.

— Как бы то ни было. Правда, расследование случая самосуда, который недавно произошел, — это тоже моя работа.

Риттендорф закрыл багажник и прислонился к нему.

— Вы не сможете ничего доказать. — Он скрестил руки на груди и не пытался что-либо оспаривать.

— Незаконное лишение свободы и тяжкие телесные повреждения — это не мелкие нарушения.

Мужчины обменялись взглядами.

— Я как раз думал, что вы мне все же очень симпатичны, — Риттендорф оттолкнулся от автомобиля и слабо улыбнулся, — но я ошибся. Вы не в состоянии изменить свои взгляды.

— Существуют законы, которые каждый должен соблюдать. Если бы все люди действовали так, как это сделали вы, у нас царила бы полная анархия.

Риттендорф поднял брови:

— Докажите, что это был я, и я буду нести за это ответственность.

Боденштайн еще раз поехал в «Гут Вальдхоф», а Пия дежурила при Кампманне в больнице Хофхайма, чтобы не допустить повторной попытки побега. Парковочная площадка оказалась почти пустой, а дверь дома Кампманнов была раскрыта настежь. Рядом с прицепленным к внедорожнику фургоном для перевозки лошадей стоял серебристый «Гольф». Не тратя время на звонки или оклики, Боденштайн вошел в дом и застал фрау Кампманн в кабинете. Без макияжа, с волосами, затянутыми в простой «конский хвост», и одетая в серый пуловер, жена инструктора была едва узнаваема. Она сидела за компьютером, когда Боденштайн, покашляв, обратил на себя внимание. Женщина вздрогнула, как от укуса тарантула, и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Господи, как вы меня испугали! — воскликнула она и быстро нажала клавишу, чтобы выйти из программы, в которой работала. Тем не менее Боденштайн успел заметить, что она была в системе «банк-онлайн».

— Я не знал, что вы дома, — ответил Оливер.

Фрау Кампманн встала и прислонилась к письменному столу, скрестив руки на груди. Ее взгляд скользил по одежде Боденштайна, которая была измазана грязью и кровью.

— Вам интересно, где сейчас находится ваш муж? — спросил он.

— Вы его схватили? — Обеспокоенность фрау Кампманн ограничивалась определенными рамками. Она, казалось, больше не принимала участия в судьбе своего супруга, зато явно нервничала. Ее гипертрофированная веселость исчезла, и впервые с тех пор, как Боденштайн с ней познакомился, поведение женщины было естественным.

— Да, — ответил Оливер, — он арестован. Получил повреждения и сейчас находится в больнице в Хофхайме.

Трудно было понять, потрясла эта новость Сюзанну Кампманн или нет, так как ее лицо абсолютно ничего не выражало и было недвижимым, как у мраморной статуи, только глаза бегали по сторонам. Боденштайн заметил, что ее рука перевязана.

— У вас тоже травма? — спросил он.

— Я порезалась. — Фрау Кампманн натянула рукав пуловера на повязку.

— Состояние вашего мужа, кажется, вас не особенно трогает, — заметил Боденштайн. — Впрочем, я, кажется, оторвал вас от важной работы?

— Я готовлю счета для людей, которые вчера выехали отсюда, — солгала женщина, при этом даже не покраснев.

— В то время как ваш муж преследуется полицией по подозрению в убийстве, вы садитесь в кабинете за стол и составляете счета? — недоверчиво спросил Боденштайн. Его взгляд упал на безнадежно заваленный письменный стол, на котором под кипой бумаг виднелась пачка наличных денег. Вдруг он начал понимать, что в действительности делала женщина. Сюзанна, конечно же, занималась не счетами. Очевидно, она не рассчитывала на то, что полиция опять появится так скоро.

— Я этого не знала, — с вызовом возразила Кампманн. — Когда я вернулась домой, дверь была распахнута настежь и во дворе лежали картонные коробки. А моего мужа след простыл.

Она скорчила пренебрежительную гримасу, и в ее взгляде отразилось глубокое презрение.

— Он мог бы сейчас воспользоваться вашей помощью, — предположил Боденштайн.

— Я ему достаточно часто помогала, — ответила фрау Кампманн. — Сейчас пусть сам выбирается из того дерьма, в которое вляпался. Мне все равно.

Боденштайн разом понял, что Сюзанна ненавидела своего мужа, поскольку своими пашнями с Изабель тот разрушил совершенный фасад их гармоничной семьи, которая была для нее жизненно важной.

— Может быть, теперь вы расскажете мне, что действительно произошло в субботу четырнадцать дней назад? — спросил Оливер, и, к его удивлению, фрау Кампманн сразу перешла к делу.

— Мой муж убил Изабель, — сказала она, — так как та больше не хотела его знать.

— Откуда вам это известно? — спросил Боденштайн. — Вам это рассказал ваш муж?

— Какое это имеет значение? Вы должны радоваться, что раскрыли убийство. — Фрау Кампманн нервным движением заправила за ухо светлые волосы, которые у корней отросли сантиметра на два, обнажив более темный цвет. Без макияжа ее лицо было грубым и простым.

— Думаю, это имеет значение, — возразил Боденштайн.

— Мой муж считал меня идиоткой. — В ее голосе послышалась горечь. — Он думал, что я не понимаю, как он запал на эту блондинистую вертихвостку. Он сказал мне, что потерял все деньги в сделках с акциями, при этом хотел купить дом в Ирландии. Собирался уехать туда с ней. — Она злобно засмеялась. — Но потом Изабель дала ему отставку, совершенно спокойно. Потому что у нее не было желания торчать в этой дождливой Ирландии с таким занудой, как он. — Фрау Кампманн пожала плечами. — Это был тяжелый удар по тщеславию Роберта, когда он узнал, что она использовала его исключительно для времяпрепровождения. И потом она пригрозила, что предаст огласке его делишки здесь, в конюшне. Когда он понял, что у него больше нет с ней шансов, он ее возненавидел.

— До такой степени, что решил убить? — Боденштайн был насторожен, несмотря на арест Кампманна.

— Оскорбленное тщеславие. — Фрау Кампманн презрительно фыркнула. — И так же оскорблена была и Ягода. Она всегда терпеть не могла Изабель. Предел наступил, когда она узнала, что Изабель и ее мужа затащила в свою постель.

— Она же ничего об этом не знала, — заметил Боденштайн.

Фрау Кампманн зло рассмеялась:

— Конечно она все знала. Мой муж и она строили планы убийства. Они ее выслеживали.

— Изабель убил ваш муж вместе с Марианной Ягодой? — Боденштайн выпрямился.

— Да, это так, — кивнула Сюзанна Кампманн. — Они столкнули ее с этой башни.

Боденштайн задумчиво посмотрел на женщину. Фрау Кампманн не знала, как в действительности умерла Изабель Керстнер.

— Вы сказали мне, что когда вернулись домой, то увидели вашего мужа спящим на диване. В котором часу это было?

— Примерно в половине второго. — Сюзанна смотрела остановившимся взглядом, не мигая.

— А когда вы узнали, что ваш муж и фрау Ягода убили фрау Керстнер?

— Я точно не знаю. Где-то на прошлой неделе.

— От кого? — Боденштайн осторожно переместил свое тело. Каждый мускул и каждая косточка испытывали адскую боль.

— Я это узнала, и все. Вопрос исчерпан.

— Я бы хотел проверить ваше алиби. Вы не могли бы дать мне номер телефона и адрес ваших родителей?

— Разумеется, — холодно улыбнулась женщина. Она обернулась, взяла шариковую ручку и что-то нацарапала на бумаге.

Зажужжал мобильный телефон Боденштайна. Во дворе залаяла собака, затем лай превратился в радостное поскуливание. Фрау Кампманн посмотрела в окно, а Боденштайн нажал кнопку приема звонков. Это была Пия. Он отвернулся и тихо сказал:

— Я не могу сейчас говорить. Скоро перезвоню.

Краем глаза он уловил некое движение, а когда поднял глаза, увидел перед собой конюха Кароля, который вырос как из-под земли. Он стоял с лицом, лишенным каких-либо эмоций, и держал в руках бейсбольную битку. Боденштайн отошел назад, его сердце колотилось как бешеное.

— Дай сюда свой мобильник! — Кароль протянул руку.

Боденштайн понял, что у него нет возможности сбежать. Кароль был великаном, к тому же натренированным до кончиков пальцев, в то время как у него болел каждый миллиметр тела.

— Не делайте глупостей, — сказал он фрау Кампманн, но она лишь равнодушно улыбнулась.

Кароль просунул руку под пиджак Боденштайна, вытащил из его плечевой кобуры оружие и передал его фрау Кампманн. Затем толкнул Боденштайна на один из стульев, стоящих в кабинете, заломил ему за спину руки и замотал клейкой лентой запястья и щиколотки.

— Вы совершаете ужасную ошибку, фрау Кампманн! — воскликнул Боденштайн, отчаянно надеясь, что у жены инструктора по верховой езде хватит ума не застрелить его. Как только его угораздило попасть в такую ситуацию?

— Заткнись! — прорычал конюх и, недолго думая, заклеил ему и рот полоской клейкой ленты. Так как Оливер сидел на стуле лицом к стене, то мог только слышать, что происходило за его спиной.

— Давай скорее, — раздался голос фрау Кампманн, — мы должны исчезнуть отсюда, прежде чем кто-нибудь появится.

— Ты все приготовила? — спросил Кароль.

— Да, да...

Это было последнее, что слышал Боденштайн, так как неожиданный удар, который он получил по затылку, был такой силы, что из глаз посыпались искры и главный комиссар потерял сознание.

Словно сквозь туман, Боденштайн услышал чей-то голос. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой озабоченное лицо пожилой женщины. У него все двоилось перед глазами, и прошло несколько секунд, пока он вспомнил, где он вообще находится.

— Вы меня слышите? — Женщина была взволнована и растеряна. — О господи, как все это ужасно! Что же мне делать?

Боденштайн поворачивал глазами в надежде, что женщина догадается его освободить. С истерическим кудахтаньем она сняла с его рта клейкую ленту, причинив ему невероятную боль, затем разрезала ножницами ленту, которой были связаны руки и ноги.

— Большое спасибо. — Боденштайн глубоко вздохнул и потер запястья. Сколько же он просидел здесь без сознания? За окном уже почти стемнело.

— Что здесь происходит? — Голос женщины был неприятно резким. — И что с моей лошадью?

Боденштайн вспомнил, что он уже видел сегодня эту пухленькую даму. Это на ее лошади сбежал Кампманн.

— Она в ветеринарной клинике в Руппертсхайне, — сообщил он и поднялся. — Вы знаете, который час?

— Сейчас половина девятого, — ответила женщина с ноткой укора в голосе. — Я абсолютно одна во всем комплексе. Вчера отсюда выехала половина конюшни. Я совершенно не могу понять, что произошло.

— Вы видели фрау Кампманн?

— Нет, — женщина помотала головой, — но ее машины здесь нет. Наверное, она опять отправилась за покупками.

Неуверенным шагом Боденштайн поплелся к письменному столу. Его голова гудела, перед глазами все плыло. Он поискал свой мобильный телефон и понял, что его здесь нет. Чертыхаясь, Оливер опустился на стул. Наличные деньги, которые лежали на столе, исчезли, сейф, вмонтированный в стену между книжными полками, открыт настежь и совершенно пуст. Фрау Кампманн и Кароль основательно вытрясли кассу и, вероятно, уже исчезли.

— Это не ваш мобильный?

Оливер взглянул на аппарат.

— Он валялся во дворе, — сказала женщина, передавая ему телефон.

Боденштайн поблагодарил ее и сразу обнаружил, что на дисплее трещина. Но аппарат еще функционировал. Оливер набрал номер Пии, но сработала только голосовая почта. Это неудивительно, так как в больницах нет приема мобильной связи.

— Что же мне теперь делать? — спросила женщина.

— Поезжайте навестить вашу лошадь, — предложил Боденштайн и встал. Вообще-то он мечтал только о горячей ванне и постели, но перед этим ему необходимо было срочно поговорить с Кампманном. Главный комиссар вышел из дома и направился к своему «БМВ», чтобы по рации объявить в розыск Сюзанну Кампманн и конюха Кароля, которые, ко всему прочему, наверняка были настроены решительно и в довершение всего были еще вооружены.

Роберт Кампманн лежал в постели в отдельной палате. Он был удручен и бледен. Ему наложили на руку гипс и зашили рваную рану на голове. В коридоре перед дверью его палаты сидел полицейский.

— Ваша жена рассказала мне пару интересных вещей, — поведал Боденштайн, который едва ли чувствовал себя лучше, чем мужчина, лежавший перед ним в кровати. — Вам пора уже начать говорить правду.

Инструктор посмотрел на него глазами, налитыми кровью.

— Давайте же, Кампманн! — Пия пренебрегла формальным обращением. — Нам известно, что двадцать седьмого августа вечером вас не было дома. Ваша жена сказала нам, что это вы вместе с Марианной Ягодой убили Изабель Керстнер.

Инструктор глубоко вдохнул воздух. Его потрескавшиеся губы задрожали. С поврежденным лицом, загипсованной рукой и проступающими кругами под глазами, он являл собой жалкую картину, но Боденштайн больше не испытывал к нему сочувствия.

— Хорошо, — сказал он через некоторое время. — Вы имеете право не говорить ничего из того, что может нанести вам вред. Завтра вас отправят в следственную тюрьму, и прокуратура выдвинет против вас официальное обвинение в убийстве Изабель Керстнер. И тогда вы больше никогда не выйдете на свободу.

Инструктор сжал губы, повернул голову в сторону и сделал беспомощный жест неповрежденной рукой. Казалось, он внезапно осознал всю безысходность своей ситуации.

— Я ее не убивал, — проговорил он плаксивым голосом. — Но вы ведь не верите ни единому моему слову.

— Потому что вы ни разу не сказали правду, а только лгали. — Пия наклонилась вперед. — Почему мы должны верить вам сейчас?

Кампманн с безмолвным отчаянием смотрел на стену.

— Вам все это не понять, — произнес он наконец глухим голосом, в котором слышалась горечь. — Вы не знаете, что это такое, когда нет денег. Вам незнакомо это унижительное чувство — ощущать себя *бедным* в окружении людей, которые вот так запросто могут купить себе «Порше», на выходные полететь в Нью-Йорк и не моргнув глазом приобрести на аукционе лошадь за полмиллиона. Людей, которые не задумываются, когда покупают седло за три тысячи евро, хотя их ребенок едва держится на лошади!

Он провел бессильным движением руки по глазам.

— У моей жены были большие запросы, — продолжал он, — а я всегда был неудачником. После того как конноспортивный комплекс моих родителей был продан с аукциона, я не знал, как оплатить долги, но потом все вдруг изменилось к лучшему. Я познакомился с Ягодой, и он предоставил мне возможность заработать деньги. Я никогда не спрашивал, были ли эти сделки честными или нет, я хотел лишь избавиться от моих долгов. Они купили конноспортивный комплекс и сделали меня управляющим. Впервые после долгих лет я забыл, что такое иметь проблемы. У нас появился красивый дом, две машины, я зарабатывал хорошие деньги. Моя жена могла посещать бутики, и я был в состоянии дарить ей красивые украшения. Наконец она перестала предъявлять претензии. Все финансовые проблемы растворились в воздухе.

Кампманн глубоко вздохнул.

— Совершенно неожиданно, — прошептал он, — я обрел имя. Люди уважали меня. Они набивались мне в друзья, просили совета, они обожали меня и никогда не подходили ко мне критически. Они легко могли заплатить за лошадь больше, чем та стоила в действительности. Они никогда этого не замечали и всегда были довольны.

— Ваша жена утверждает, что Изабель вас шантажировала и хотела рассказать вашим клиентам правду о махинациях с лошадьми, — заметила Пия. — Если бы фрау Ягода об этом узнала, это стоило бы вам вашей доходной работы или нет?

— Вероятно, да, — вздохнул Кампманн.

— И хотя она попыталась вас шантажировать, вы собирались оставить вашу семью и уехать с Изабель в Ирландию?

— Это моя жена себе насочиняла, — покачал головой Кампманн. — Я сказал ей, что потерял на спекуляциях деньги, которые заработал на сделках для Ягоды. Я не хотел, чтобы она их просто бессмысленно разбазарила. Тогда моя жена разузнала, что я решил купить дом в Ирландии. Это вообще не имело никакого отношения к Изабель, но Сюзанна пригрозила, что расскажет Марианне Ягоде о моих сделках, если я немедленно не позабочусь о том, чтобы Изабель навсегда исчезла из конюшни и из нашей жизни.

— И что вы сделали?

Кампманн пожал нетравмированным плечом.

— Ничего. Я подумал, что Сюзанна вновь успокоится, если Изабель окажется в Аргентине.

— Так вы знали об этом?

— Да, — подтвердил Кампманн. — Изабель сказала мне, что замужество с сыном Дёринга — это шанс в ее жизни. Он очень богат и сможет дать ей все, о чем она только мечтала. Она даже предложила мне поехать вместе с ней в Аргентину. В таком огромном имении для меня точно нашлась бы какая-нибудь работа.

— И для вас вообще ничего не значил тот факт, что Изабель хотела выйти замуж за другого человека? — спросил Боденштайн. — У меня создалось впечатление, что она имела для вас существенное значение.

Кампманн поднял глаза и пристально посмотрел на Боденштайна. Его глаза налились кровью и сильно блестели.

— Я ее любил, — ответил он. — Она мне во многом помогла и, в отличие от других, никогда не давила на меня. Я с удовольствием проводил с ней время, но не более того. Как женщина, она требовала слишком большого напряжения.

— Зачем вы в субботу еще раз приезжали к ней? — поинтересовался Боденштайн.

— Я отдал ей деньги, которые был ей должен, — прошептал Кампманн, — и хотел убедить ее не ехать в Аргентину, так как опасался, что там ее убьют.

— Почему?

— У нее были эти фотографии, которыми она собиралась шантажировать Марианну Ягода. Я умолял ее этого не делать, но она была твердо убеждена в том, что Ягода даст ей за эти фотографии двести пятьдесят тысяч евро, а потом намеревалась оставить ее в покое.

— Изабель шантажировала Марианну Ягода? — спросил Боденштайн.

— Да, — кивнул Кампманн. — Каким-то образом она выяснила, что родители Марианны погибли в результате не несчастного случая, а поджога. Она завладела фотографиями, с помощью которых якобы могла это доказать, и отправилась к Ягоде. Та пообещала ей денег. Но я был совершенно уверен, что в действительности она и не собиралась давать Изабель деньги.

Боденштайн и Пия обменялись взглядами. Если это было правдой, лгала Марианна.

— Что в действительности произошло двадцать седьмого августа? — спросил Боденштайн.

Инструктор на мгновение закрыл глаза, затем снова открыл их и начал говорить.

— Когда я в обед приехал домой, — сказал он сдавленным голосом, — моя жена набросилась на меня, как фурия. Она знала, что я был у Изабель, и обругала меня, затем, взбешенная, уехала. Вечером в конюшню приехала Изабель. Она хотела поговорить со своим мужем, но тот не обращал на нее никакого внимания. Тогда она попыталась найти Дёринга. Я сказал ей, что у меня нехорошие предчувствия и она ни в коем случае не должна встречаться с Марианной. Но она возразила, заявив, что, прежде чем улететь на следующее утро в Буэнос-Айрес, должна получить еще обещанные деньги. Тогда я решил поехать за ней следом, так как по-настоящему за нее боялся. Марианна Ягода — не та женщина, которая позволит себя шантажировать.

Кампманн сделал паузу. Ему потребовалось некоторое время, прежде чем он продолжил свой рассказ.

— Итак, я поехал в Руппертсхайн и поднялся в квартиру Изабель. Она накричала на меня, сказала, что ей нужны деньги, а я ей все испорчу. — Мужчина опять вздохнул. — Неожиданно в квартире появились Кароль и Ягода. Тогда мне стало ясно, что я оказался прав, высказывая свои опасения.

Голос инструктора затих, он боролся со слезами. Его ввалившееся лицо окаменело. Впервые с тех пор, как Боденштайн узнал Кампманна, он был убежден, что тот говорит правду.

— Я испугался, — прошептал он. — Кароль набросился на Изабель. Она кричала, чтобы ей помог, но... но я этого не сделал. Я просто стоял и смотрел, как он ее убивает. Ягода сказала, что знает все обо мне и Изабель. Если... если я буду в дальнейшем вести себя как немецкая овчарка, со мной ничего не случится.

— Как немецкая овчарка? — удивленно переспросила Пия.

— Держать язык за зубами и слушаться.

Роберт глубоко вздохнул.

— Кароль сделал Изабель инъекцию, — продолжил он потом, — Ягода наблюдала. Затем она сказала, что должна уйти, а мне нужно помочь Каролю обыскать квартиру, а затем все тщательно убрать. И если я хоть слово скажу про то, что здесь видел, со мной случится то же, что и с Изабель. В этом я ни секунды не сомневался. Что мне оставалось делать? Изабель была мертва.

На какой-то момент в больничной палате воцарилась тишина. Кампманн тяжело дышал. Воспоминание о том субботнем вечере, казалось, было для него тяжким бременем.

— Что происходило потом? — спросил Боденштайн безжалостно.

— Мы убрали квартиру. Изабель облегчила им задачу: приготовившись к отъезду на следующий день, она уже упаковала все вещи в чемодан. Кароль завернул труп Изабель в пленку и отнес в подземный гараж... — Голос Кампманна дрожал. — Он положил ее в багажник ее же автомобиля. Я должен был следить, чтобы никто не застал его за этим занятием. Кароль заставил меня отогнать «Порше» на парковочную площадку, которая находилась поблизости. Там он освободил труп Изабель от пленки, положил ей в карман брюк ключи от машины, перекинул ее, как мешок, через плечо и понес на башню. Потом сбросил ее вниз.

— А что делали вы в это время? — спросила Пия. — Вы ведь могли сбежать.

— Я попытался. — Кампманн засмеялся, но в его смехе слышалась горечь. — Кароль догнал меня и ударил бейсбольной битой. Из-за этого синяк под глазом. С тех пор я боюсь за свою жизнь. Потом мы пошли пешком назад к «Цаубербергу» и поехали на моей машине домой. Я выпил две бутылки красного вина, чтобы хоть как-то привести в порядок свои нервы. Вот и все.

— Вы ему верите? — спросила Пия своего шефа, когда они немного погодя шли по длинному коридору к выходу больницы.

— Да, я думаю, что так все и происходило, — задумчиво кивнул Боденштайн. — Марианна Ягода ненавидела Изабель. Кроме того, она могла опасаться, что раскроется дело с убийством ее родителей, о котором она, вполне вероятно, знала. Марианна заплатила Каролю за убийство Изабель.

— Но откуда у нее пентобарбитал? Его не так просто приобрести в аптеке.

— Это нам еще предстоит узнать. — Боденштайн пожал плечами и застонал, потому

что даже это движение причинило ему боль.

— Что с вами? — озабоченно спросила Пия.

— У меня сплошные ушибы.

Оливер нажал кнопку лифта и стал размышлять, надо ли ему рассказывать своей коллеге о неловком случае в больнице Бад-Зодена. Дверь лифта сдвинулась в сторону, Боденштайн пропустил Пию и посмотрел на нее.

— Если вы поклянетесь, что об этом не узнает ни одна живая душа, то я расскажу вам об одном из самых неприятных событий в моей жизни.

Пия с удивлением посмотрела на него и подняла руку для клятвы.

— Я клянусь, — заверила она торжественно.

Лифт остановился на первом этаже. Больничный холл был пуст, только в регистратуре сидел молодой человек, который скучал, отбывая ночное дежурство.

— Пойдемте куда-нибудь перекусим, — сказал Боденштайн. — Тогда я смогу рассказать вам это во всех подробностях. Но не забудьте вашу клятву!

За окном стояла непроглядная тьма, когда Боденштайн внезапно проснулся в жутком испуге. Его сердце бешено колотилось. Дождь глухо барабанил в косое окно мансарды в лоджии, примыкавшей к его спальне. После того как Оливер накануне чуть за полночь приехал домой, он еще поговорил по телефону с Тордис. Со злорадным смехом та рассказывала ему о неожиданном массовом выезде клиентов из «Гут Вальдхоф» накануне. Вскоре после этого позвонила Козима из аэропорта Буэнос-Айреса. Она сообщила, что ей удалось разузнать о Филиппе Дёринге, он же Фелипе Дуранго. У молодого человека были серьезные амбиции: на своей новой родине он собрался заниматься политикой и баллотировался на пост губернатора района, в котором находилось его имение. Очевидно, Филипп предполагал, что брак с красивой молодой женщиной повысит его авторитет и серьезность. После разговора с женой Боденштайн, совершенно измотанный событиями дня, провалился в глубокий сон — и вдруг резко проснулся. Электронный будильник показывал начало пятого утра. Оливер попытался понять, что его разбудило. Неожиданно его осенила мысль. Он выпрямился и попытался найти свой телефон. Потом нажал клавишу повторного набора. Прошла пара секунд, и раздался голос Тордис.

— Извините, если я вас разбудил, — тихо проговорил Боденштайн, — но мне тут кое-что пришло в голову.

— Который сейчас час? — спросила девушка заспанным голосом.

— Десять минут пятого, — ответил Боденштайн. — Но вы же сказали, что вам для сна требуется всего часа три.

— Ха-ха, — невнятно пробормотала Тордис. — Так что же случилось?

— Вы ведь видели Марианну Ягоду в четверг во второй половине дня в доме Кампманна, не так ли?

— Что? — Она казалась рассеянной. — Когда?

— Когда я в четверг был в «Гут Вальдхоф», люди выезжали оттуда со своими лошадьми, так как они узнали, что Кампманн их обманул. Позже там появилась Марианна Ягода. Может быть, вы помните, как она уезжала обратно?

Тордис, резко вырванная из глубокого сна, старалась упорядочить свои мысли.

— Я не помню точно. — Она зевнула. — Ее внедорожник стоял посередине двора — так, как она его всегда ставит.

Боденштайн осторожно поднялся, чтобы не слишком нагружать свои болезненные мышцы, и прошел в ванную.

— Вы еще здесь? — спросил он.

— Да, — голос Тордис сейчас уже звучал явно бодрее, — я размышляю. Сейчас я вспоминаю. Машина стояла на месте всю вторую половину дня, включая вечер. Поднялась невероятная суматоха. Я была там примерно до восьми, пока все не уехали со своими лошадьми.

— Но фрау Ягоду вы больше не видели?

— Нет, не видела... — Тордис замаялась. — Но... одну минуту! Когда я шла к своей машине, мимо меня проехал ее «Кайенн». За рулем Сидел Кароль, но я не придавала этому большого значения. Он часто ездит на автомобилях Ягоды в мастерскую или на заправку.

— И куда он поехал? — Боденштайн был как будто наэлектризован.

— Он подъехал к новому манежу, где установлена беговая дорожка, — сказала Тордис. — Но потом я тоже поехала домой и понятия не имею, что происходило дальше. Почему вдруг вам понадобилось узнать все это среди ночи?

— Марианна Ягода бесследно исчезла в четверг. — Боденштайн сел на край ванны. — Она не появлялась ни дома, ни где-либо еще, ее мобильный отключен. Она, фрау Кампманн и этот Кароль объявлены в федеральный розыск, но пока все безрезультатно. Я предполагаю...

Он загнулся. Ему вспомнился нож, который фрау Кампманн с отсутствующим взглядом вертела в руках во время их разговора в кухне. У Кароля была бейсбольная бита и теперь также — его служебное оружие. Не исключено, что эти двое избавились от соучастницы, чтобы сбежать с ее деньгами.

— Что вы предполагаете? — спросила Тордис.

— Я должен поехать в «Гут Вальдхоф», — сказал он.

— Сейчас? В такое время?

— Да. — Боденштайн отправился в спальню, чтобы одеться.

— Я тоже туда приеду, — решительно выпалила Тордис.

— Я буду в конюшне через двадцать минут.

Был час глубокой темноты, которая предваряет предрассветные сумерки. Дождь прекратился, пахло влажной землей и мокрым асфальтом. Большие ворота, к которым пару дней назад приковали Фридриха Дёринга, были широко раскрыты. Так как Кампманн отсутствовал, никто, кажется, и не собирался их закрывать. Патрульный автомобиль уже находился на месте, и Тордис вышла из своей машины, когда увидела подъехавший «БМВ» Боденштайна. Двое полицейских пересекли двор и поприветствовали главного комиссара, бросив любопытный взгляд на Тордис.

— Здесь все спокойно, — доложил один из стражей порядка.

— Куда Кароль отвез автомобиль? — спросил Боденштайн у Тордис.

— Туда, — указала она на ворота переднего манежа.

Вчетвером они пошли через газон к манежу. Сработал детектор движущихся объектов, и яркий прожектор осветил темноту. Массивная раздвижная дверь манежа была открыта.

— Выключатель сразу справа, — сказала Тордис.

Через некоторое время замерцали неоновые трубки на потолке вестибюля манежа, где находились два временных бокса для лошадей, прессованные кипы сена и соломы, тренировочная беговая дорожка для лошадей и несколько сельскохозяйственных машин. Рядом с беговой дорожкой был припаркован кабриолет «Гольф», который накануне стоял во дворе.

— Это машина фрау Кампманн, — пояснила Тордис.

Просуммировав все имеющиеся факты, Боденштайн понял, что произошло. Кароль и Сюзанна Кампманн сбежали не на «Гольфе», а на «Кайенне» Марианны, который ночью точно стоял на этом месте. Это означало, что Ягода была где-то здесь. И, вероятно, ее уже нет в живых.

— Объявите в розыск автомобиль фрау Ягоды, — дал Оливер указание полицейским. — Государственный номер начинается с НС.

— Нет, — вмешалась Тордис. — Машина зарегистрирована на «Гут Вальдхоф». МТК-GW 17.

Боденштайн посмотрел на нее и усмехнулся:

— Умная девочка. Почему бы вам не пойти работать в уголовную полицию? Нам нужны люди с хорошей наблюдательностью.

— «Девочку» я пропустила мимо ушей, — с достоинством ответила Тордис, но по ее лицу было видно, что она весьма польщена.

Несмотря на ранний час, Боденштайн позвонил Пие Кирххоф и вызвал ее в «Гут Вальдхоф». Тем временем они вышли из манежа, прошли через парковочную площадку и направились к дому Кампманнов.

— Я так себе это и представлял, — пробормотал Боденштайн. — Ягода больше не уезжала из комплекса.

— Вы думаете, ее убили? — подавленно спросила Тордис.

— Это не исключено, — кивнул Боденштайн. — Мы сейчас осмотрим дом. У меня такое чувство, что там мы найдем фрау Ягду.

Он поднялся по ступеням ко входной двери, обнаружил, что та заперта, и спросил полицейских:

— Вы можете открыть дверь?

— Вряд ли, — ответил тот, который помоложе, но по его тону было ясно, что для него это детская игра.

— Тогда давайте, — ободряюще кивнул ему Боденштайн, — я вам приказываю. А потом мы подождем мою коллегу.

Через десять минут приехала Пия, и они вошли в дом. Полицейские зажгли свет и проверили каждую комнату. На первый взгляд, везде был такой же порядок, как и всегда, только раскрытые и опустошенные шкафы в спальне свидетельствовали о поспешном побеге.

— Фрау Ягода? — громко крикнул Боденштайн и прислушался. Но ответа не последовало.

— Ничего не трогать, — предупредил он Тордис.

Та кивнула в ответ. С широко раскрытыми глазами и внутренне напрягшись, она шла за Боденштайном, Пией и обоими полицейскими по пустому дому. В кухне царил полный бедлам. Разбитый фарфор лежал на полу между растоптанными фруктами. Во дворе перед домом остановился второй патрульный автомобиль. Мерцающий голубой свет погас, и через некоторое время в помещение вошли еще двое полицейских. Взгляд Боденштайна скользил по рабочей поверхности стола и по полу. Его внимание привлек отпечаток половины профилированной подошвы. Пия также обнаружила странный отпечаток. Они обменялись быстрыми взглядами. Как след от обуви мог оказаться под кухонным шкафом лишь наполовину?

— Отодвиньте шкаф в сторону, — попросил он патрульных полицейских. — Я думаю, за ним мы найдем то, что ищем.

И действительно, за шкафом находилась дверь. Боденштайн нажал ручку вниз и увидел кругую лестницу, ведущую в подвал.

— Оставайтесь здесь, наверху, — сказал он Тордис.

Девушка отважно кивнула.

Оливер, Пия и двое полицейских пошли вниз по лестнице и оказались в очень глубоком подвале. Дверь слева вела к бытовым помещениям конноспортивного комплекса и к залу отдыха. Справа находилось просторное помещение с полками, доходящими до потолка.

В котельной тоже ничего не обнаружилось.

— Что будем делать? — Пия посмотрела на шефа. — Здесь никого.

Боденштайн скорчил задумчивую гримасу.

— Ягода *должна* быть здесь, — тихо заметил он.

— У них был целый день, чтобы отвезти ее куда-нибудь еще, — напомнила ему Пия. —

Они могли застрелить ее и зарыть в кучу навоза. Как-никак у них есть оружие.

— Спасибо, что вы мне об этом напомнили, — недовольно буркнул Боденштайн.

Оба полицейских, следующих за ними, безрезультатно обследовали стены просторного помещения. Оливер негромко чертыхался. Они пошли обратно, и вдруг взгляд Пии упал на крышку люка, который был вделан в бетонный пол перед котельной.

— Сюда, — показала она полицейскому место, где следовало посветить фонариком. Потом нагнулась. — Крышку недавно сдвигали, — определила Пия. — Здесь на краях совсем свежие царапины.

Потребовалось какое-то время, чтобы найти подходящий инструмент, с помощью которого они подняли крышку люка.

Боденштайн посветил в темное пространство, в которое вела лестница-стремянка. Влажный гнилостный воздух ударил ему в лицо. Оливер поморщился. Резко пахло мочой и экскрементами.

— Водосборник, — сказала Пия. — Кажется, там нет воды. Кто первый? Вы или я?

— Собственно говоря, приоритет принадлежит даме, — ответил Боденштайн, — но в этом случае первым пойду я.

Он спустился вниз по скользкой лестнице, за ним следовали Пия и один из полицейских. Оливер скривился от отвращения, когда в луче света карманного фонарика увидел разбегающихся мышей и крыс.

— Осветите все пространство, — попросил он полицейского, ожидая увидеть труп, но вдруг с удивлением перевел дух. На обмазанном глиной полу спиной к стене, растрепанные и измученные, сидели Марианна Ягода и Сюзанна Кампманн, щурясь от яркого света фонаря. Если фрау Кампманн вызывала жалкое чувство, то Марианна Ягода, казалось, кипела негодованием от осознания малопривлекательного положения, в котором оказалась. Без посторонней помощи она поднялась на ноги и разгладила свою одежду.

— Наконец-то! — В ее голосе сквозило презрение. — Не прошло и года. Кажется, особо догадливыми вас не назовешь.

— Но вы тоже неплохо спрятались, — саркастически ответил Боденштайн, и Марианна смерила его холодным взглядом.

Час спустя Ягода в комнате для допросов комиссариата в Хофхайме не моргнув глазом с головой выдала своего управляющего.

— Кто запер вас в подвале? — спросил Боденштайн. — Что случилось в четверг после обеда?

— В четверг мне позвонил один из наших клиентов, — сказала Марианна и манерно сделала глоток воды. — Он накричал на меня и пригрозил подачей иска, так как Кампманн его обманул. После этого я поехала в «Гут Вальдхоф», чтобы все выяснить. Здесь они уже все собрались во дворе и накинулись на меня.

— Кто?

— Почти все клиенты. — Женщина озлобленно фыркнула. — Они разузнали, что

Кампманн обманул их всех с продажей лошадей, и потребовали от меня возмещения ущерба.

— Как это они все сразу узнали? — поинтересовалась Пия. — Ведь это мошенничество продолжалось на протяжении нескольких лет.

— Кампманн хотела оставить своего мужа в дураках, — ответила Марианна, — поэтому немедленно рассказала клиентам обо всем, что он делал. Когда мне удалось войти в дом, она была в ярости и осыпала его самыми гнусными ругательствами.

— А что делал он? — спросила Пия.

— Ничего. — Ягода пренебрежительно пожала плечами. — Он стоял как побитая собака, а потом просто ушел. Это в его духе. Улаживание конфликтов никогда не было его сильной стороной.

— Что происходило потом?

— Я попыталась успокоить Кампманн, — проговорила Марианна с нарастающим раздражением, — но та совершенно потеряла голову. Внезапно она подошла ко мне, держа в руках кухонный нож. Я побежала в сторону сада, здесь он и набросился на меня. Когда я пришла в себя, то уже лежала в этой дыре.

— Кто набросился на вас? Кампманн?

— Да что вы! Этот неблагодарный цыган.

— Кто?

— *Конюх!* — Она исторгла из себя это слово, как протухшую рыбу.

— Может быть, вы думали: то, что удалось в первый раз, сработает и во второй? — заметила Пия.

Ягода бросила на нее непонимающий взгляд:

— Что вы имеете в виду?

— Изабель Керстнер, — ответила Пия, — которую вы убили с помощью Кароля.

Марианна какое-то время ее разглядывала, как будто та была не в своем уме, потом язвительно рассмеялась.

— Я не убивала эту дешевую шлюху, — презрительно процедила она.

— Мы знаем, что вы не самостоятельно осуществляли убийство, — вмешался Боденштайн, — но вы подстрекали к этому убийству, а именно — вашего любовника Кароля.

Глубокая складка пролегла между бровями Марианны.

— Зачем мне это было нужно?

— Кампманн нам все поведал, — сказал Боденштайн. — Изабель Керстнер шантажировала вас фотографиями, где запечатлены вы и прокурор Гарденбах. Это доказывало, что смерть ваших родителей была не просто несчастным случаем. Для виду вы согласились уступить требованиям Изабель, но на самом деле не собирались отдавать ей деньги.

Ягода, казалось, ничуть не была напугана.

— Я ничего не знаю ни о каких фотографиях, — заявила она и скрестила на груди свои толстые руки.

— По поводу чего вы договорились встретиться с Изабель в ее квартире в субботу четырнадцать дней тому назад в семь часов вечера?

— Я хотела посмотреть квартиру, — ответила Марианна, ничуть не колеблясь. — Фридрих Дёринг предложил мне ее купить.

На какой-то момент Оливер и Пия лишились дара речи от той наглости, с которой лгала Ягода.

— Я сама была удивлена, когда увидела там Кампманна, а потом он и Кароль набросились на нее, — продолжала женщина. — Когда я поняла, что они затеяли, то ушла. Единственное, в чем вы можете меня упрекнуть, — это, пожалуй, неоказание помощи. Но даже и здесь у вас нет шансов. Кароль и Роберт уже приняли решение, и мне нужно было спасти свою собственную жизнь. Ни один прокурор в мире не обвинит меня в том, что я сбежала.

Ее взгляд перескакивал с Пии на Боденштайна, и казалось, она была довольна собой.

— Я могу идти? — спросила Марианна. — Я бы хотела принять ванну и переодеться.

Боденштайн пристально посмотрел на фрау Ягода. Он напряженно думал, выискивая предлог, чтобы ее задержать, но в голову ничего не приходило.

— Невероятно! — воскликнула Кирххоф, когда Ягода вышла из комнаты допросов.

— Уму непостижимо, — согласился с ней Боденштайн. — Но, к сожалению, она права: мы не можем доказать, что Изабель ее шантажировала, как не можем доказать и подстрекательства к убийству. Пока не будет найден этот Кароль, нам придется довольствоваться только опровергающими друг друга показаниями. А у Кампманна нет шансов, так как в автомобиле Изабель найдены его отпечатки пальцев.

— Вы думаете, Ягода вышла сухой из воды? — возмущенно спросила Пия.

— Да, по крайней мере на данный момент это выглядит именно так... — Боденштайн удрученно кивнул. — С ее-то деньгами она наймет себе лучшего защитника, и тогда все еще больше осложнится.

Сюзанна Кампманн сидела, выпрямившись на стуле, с безразличным видом и смотрела перед собой. Ее неестественно хорошее настроение исчезло. Темные круги под глазами придавали ей болезненный вид.

— Что произошло в четверг, когда фрау Ягода была у вас дома? — спросил Боденштайн и внимательно посмотрел на нее. Если бы он не знал, кто она такая, то просто не узнал бы эту женщину.

Сюзанна подняла глаза. У нее был застывший и пристальный взгляд. Все иллюзии, которые она строила в отношении своей жизни и своего будущего, разрушились.

— Она явилась и разнесла Роберта, как непослушного школьника, — сказала фрау Кампманн. — Я набросилась на нее, и она хотела убраться через террасу, но здесь ее подждал Кароль, и он ударил ее. Она лежала, как выброшенный на берег кит, с этими побрякушками вокруг шеи. — Фрау Кампманн неприязненно засмеялась, вспоминая случившееся. — Роберт улизнул, как последний трус. У Кароля возникла идея убрать ее, и мы вместе заточили Моби Дика^[17] в водосборнике.

— Что происходило дальше?

— В пятницу после школы я отвезла детей к своим родителям, — продолжала фрау Кампманн. — Когда я вернулась, входная дверь была открыта и в прицепе для перевозки лошадей громоздились картонные коробки. Тогда я поняла, что Роберт собрался исчезнуть. Кароль рассказал мне, что Роберт сбежал на лошади перед носом у полиции. Мы решили воспользоваться удобным моментом, чтобы очистить счета и взять с собой наличные деньги. Но в этот момент появились вы.

— Вы в самом деле собирались исчезнуть с Каролом и деньгами? — спросил Боденштайн. — Что было бы с вашими детьми и мужем?

Сюзанна Кампманн бросила на Боденштайна мрачный взгляд:

— Дети находились у моих родителей. А муж... во мне все кипело от злости на него. Я все сделала для него, всегда поддерживала его — в течение пятнадцати-то лет... И в благодарность за все он изменял мне с этой шлюхой.

Ее руки сжались в кулаки.

— Кароль сказал, что мы на некоторое время затаимся, пока здесь все не уляжется, — произнесла Кампманн с горечью в голосе. — Я была сыта всем по горло. Каждый меня только использовал. Кароль выгнал машину Ягоды из манежа, а мою поставил на ее место. Я дала ему деньги и хотела еще принести некоторые вещи. Больше я ничего не помню. Когда я очнулась, то увидела, что нахожусь в этой яме рядом с Марианной.

Она нетерпеливо вытерла рукой слезы.

— Он мне тоже лгал, — всхлипнула она. В ее голосе чувствовалось такое отвращение к самой себе, что Боденштайн почти проникся сочувствием. — Роберт больше не хотел оставаться со мной, он сказал мне об этом. Кароль же делал вид, что любит меня. Ему уже осточертела работа в конюшне, и давно пропало желание играть роль заводского жеребца фрау Ягоды. Кароль был... такой внимательный и отзывчивый.

В комнате наступила тишина.

— Что произошло в субботу, когда умерла Изабель Керстнер? — спросила Пия. — Нам известно, что ваш муж принимал в этом участие, и мы убеждены, что вы об этом также знаете.

Фрау Кампманн опустила глаза.

— Фрау Ягода говорит, что ваш муж и Кароль вместе убили Изабель. Ваш муж утверждает обратное. Без показаний Кароля правду будет невозможно доказать. Так как фрау Ягода может позволить себе более квалифицированных адвокатов, ситуация для вашего мужа весьма невыгодная.

— У Кароля, кстати, прекрасные шансы никогда не быть найденным, — добавил Боденштайн. — При проверке его рабочих документов мы установили, что они были фальшивыми, как и имя, которое он указал.

— Это означает, — сказала Пия, — что ваш муж и, соответственно, вы и ваши дети оказались глупцами, которые будут все расхлебывать сами. Ваш муж будет отбывать в тюрьме пожизненный срок за убийство, и я не думаю, что Марианна Ягода позволит вам с детьми дальше проживать в «Гут Вальдхоф».

В глазах фрау Кампманн вспыхнула сдерживаемая ярость, но она молчала.

— Какое отношение имеет Марианна Ягода к убийству Изабель Керстнер? Это правда, что она только хотела посмотреть квартиру и случайно стала свидетельницей того, что ваш муж и Кароль убили Изабель?

— Это она так сказала? — недоверчиво спросила Сюзанна Кампманн.

— Да.

Женщина какое-то мгновение молчала, но наконец не выдержала.

— Это ложь! — Ее лицо пылало от ярости и возмущения. — Я знаю от Кароля про эти фотографии, которыми Изабель шантажировала Ягodu. Марианна только для видимости согласилась с ее требованиями, но сама уже давно решила уничтожить Изабель. При таких деньгах, которые она имеет, можно купить все, в том числе и киллера.

Сюзанна сделала паузу, уголки ее рта дернулись, и в глазах появились слезы.

— Марианна считает, что может манипулировать людьми, как шахматными

фигурами. — В ее голосе слышалась горечь. — Она купила «Гут Вальдхоф» только для того, чтобы заполучить Роберта. Если не в постель, то по меньшей мере под свой контроль. Она ревновала его ко мне, потому что я была его женой, а потом наконец возненавидела и Роберта. Сейчас она хочет свалить на него убийство Изабель.

— Почему она это делает? — спросила Пия.

— Из мести, — пожалала плечами Кампманн. — Потому что он не обращал на нее внимания, несмотря на ее деньги. Это была ошибочная инвестиция.

— Но он ведь, как соучастник, мог быть для нее опасен. Почему она его оставила в живых?

— Чтобы видеть, как он страдает. Ягода абсолютно больна на голову. Жирный комплекс неполноценности на двух ногах.

— Вы знаете, как умерла Изабель? — спросил Боденштайн.

Сюзанна Кампманн кивнула.

— Марианна все очень точно спланировала и все хорошо продумала, — начала она. — Чтобы навести подозрение на мужа Изабель, Кароль должен был похитить из его автомобиля две ампулы для усыпления животных. Это было несложно сделать, так как если ветеринары лечат лошадей в конюшне, они никогда не закрывают свои машины. Это знает каждый. Ягода точно объяснила Каролю, что он должен сделать. И он взял две ампулы из машины Керстнера примерно за неделю до убийства Изабель. Вместо них он положил две ампулы с водой, чтобы при проверке запасов медикаментов Керстнеру не бросилось в глаза, что отсутствует опасный препарат. Для этого он наклеил на ампулы с водой этикетки от настоящих ампул. Отсутствие нескольких одноразовых шприцев и канюль вообще никто не заметит.

Боденштайн вспомнил тот день в ветеринарной клинике, когда он наблюдал за тем, как усыпляли лошадь. Первая инъекция, которую сделал Керстнер лошади, не оказала абсолютно никакого действия. Вполне возможно, фрау Кампманн сказала правду и в ампуле была обычная вода.

— Это все вам рассказал Кароль? — уточнила Пия. — Он вам так доверял?

— Да, он мне доверял. Но он был еще и зол на Марианну. Она обещала ему двести тысяч евро — и не дала. Он убил Изабель, сбросил ее с этой башни, дважды убрался в квартире и разобрал все до каркаса, потому что она хотела получить эти фотографии. Он три раза перерыл все чемоданы, которые она уже упаковала, и тогда Ягода его высмеяла. «Тебе не повезло, — сказала она ему. — При этом присутствовал Кампманн и все видел». Кароль должен был также убить моего мужа, прежде чем смог бы получить деньги.

— Почему же он этого не сделал? — спросил Боденштайн. — Ведь ему все равно.

— Роберт всегда относился к Каролю очень корректно и по-доброму. Возможно, он подумал, что может получить деньги другим путем. Так оно и получилось. Я перевела полтора миллиона евро со счета «Гут Вальдхоф» на счет в Литву.

— Почему на счете конноспортивного комплекса было так много денег? — удивленно спросила Пия.

— А вы еще об этом не слышали? — Сюзанна горько усмехнулась. — Марианна потеряла интерес к конноспортивному комплексу, когда все пошло не по тому сценарию, который она себе нарисовала. Три дня назад она продала «Гут Вальдхоф».

Пия и Боденштайн обменялись быстрыми взглядами. Этого они действительно не знали.

— Я подождала, пока поступят деньги, — сказала Кампманн, — потом нужно было

действовать, так как Ягода не оставила бы надолго деньги на счете. Слишком глупо, зная, что там происходило в тот день.

— Вам известно, кто является покупателем «Гут Вальдхоф»? — поинтересовался Боденштайн.

— Да, конечно, я знаю, — кивнула Сюзанна Кампманн. — «Гут Вальдхоф» купил Фридрих Дёринг. Он всегда им интересовался.

Марианна Ягода, похоже, чувствовала себя очень уверенно. Когда Боденштайн и Пия спустя полчаса позвонили в дверь ее дома, она открыла им в банном халате и с только что вымытой головой.

— Это опять вы? — фыркнула она, не предложив им пройти в дом.

Боденштайн взглянул на Пию, и затем они проследовали за женщиной в кухню.

— Вы продали «Гут Вальдхоф»? — спросил Боденштайн. — Почему?

— Я потеряла к нему интерес. — Марианна Ягода села за кухонный стол, чтобы впихнуть в себя килограммовую упаковку мороженого «Мёвенпик». — А Дёринг во что бы то ни стало хотел его купить.

— Полтора миллиона евро за конноспортивный комплекс — это выгодная сделка. — Боденштайн наблюдал за тем, как фрау Ягода опустила ложку в мороженое.

— С чего вы взяли, что сумма именно такая? — недоверчиво спросила она.

— Это сумма, которую фрау Кампманн перевела со счета комплекса в Литву, — ответила Пия, внутренне потешаясь над растерянным выражением лица Марианны. — Неужели вы этого не знали? — спросила Пия, разыгрывая удивление. — Хотя, конечно, вы были заперты в водосборнике, когда Кароль и фрау Кампманн очистили ваши счета и сейф. А потом Кароль сгинул на вашем автомобиле и с деньгами.

Фрау Ягода бросила ложку на стол.

— Подлое коварное ничтожество, — озлобленно прошипела она. — Как такое только взбрело в голову этой свинье?

— Фрау Кампманн сказала, что вы должны Каролю еще некоторую сумму, — заметил Боденштайн.

— Я? — Марианна буквально подпрыгнула. — Видит бог, я ему ничего не должна! Как она может такое утверждать?

— Н-да, — протянул Боденштайн, — деньги и ваш автомобиль в любом случае исчезли. Так как рабочие документы Кароля оказались фальшивыми, мы не сможем найти его, даже если объявим в международный розыск. Вам не повезло, фрау Ягода.

Марианна пристально посмотрела на Боденштайна. Лицо ее приобрело багровый оттенок, а глаза сверкали гневом.

— Это ему не повезло, — сказала она. — Я знаю его настоящее имя и откуда он. У меня остались его подлинные документы, когда Дёринг сделал ему новые.

— Зачем он их вообще сделал?

— Понятия не имею. Мне все равно. Мне нужны мои деньги и мой автомобиль!

В своем неистовом гневе из-за обмана и испытанного унижения Марианна забыла об изворотливости и угодила в расставленную Боденштайном ловушку. Тяжело ступая ногами, она как расвирепевший слон прошагала прямо в гостиную, сорвала со стены картину и швырнула на пол. В ярости она не обращала внимания на то, что полиция увидела, где находится тайный сейф, который при обыске не был обнаружен. Ногтями она провела по

едва заметному шву в шпукатурке и открыла клапан, за которым скрывался встроенный сейф. Покопавшись немного в сейфе, Марианна вынула оттуда конверт, быстро посмотрела внутрь и сунула его Боденштайну.

— Вот, — гневно фыркнула она, — арестуйте этого маленького подлого вора.

— Обязательно, — кивнул старший комиссар. — Правда, вас я тоже должен арестовать.

— Меня? — Марианна громко засмеялась. — Мы это уже проходили. Исчезните из моего дома, иначе я на вас заявлю.

Боденштайн сунул руку во внутренний карман своего пиджака.

— Вот, — сообщил он, — это ордер на ваш арест. Вы арестованы по обвинению в подстрекательстве к убийству Изабель Керстнер. Вам не следует больше говорить ничего, что может обернуться против вас. У вас есть право на помощь адвоката.

— Вы не сможете ничего доказать, — сказала Ягода с ехидной ухмылкой, — абсолютно ничего.

— Верно, — Боденштайн улыбнулся, — мы — нет. Но Кароль сможет. И так как нам с вашей помощью стали известны его настоящие персональные данные, мы найдем его и доставим сюда. Он совершенно определенно даст показания против вас. Или вы в этом сомневаетесь?

Только теперь Марианна поняла, на какую гигантскую ошибку она дала себя спровоцировать. Она посмотрела на Боденштайна прищурившись, затем признала себя побежденной.

— Я вас недооценила, господин главный комиссар, — процедила она сквозь зубы, — но сначала вы должны его найти. До этого я буду освобождена от заключения под залог. А там посмотрим.

Пия сидела в своем кабинете и печатала на компьютере заключительный отчет. Марианна Ягода провела первую ночь в следственной тюрьме, Сюзанна Кампманн поехала в больницу, чтобы забрать своего неверного, но раскаявшегося супруга. Доктор Михаэль Керстнер и Анна Лена Дёринг забрали в консульстве Аргентины во Франкфурте маленькую Мари. Фридрих Дёринга доставили в стационар следственной тюрьмы в Вайтершгадте где уже находился Ганс Нетер Ягода. Его вновь приобретенный конноспортивный комплекс вряд ли бы доставил ему много радости. Кестутис Даутартас, он же Кароль, в действительности оказался не поляком, а литовцем. Он был арестован литовской полицией у себя на родине, в Клайпеде. «Кайенн» Марианны Ягоды полиция Франкфурта обнаружила недалеко от главного вокзала. В комнате Кароля в «Гут Вальдхоф» было обнаружено кое-что из багажа Изабель Керстнер, который она приготовила две недели назад для путешествия в свою новую жизнь в Аргентине. В одном из чемоданов находилась отсутствующая туфля, основание для первых сомнений в суициде.

Пия улыбнулась, когда услышала, как ее шеф давал подробные указания своему сыну по поводу того, что парень еще должен сделать по дому и в саду. Она знала, что поздним вечером из Южной Америки возвращается Козима. Чуть позже Оливер закончил разговор с сыном и вошел в кабинет Пии. Он упал на стул для посетителей перед ее письменным столом, скрестил руки на затылке и улыбнулся.

— Что случилось? — поинтересовалась Пия. — Вы выглядите таким довольным.

— Действительно, — согласился Боденштайн, — в высшей степени довольным. Мы завершили расследование.

— Похоже на то, — кивнула Пия. Она отправила документы на печать, после чего распрямила затекшую спину и зевнула, прикрыв рот рукой. Сегодня ночью она будет спать как убитая и завтра появится в офисе не раньше восьми утра.

— Что вы собираетесь делать сегодня во второй половине дня? — спросил Боденштайн.

— В час я встречаюсь с моим официальным мужем, — напомнила ему Пия. — Почему вы спрашиваете?

— Нас пригласили на гриль-вечеринку, — сказал Боденштайн. — Угадайте кто.

— Понятия не имею. Нирхоф?

— Что за глупости! — Боденштайн улыбнулся. — Риттендорф. Они празднуют возвращение дочки Керстнера. В ветеринарной клинике.

— И они пригласили нас? — Пия вынула стопку бумаги из принтера. — Я этого не понимаю.

— Но вы же не допустите, чтобы я пошел туда один?

— Это служебный приказ или моральное давление? — поинтересовалась Пия с улыбкой и подшила отчет в папку.

— Ни то ни другое. — Лицо Боденштайна стало серьезным. — Ваш муж — это однозначно самое важное. Но я хочу вам еще кое-что сказать.

— Что же именно?

— Это было наше первое совместное дело, и я хотел бы поблагодарить вас за нашу общую работу. Я считаю, что вместе мы — хорошая команда.

Пия попыталась скрыть, как приятно ей эта искренняя похвала.

— Да, — нарочито сухо согласилась она, — это почти так же приятно, как орден «За заслуги перед Германией».

Они проникновенно улыбнулись друг другу.

— Так, а сейчас заканчивайте работу и отправляйтесь на встречу с вашим мужем. — Боденштайн поднялся. — А я еду на гриль-вечеринку.

— Вы должны еще подписать заключительный отчет, — Пия передвинула бумаги через письменный стол, — а потом можете идти.

Во дворе ветеринарной клиники был установлен большой гриль с поворотным устройством. Столы и скамейки разместились под ветвями широко разросшихся каштанов, и вокруг стоял аромат жареного мяса. Боденштайн улыбнулся. Раньше они часто устраивали здесь пикники, еще когда был жив старый доктор Ханзен и когда они с Инкой были молоды и дружили без задней мысли.

— Привет, Оливер! — Инка поднялась со скамейки, на которой она сидела рядом с двумя другими женщинами, и подошла к нему.

— Я обрадовался приглашению, — сказал Боденштайн. — Кто все-таки хозяин вечеринки?

— Мы все, — улыбнулась Инка, и это была радостная открытая улыбка.

— Тогда это для всех вас. — Оливер передал ей бутылку шампанского, которую захватил из своего погреба в качестве подарка.

— Это лишнее, — заметила Инка. — Пойдем. Давай праздновать и вспоминать старые времена.

Она взяла его за свободную руку и потянула за собой. Доктор Михаэль Керстнер сильно изменился. Исчезли темные круги под глазами, счастливая улыбка делала его моложе лет на десять. О его короткой, но имевшей серьезные последствия встрече с Тедди напоминал лишь узкий шрам на брови. В целом же он полностью и достаточно быстро оправился после случившегося. Керстнер поприветствовал Боденштайна и сердечно пожал ему руку, еще раз выразив свою благодарность. Маленькая Мари, похоже, не получила серьезной психологической травмы в связи со своим похищением и спокойно играла во дворе с другими детьми. Она казалась столь же счастливой, как и ее отец, который, по сути, таковым не являлся. Анна Лена Дёринг, в джинсах и клетчатой рубашке, с распущенными волосами, тоже преобразилась. Она выглядела расслабленной. Поднявшись навстречу Боденштайну, женщина с улыбкой пожалала ему руку.

Оливер понял, что завершилась полоса ее жизни, исполненная страданий, так как ее кастрированный муж еще очень долго будет дышать казенным воздухом. Помимо всего персонала клиники, присутствовали родители Керстнера и его сестры с детьми, а также семья Анны Лены Дёринг и Валентин Хельфрих с женой. Сильвия Вагнер также подала Боденштайну руку и заговорщически подмигнула.

— Я никому ничего не сказала, — шепнула она.

— Я оценил вашу деликатность, — ответил Оливер со слегка вымученной улыбкой.

За грилем стояла Тордис. Улыбаясь, она махнула ему рукой. Чуть позже Боденштайн сидел за одним из столов, а Тордис заботливо ухаживала за ним, принесла стейк и кружку пива. Уплетая мясо и запивая его пивом, Оливер думал о распутанном деле. В ходе этого расследования он постоянно попадал в тупиковые ситуации... Такого раньше не случалось. Что они только не предполагали в связи с убийством Изабель Керстнер! Какие мотивы и разговоры только не рассматривали! А потом выяснилось, что речь не шла ни об огромных суммах денег, ни о торговцах людьми или еще о чем-либо сенсационном. Все дело было в банальной ревности, мести и желании скрыть преступление. Попутно Боденштайн и его сотрудники открыли тайну существования различных клоак и раскрыли убийство супругов Дрешер. Кроме того, они разоблачили международную банду торговцев людьми и целую

сеть наркокурьеров. Оливер мог гордиться своими сотрудниками. Теперь прокуратура занималась детальным разбирательством отдельных дел. Коллеги из отдела по борьбе с экономической преступностью и мошенничеством были загружены работой, так как банкротство «ЯгоФарм» и содержание документов, которые фрау Дёринг передала Боденштайну, тянули за собой все новых участников.

Взгляд Боденштайна упал на угольный гриль, возле которого стояли трое мужчин: Георг Риттендорф, Флориан Клэзинг и Валентин Хельфрих — трое друзей, собратьев по студенческому сообществу. Они сделали для своего друга и товарища всё, пусть это «всё» — нечто незаконное и даже криминальное. Боденштайн был твердо убежден, что именно эти трое мужчин являлись теми, кто похитил и истязал Фридрихельма Дёринга, и тем самым они не только спасли жизнь Анны Лены, но и отомстили за своего друга Керстнера, за причиненные ему унижения и муки. «Око за око, зуб за зуб».

В этот момент Риттендорф обернулся, их взгляды встретились. Ветеринар что-то сказал своим друзьям, затем подошел к Боденштайну и сел напротив за стол.

— Я принес вам свежее пиво, — улыбнулся он.

— О, спасибо, — ответил Оливер, который уже как раз выпил свою кружку, — вы очень внимательны.

— Вы выглядите задумчивым, — определил ветеринар. — А ведь вы раскрыли это дело, и даже больше того.

— Да, дело раскрыто, — кивнул Боденштайн. — Я просто размышлял.

— Это звучит угрожающе. О чем же вы размышляли? — Риттендорф бросил на него настороженный взгляд.

— О дружбе... в общем и в частности.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

БЛАГОДАРНОСТИ

Это лишь роман. Все персонажи и сюжет являются вымышленными. Я благодарю моих сестер Клаудиу Коэн и Камиллу Альтфатер, а также Марлен Ридель за ценные советы и большую поддержку, оказанную мне при создании этой книги. Выражаю мою благодарность доктору Экарту Шмидту за предоставленную информацию по применению пентобарбитала натрия в ветеринарии.

Я благодарна Лотару Штрюу, у которого была серьезная задача — придать данной книге надлежащую форму. Я считаю, что мы вместе сделали довольно неплохую работу.

И, наконец, я благодарю моего мужа Харальда за его терпение.

Неле Нойхаус

Кельххайм, февраль 2009 года

Воскресным августовским утром главный комиссар полиции Хофхайма Оливер фон Боденштайн и его помощница Пия Кирххоф получили на руки сразу два самоубийства. Но лишь одно из них оказалось настоящим: у себя в саду застрелился главный прокурор Франкфурта. А вот молодая красавица Изабель Керстнер умерла не сама, хотя, казалось, все указывало на то, что она бросилась вниз со смотровой башни. По данным экспертизы, перед этим ей ввели смертельную дозу средства для усыпления лошадей. А поскольку Изабель работала в конно-спортивном комплексе, Боденштайн и Кирххоф первым делом поехали туда. Там выяснилось, что погибшую все либо боялись, либо ненавидели. Беспринципная интриганка, Изабель нажила себе множество врагов, и расправиться с ней мог кто угодно. Но никто не мог и представить, какая длинная цепочка преступлений потянется за смертью женщины, которая никого не любила...

НЕЛЕ НОЙХАУС (р. 1967) выросла и до сих пор проживает в Таунусе. Работала в рекламном агентстве, изучала юриспруденцию, историю и германистику.

В настоящее время помогает мужу в его коммерческой деятельности и параллельно пишет детективы и книги для молодежи.

Едва начав литературную деятельность, Неле Нойхаус сразу прославилась своими остросюжетными романами. Серия ее криминальных историй о сыщиках Пие Кирххоф и Оливере фон Боденштайне принесла ей широкую известность не только в Германии, но и за рубежом. Общий тираж ее книг, переведенных на многие языки мира, только в Германии уже превысил 3 000 000 экземпляров.

Неле Нойхаус ныне является не только ведущим автором детективов в Германии – ее романы имеют **ОГРОМНУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ВО ВСЕЙ ЕВРОПЕ** и в крупных странах Азии.

The Wall Street Journal

Неле Нойхаус прекрасно умеет держать читателя **НА САМОМ ВЫСОКОМ ГРАДУСЕ НАПРЯЖЕНИЯ.**

Krimi-koch.de

ISBN 978-5-699-63820-8

9 785699 638208 >

Неле Нойхаус ныне является не только ведущим автором детективов в Германии — ее романы имеют ОГРОМНУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ВО ВСЕЙ ЕВРОПЕ и в крупных странах Азии.

The Wall Street Journal

Неле Нойхаус прекрасно умеет держать читателя НА САМОМ ВЫСОКОМ ГРАДУС НАПРЯЖЕНИЯ.

Krimi-koch.de

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Zauberberg (нем.) — «волшебная гора». (Здесь и далее прим. перев.)

Знаменитый немецкий автогонщик, выступавший в соревнованиях «Формула-1».

Трупное окоченение (*лат.*).

Известный испанский дизайнер обуви.

Кобольд — в мифологии Северной Европы являлся добродушным домовым. Однако в ответ на пренебрежение к себе мог устроить в доме хаос и беспорядок.

Новый рынок — особый сегмент Франкфуртской фондовой биржи, созданный специально для компаний так называемых «новых отраслей» в 1990-х гг. Во второй половине 2000-х гг. прекратил свое существование в связи с мировым кризисом.

Shooting star (*англ.*) — метеорит. В переносном значении — человек, сделавший головокружительную карьеру, или бурно развивающаяся компания.

Connaisseur (*фр.*) — знаток.

Start-ups (*англ.*) — компании, недавно появившиеся на рынке.

Условно-досрочное освобождение.

Посмертно (*лат.*).

Висбаден — столица федеральной земли Гессен.

Фэтти — от нем. fett — «жирный».

Тортеллони (*итал.* tortelloni) — итальянские пельмени с начинкой из сыра рикотта и шпината.

Goldfinger (*нем.*) — безымянный палец.

Марка дорогих швейцарских часов.

Моби Дик — имя огромного белого кита из одноименного романа Г. Мелвилла. В данном случае Сюзанна, называя так Марианну, намекает на ее полноту и большие размеры.